БЛАЖЕННАГО ІЕРОНИМА

Толкованіе на книгу Екклезіастъ,

КЪ ПАВЛѢ И ЕВСТОХІИ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Помню, почти за два года предъ симъ, когда я еще былъ въ Римѣ и читалъ Екклезіастъ святой Блезиллѣ съ цѣлію возбудить въ ней презрѣніе міра сего, чтобы все, что видѣла въ мірѣ, она вмѣняла ни во что, она просила меня въ формѣ краткаго толкованія объяснить ей все неясное, чтобы она и безъ меня могла понимать, что̀ читала. Но такъ какъ, пока я приготовлялъ это сочиненіе, она была похищена неожиданною смертію, и мы, о Павла и Евстохія, лишены были такой подруги жизни нашей: то теперь, живя въ Виѳлеемѣ, то есть въ болѣе славномъ городѣ, я отдаю свой долгъ и ея памяти, и вамъ. При этомъ кратко поясняю, что я не слѣдовалъ ничьему авторитету, но, переводя съ еврейскаго, болѣе примѣнялся къ пониманію Семидесяти Толковниковъ, въ томъ особенно, что немного отличалось отъ еврейскаго. Иногда я вспоминалъ и объ Акилѣ, Симмахѣ и Ѳеодотіонѣ, чтобы и чрезмѣрною новизною не устрашать любознательнаго читателя, и, съ другой стороны, вопреки своей совѣсти, оставивъ источникъ истины, не слѣдовать ручейкамъ мнѣній.

Толкованіе.

Глава I. ст. 1. *Слова Екклезіаста, сына Давидова, царя въ Іерусалимѣ*[1]). Писаніе весьма ясно показываетъ, что Соломонъ назывался тремя именами: *Соломонъ*, т. е. *миролюбивый*, *Идидія*, т. е. *возлюбленный Господа*, и, какъ теперь называ тся, *Коелетъ*, т. е. *Екклезіастъ*. Екклезіастомъ на греческомъ языкѣ называется созывающій собраніе, т. е. церковь, а мы можемъ перевести это слово въ *проповѣдникъ*, потому что онъ говоритъ къ народу, и рѣчь его обращается не къ одному лицу въ частности, а ко всѣмъ вообще. Далѣе, онъ названъ *миролюбивымъ и возлюбленнымъ Господа* потому, что въ его царствованіе былъ миръ, и Господь возлюбилъ его И псалмы сорокъ четвертый и семьдесятъ первый обозначаются надписаніемъ: *возлюбленнаго и миролюбиваго*. Хотя они, относясь къ пророчествамъ о Христѣ и Церкви, въ изображеніи превышаютъ благоденствіе и силу Соломона, тѣмъ не менѣе въ историческомъ смыслѣ написаны о Соломонѣ.

Соотвѣтственно числу наименованій, Соломонъ написалъ и три книги: Притчи, Екклезіастъ и Пѣснь Пѣсней. Въ Притчахъ онъ учитъ юнаго возрастомъ и изреченіями наставляетъ его въ обязанностяхъ жизни, почему рѣчь его часто и обращается *къ сыну*. Въ Екклезіастѣ онъ наставляетъ мужа зрѣлаго возраста, чтобы въ предметахъ міра онъ ничего не

---

[1]) Такъ какъ чтеніе бл. Іеронима отличается отъ греческаго, славянскаго и русскаго переводовъ, а между тѣмъ толкованіе его примѣняется къ этому его собственному чтенію: то при переводѣ толкованій бл. Іеронима какъ на эту, такъ и на всѣ другія книги ветхаго и новаго завѣта, редакція считаетъ необходимымъ объясняемый текстъ приводить, по возможности буквально, *по чтенію бл. Іеронима*. Прим. Редакціи.

признавалъ вѣчнымъ, но все, что видимъ, считалъ тлѣннымъ и скоропреходящимъ. Наконецъ, въ Пѣсни Пѣсней онъ приводитъ въ объятія Жениха мужа уже приготовленнаго, совершеннаго и преклоннаго возрастомъ. Ибо, если мы сначала не оставимъ пороковъ и, презрѣвъ славу міра, не содѣлаемъ себя готовыми къ пришествію Христову, то не можемъ сказать: *да лобжетъ мя отъ лобзаній устъ своихъ* (Пѣснь П. 1, 1). И философы даютъ образованіе своимъ ученикамъ не далеко отступая отъ этого порядка ученія: учатъ ихъ сначала ѳикѣ, потомъ объясняютъ физику и, кого увидятъ успѣвшимъ въ этихъ наукахъ, переводятъ уже къ логикѣ.

Притомъ,—и это особенно тщательно слѣдуетъ замѣтить,—и надписаніе каждой изъ трехъ книгъ писателя различно. Въ Притчахъ поставлено: *Притчи Соломона, сына Давидова, царя Израилева*: въ Екклезіастѣ; *слова Екклезіаста, сына Давидова, царя въ Іерусалимѣ* (слово *Израилева,* неправильно стоящее въ греческихъ и латинскихъ кодексахъ, здѣсь излишне); а въ надписаніи Пѣсни Пѣсней Соломонъ не обозначается ни сыномъ Давидовымъ, ни царемъ Израилевымъ, или въ Іерусалимѣ, а стоитъ только: *Пѣснь Пѣсней Соломона.* Ибо, тогда какъ Притчи и первоначальное наставленіе относятся къ двѣнадцати колѣнамъ и ко всему Израилю, и тогда какъ презрѣніе міра особенно умѣстно для жителей столицы, то есть Іерусалима: Пѣснь Пѣсней собственно обращается къ тѣмъ, которые стремятся только къ горнему. Для начинающихъ и усовершающихся справедливо выставляются Соломономъ и достоинство отца, и собственный царственный авторитетъ, а для совершенныхъ, тамъ, гдѣ ученикъ вразумляется не страхомъ, а любовію, тамъ достаточно собственнаго имени, учитель равенъ и не выставляетъ себя царемъ. Это, впрочемъ, по толкованію буквальному.

А по разумѣнію духовному: миролюбивый и возлюбленный Бога Отца и Екклезіастъ нашъ есть Христосъ, Который, разрушивъ стоявшую посреди преграду и упразднивъ вражду плотію своею, содѣлалъ изъ обоихъ одно, говоря: *миръ мой даю вамъ, миръ мой оставляю вамъ* (Іоан. 14, 27), о Которомъ Отецъ глаголалъ ученикамъ: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, Того послушайте*, Который есть глава всей церкви. Онъ говоритъ не къ синагогѣ іудейской, но ко множеству язычниковъ; Онъ царь Іерусалима, созданнаго изъ живыхъ камней, не того, о которомъ Самъ сказалъ: *Іерусалиме, Іерусалиме, избивый пророки* (Мѳ. 23, 37) и: *се оставляется вамъ домъ вашъ пустъ* (тамже ст. 38), а того, которымъ Онъ воспрещаетъ клясться, потому что это городъ великаго Царя. Онъ есть Сынъ Давидовъ, къ которому слѣпые въ Евангеліи взывали: *помилуй ны, сыне Давидовъ* (Мѳ. 9, 27), и все множество единогласно восклицало: *осанна сыну Давидову* (Мѳ. 21, 9). Наконецъ, не бываетъ къ Нему слово Божіе какъ къ Іереміи и прочимъ пророкамъ, но поелику Онъ Самъ и богатъ, и царь, и могущественъ (ибо есть Слово, и Премудрость, и прочія силы), то Онъ Самъ говоритъ къ мужамъ церкви,— внушаетъ словеса апостоламъ, о коихъ воспѣвается въ псалмѣ: *во всю землю изыде вѣщаніе ихъ и въ концы вселенныя глаголы ихъ* (Псал. 18, 5).

Неправо нѣкоторые думаютъ, что изъ этой книги мы возбуждаемся къ наслажденіямъ и роскоши: напротивъ, здѣсь предлагается ученіе, что все, что видимъ въ мірѣ, есть суета, и что мы не должны стремиться къ тому, что, тотчасъ по достиженіи нами, преходитъ.

Ст. 2. *Суета суетъ, сказалъ Екклезіастъ: суета суетъ, и все суета.* Если все, что сотворилъ Богъ, *добра зѣло*, то какимъ образомъ все суета, и не только суета, но и суета суетъ? Какъ именемъ Пѣсни Пѣсней показывается,

что это между всѣми пѣснями превосходнѣйшая пѣснь, такъ и словомъ: *суета суетъ* обозначается великость суеты. Нѣчто подобное написано и въ псалмѣ: *обаче всяческая суета всякъ человѣкъ живый* (Псал. 38, 6). Если живой человѣкъ суета, то мертвый суета суетъ. Въ Исходѣ читаемъ, что лице Моисея настолько было прославлено, что сыны Израилевы не могли смотрѣть на него; но славу эту по сравненію съ славою евангельскою, апостолъ Павелъ называетъ неславною: *ибо не прославися прославленное въ части сей, за превосходящую славу* (2 Кор. 3, 10). Значитъ въ подобномъ смыслѣ можемъ и мы небо, землю, моря и все, что содержится въ ихъ предѣлахъ, признавать хотя добрымъ въ себѣ, но, по сравненію съ Богомъ, считать за ничто. Смотря на огонекъ свѣтильника, я довольствуюсь его свѣтомъ; но потомъ, когда взойдетъ солнце, не замѣчаю того, что издавало свѣтъ, и вижу, что отъ блеска солнца скрылись даже свѣтила звѣздныя. Подобно этому, смотря на міръ и на широкое разнообразіе предметовъ, я хотя и удивляюсь величію твореній, но, размышляя, что все это преходитъ, и что міръ старѣется и имѣетъ конецъ свой, и что одинъ Богъ всегда есть то, что былъ, я невольно вынужденъ не однажды, а дважды сказать: *суета суетъ и все суета*. Въ Еврейскомъ вмѣсто *суета суетъ* стоитъ: *abal abalim*, что̀, за исключеніемъ Семидесяти Толковниковъ, всѣ одинаково перевели: ἀτμὸς ἀτμίδων, или ἀτμῶν, что̀ мы можемъ перевести *паръ* дыма и легкій *вѣтерокъ*, который скоро разсѣевается. Этимъ словомъ показывается, слѣдовательно, тлѣнность и ничтожность всего существующаго. Ибо все видимое временно, а невидимое вѣчно. Или: поелику тварь подчинена суетѣ и воздыхаетъ, болѣзнуетъ и ожидаетъ откровенія славы чадъ Божіихъ, и поелику нынѣ отчасти уразумѣваемъ и отчасти пророчествуемъ: то все суета, пока не придетъ совершенное.

Ст. 3. *Что остается человѣку во всемъ трудѣ его, которымъ трудится подъ солнцемъ?* Послѣ общей мысли, что все суета, начинаетъ съ людей,—что напрасно изнемогаютъ они въ трудѣ міра сего, собирая богатство, уча дѣтей, стремясь къ почестямъ, созидая зданія, когда, похищаемые среди трудовъ неожиданною смертію, они слышатъ: *безумне, въ сію нощь душу твою истяжутъ отъ тебе: а яже уготовалъ еси кому будутъ* (Лук. 12, 20)?—особенно, когда изъ всего труда не уносятъ ничего съ собою, а нагими возвращаются въ землю, изъ которой взяты.

Ст. 4. *Родъ проходитъ и родъ приходитъ: а земля во вѣкъ стоитъ.* Когда одни умираютъ, раждаются другіе, и не видя тѣхъ, кого видалъ, начинаешь видѣть кого не видалъ. Что суетнѣе той суеты, что земля, созданная для людей, пребываетъ, а самъ человѣкъ, господинъ земли, мгновенно разлагается въ прахъ? Иначе: первымъ проходитъ родъ іудейскій, и мѣсто его занимаетъ родъ собранный изъ язычниковъ, а земля стоитъ до тѣхъ поръ, пока, по прехожденіи синагоги, не войдетъ вся церковь. Ибо, когда Евангеліе будетъ проповѣданно во всемъ мірѣ, тогда настанетъ кончина. А когда настанетъ кончина, небо и земля прейдутъ. И знаменательно сказалъ: *земля во вѣкъ стоитъ*, а не *во вѣки.* Мы же хвалимъ Господа не въ одинъ вѣкъ, но во вѣки вѣковъ.

Ст. 5. *Восходитъ солнце, и заходитъ солнце, и къ мѣсту своему идетъ, и восходитъ само тамъ.* Самое солнце, данное во свѣтъ смертнымъ, своимъ восходомъ и заходомъ ежедневно показываетъ свою смертность. Погрузивъ свой огненный дискъ въ океанъ, оно неизвѣстными намъ путями возвращается на мѣсто, откуда выходило, и по окончаніи ночи, снова поспѣшно выходитъ изъ своей опочивальни. Вмѣсто поставленнаго нами по изданію Вульгаты: *къ мѣсту своему идетъ* въ Еврейскомъ стоитъ *soeph*, что̀ Акила переводитъ εἰσπνεῖ, то есть *отдыхаетъ*; а Симмахъ и

Θеодотіонъ переводятъ: *возвращается*,—что, то есть, солнце возвращается къ мѣсту своему и тамъ, откуда прежде выходило, отдыхаетъ. Все же это говорится для того, чтобы перемѣнами временъ и восходомъ и заходомъ свѣтилъ небесныхъ научить, что родъ человѣческій падаетъ и погибаетъ во время для него неизвѣстное. Иначе: Солнце правды, въ крылахъ коего сила, восходитъ для боящихся Бога, а для ложныхъ пророковъ и въ полдень заходитъ. А, взошедши, влечетъ насъ на мѣсто свое. Куда?—безъ сомнѣнія ко Отцу. Ибо для того и пришелъ Онъ, чтобы подъять насъ отъ земли на небо и сказать: «когда вознесенъ будетъ Сынъ человѣческій, все привлечетъ къ себѣ» (Іоан. 12). И не дивно, что Сынъ привлекаетъ къ Себѣ вѣрующихъ, когда и Самъ Отецъ привлекаетъ къ Сыну: ибо *никтоже*, говоритъ, *можетъ пріити ко Мнѣ, аще не Отецъ пославый Мя, привлечетъ Его* (Іоан. 6, 44). Оное солнце, которое, какъ мы сказали, для однихъ заходитъ, а для другихъ восходитъ, нѣкогда зашло для Іакова патріарха, когда онъ выходилъ изъ земли святой, и снова взошло для него, когда изъ Сиріи онъ входилъ въ землю обѣтованную (Быт. 28). И Лотъ, когда вышелъ изъ Содома и прибылъ къ городу, въ который ему повелѣно было спѣшить, то взошелъ на гору, и солнце взошло надъ Сигоромъ (Быт. 19).

Ст. 6. *Идетъ къ югу и обходитъ кругомъ къ сѣверу: кругомъ кружась идетъ духъ и на кругообращенія свои возвращается духъ.* Отсюда можемъ думать, что во время зимы солнце движется къ странѣ полуденной, а лѣтомъ ближе къ сѣверу, и что движеніе его начинается не съ осенняго равноденствія, а съ перваго вѣянія теплыхъ вѣтровъ, когда во время весны все начинаетъ рости. Говоря: *кругомъ кружась идетъ духъ и на кругообращенія свои возращается*, Соломонъ духомъ назвалъ или самое солнце, потому что оно оживляетъ, грѣетъ и произра-

щаетъ и своимъ движеніемъ выполняетъ годовыя кругообращенія, какъ говоритъ поэтъ:

„Вращается солнце межъ тѣмъ въ теченіе года большаго".

(Aeneid. III).

и въ другомъ мѣстѣ:

„По прежнимъ слѣдамъ своимъ годъ обращается".

(Georg. II).

или что и свѣтлый шаръ луны и звѣздные міры

„Внутри духъ питаетъ, и всюду по членамъ разлитый
„Умъ движетъ громаду вселенной, съ тѣломъ великимъ соединяясь,

—говоря не о годовомъ движеніи солнца, а о ежедневныхъ его обращеніяхъ. Ибо изогнутою наискось линіею солнце отъ юга идетъ къ сѣверу и такимъ образомъ возвращается къ востоку. Иначе: солнце, когда движется по южной сторонѣ, то ближе къ землѣ, а когда по сѣверной, то поднимается выше. Быть можетъ, слѣдовательно, оное Солнце Правды ближе къ тѣмъ, кои не скованы холодомъ зимы и бурями страстей (ибо отъ сѣвера возгораются бѣдствія на землѣ, Іер. 1, 14), а для тѣхъ, кои живутъ въ части сѣверной и не имѣютъ лѣтняго жара, оно ходитъ вдали, и своими кругообращеніями возвращается туда, откуда и вышло. Ибо, когда всѣхъ привлечетъ къ Себѣ и всѣхъ озаритъ лучами своими, то бываетъ всеобщее возстановленіе, и является Богъ всяческая во всѣхъ. Симмахъ это мѣсто перевелъ такъ: *идетъ къ полудню, и обходитъ къ сѣверу; переходя идетъ вѣтеръ, и чрезъ что обошелъ, возвращается вѣтеръ.*

Ст. 7. *Всѣ потоки идутъ въ море, и море не наполняется. Въ мѣсто, изъ котораго потоки исходятъ, туда они возвращаются, чтобы выйти.* Нѣкоторые думаютъ, что прѣсныя воды, впадающія въ море, или поглощаются палящимъ сверху солнцемъ, или служатъ пищею для соленыхъ водъ моря. Но нашъ Екклезіастъ и творецъ самыхъ водъ говоритъ, что онѣ скрытыми жилами возвраща-

ются къ верховьямъ источниковъ, и изъ главной питательной пучины постоянно прорываются въ истокахъ текучихъ водъ. Евреи же лучше думаютъ, что подъ именемъ потоковъ и моря метафорически означаются люди, что они возвращаются въ землю, изъ которой взяты, и что они называются потоками, а не рѣками, потому что скоро прерываются, хотя, однако, земля не наполняется множествомъ мертвыхъ. Далѣе, если мы взойдемъ къ болѣе высокому, то справедливо мутныя воды страстей возвращаются въ море, откуда получаютъ начало. И, если не ошибаюсь, слово потокъ безъ эпитета никогда не употребляется въ хорошую сторону. Ибо въ словахъ: *потокомъ сладости твоея напоиши я* (Псал. 35, 9) употребляется это слово съ эпитетомъ сладости. И напротивъ Спаситель предается при потокѣ Кедронѣ (Іоан. 18, 1), и Илія во время преслѣдованія скрывается при потокѣ Хораѳъ, да и тотъ изсыхаетъ (3 Цар. 17, 3). А море ненасытимое не наполняется, какъ и въ Притчахъ дочери піявицы (Притч. 30, 15).

Ст. 8. *Всѣхъ рѣчей важныхъ не можетъ мужъ высказать. Не насытится око видѣніемъ и не исполнится ухо слышаніемъ.* Трудно достигнуть знанія не только въ предметахъ природы, но и въ предметахъ нравственныхъ. Ни слово не можетъ изъяснить причинъ и природы вещей, ни глазъ не можетъ усмотрѣть ихъ такъ, какъ требуетъ великость предмета, ни ухо при наставленіи ученаго не можетъ достигнуть высшаго знанія. Ибо, если нынѣ видимъ зерцаломъ въ гаданіи, и отчасти уразумѣваемъ, и отчасти пророчествуемъ: то, слѣдовательно, ни слово не можетъ выразить того, чего не знаемъ, ни глазъ не можетъ усмотрѣть того, что для него недоступно, ни ухо не можетъ исполниться того, въ чемъ оно сомнѣвается. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нужно замѣтить и то, что всѣ слова (Писанія) важны и изучаются съ большимъ трудомъ, — замѣтить противъ

тѣхъ, которые думаютъ, что знаніе Писаній возможно и при праздности и развлеченіяхъ.

Ст. 9. *Что есть то, что было? Тоже, что будетъ И что есть то, что сдѣлано? Тоже, что сдѣлается. И нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ.* Мнѣ кажется, что о томъ, что исчислилъ выше,—о прехожденіи родовъ, о стояніи земли, восходѣ и заходѣ солнца, теченіи рѣкъ, обширности океана и обо всемъ что узнаемъ мы мыслію, или зрѣніемъ, или слухомъ, теперь онъ говоритъ вообще, что нѣтъ ничего въ природѣ вещей, чего бы не было прежде. Ибо отъ начала міра и люди раждались и умирали, и земля стояла, повѣшенная на водахъ, и восходившее солнце заходило; и чтобы не упоминать о слишкомъ многомъ, Богомъ Творцомъ давалось и птицамъ летать, и рыбамъ плавать, и животнымъ земнымъ ходить, и ползающимъ пресмыкаться. Нѣчто подобное сей мысли высказалъ и комическій поэтъ:

„Ничего не сказано, чего не было-бъ сказано прежде".
(Terent. In Prolog. Eunuchi).

Поэтому учитель мой Донатъ, когда объяснялъ этотъ стишокъ, говорилъ: *да погибнутъ тѣ, кои прежде насъ сказали наше»*. Если въ области слова не можетъ быть сказано ничего новаго, то тѣмъ болѣе ничего не можетъ быть новаго въ порядкѣ міра, который отъ начала такъ совершенъ, что Богъ въ день седмый почилъ отъ дѣлъ своихъ. Въ одной книгѣ я читалъ: если все, что сотворено подъ солнцемъ, было въ прошедшіе вѣка, прежде чѣмъ появилось теперь, а человѣкъ созданъ уже по сотвореніи солнца: то слѣдуетъ, что и человѣкъ былъ прежде чѣмъ появился подъ солнцемъ. Но это заключеніе не имѣетъ мѣста, потому что въ такомъ случаѣ можно сказать, что и скоты, и насѣкомыя, и всѣ малыя и великія животныя были прежде, чѣмъ создано небо. Впрочемъ, можетъ быть возражатель отвѣтитъ на это, что изъ дальнѣйшаго видно, что

у Екклезіаста рѣчь идетъ не о прочихъ животныхъ, а о человѣкѣ, такъ какъ онъ говоритъ: *нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ, о чемъ кто либо говорилъ и сказалъ: вотъ это новое.* Говорятъ не животныя, а только человѣкъ, и еслибы животныя говорили, что это новое, то и уничтожалось бы положеніе, что нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ.

Ст. 10. *Есть ли слово, о которомъ бы можно было сказать: смотри, вотъ это новое: оно уже было въ вѣкахъ, бывшимъ прежде насъ.* Симмахъ перевелъ это яснѣе: *думаешь ли, что есть, кто могъ-бы сказать: смотри, вотъ это новое, но оно уже было въ вѣкѣ, бывшемъ прежде насъ.* Это согласно съ предыдущимъ,— что въ мірѣ не бываетъ ничего новаго, и нѣтъ никого, кто могъ бы существовать и сказать: «вотъ это новое», потому что все, на что бы онъ ни считалъ возможнымъ указать какъ на новое, уже было въ прежніе вѣка. Но мы не должны думать, что и знаменія, и чудеса, и многое, что изволеніемъ Божіимъ совершается въ мірѣ вновь, уже было въ прежніе вѣка, и что правъ Епикуръ, утверждающій, что въ продолженіе безчисленнаго множества періодовъ совершается одно и тоже въ тѣхъ же мѣстахъ и чрезъ тѣхъ же дѣятелей Въ такомъ случаѣ и Іуда много разъ былъ предателемъ, и Христосъ часто страдалъ за насъ и все прочее совершившееся и будущее будетъ подобнымъ же образомъ повторяться въ тѣже періоды. Но то слѣдуетъ признавать, что въ предвѣденіи и предопредѣленіи Божіемъ уже совершилось то, что имѣетъ совершиться. Ибо прежде сложенія міра избранные во Христѣ были въ прежніе вѣка.

Ст. 11. *Нѣтъ памяти прежнему, и позднѣйшему, что будетъ, не будетъ тому памяти у тѣхъ, кои будутъ въ позднѣйшее время.* Какъ прошедшее у насъ покрывается забвеніемъ, такъ и того, что есть теперь, или что будетъ, не будутъ знать имѣющіе родиться; все это они

прейдутъ молчаніемъ и все это сокроется какъ бы не существовавшее, и исполнится оное изреченіе: *суета суетъ и все суета.* И Серафимы потому закрываютъ лице свое и ноги, что первое и послѣднее закрыто. А примѣнительно къ переводу Семидесяти Толковниковъ, которые поставили: *нѣтъ памяти первымъ, и послѣднимъ, которые будутъ, не будетъ имъ памяти съ тѣми, кои будутъ въ послѣднее время,*—по Евангелію смыслъ тотъ, что первые въ семъ вѣкѣ будутъ послѣдними (Матѳ. 20, 16). Поелику Богъ, какъ благій и милостивый, помнитъ и о меньшихъ, какъ и о всѣхъ, и тѣмъ, кои своими пороками заслужили быть послѣдними, не дастъ такой славы, какую дастъ тѣмъ, кои, смиривъ себя, возжелали быть послѣдними въ мірѣ. Поэтому далѣе и говорится: *нѣтъ памяти мудраго съ глупымъ во вѣки.*

Ст. 12. *Я, Екклезіастъ, былъ царемъ надъ Израилемъ въ Іерусалимѣ.* До сихъ поръ вступленіе говоритъ о всѣхъ вообще; теперь Соломонъ обращается къ самому себѣ и показываетъ, кто онъ былъ и какимъ опытомъ позналъ все. Евреи говорятъ, что эта книга написана Соломономъ въ то время, когда онъ раскаялся, что полагаясь на свою мудрость и богатство, онъ чрезъ женщинъ прогнѣвалъ Бога.

Ст. 13. *И предалъ я сердце свое испытанію и изслѣдованію въ мудрости всего, что дѣлается подъ солнцемъ. Это занятіе злое далъ Богъ сынамъ человѣческимъ, чтобы они занимались имъ.* Слово anian Акила, Семьдесятъ и Ѳеодотіонъ согласно перевели словомъ: περισπασμόν, которое латинскій переводчикъ передалъ словомъ *развлеченіе*, потому что умъ человѣческій разрывается развлекаемый различными заботами. А Симмахъ это перевелъ словомъ ἀσχολίαν, то есть *занятіе.* Такъ какъ это слово очень часто упоминается въ этой книгѣ, будемъ ли перево-

дить его словомъ *занятіе*, или *развлеченіе*, или какъ нибудь иначе, все должно согласоваться съ выше указанннымъ смысломъ. Итакъ, Екклезіастъ прежде всего предалъ свой умъ изысканію мудрости, и простираясь далѣе дозволеннаго, хотѣлъ узнать причины и основанія, почему дѣтьми, овладѣвалъ демонъ, почему бури поглощали при кораблекрушеніяхъ одинаково и праведныхъ и нечестивыхъ; происходило ли это и тому подобное случайно, или по опредѣленію Божію; и если случайно, то гдѣ же Промыслъ Божій? Стремясь, говоритъ онъ, познать это, я увидѣлъ, что Богомъ дана людямъ излишняя забота и мучительное сремленіе къ многоразличному, что они желаютъ постигнуть то, чего знать не дозволено. И прекрасно указалъ сначала причину, а потомъ сказалъ, что это занятіе дано отъ Бога,— подобно тому, какъ говорится въ посланіи къ Римлянамъ: *тѣмже и предаде ихъ Богъ въ похотѣхъ сердецъ ихъ въ нечистоту* (Рим. 1, 24) и еще: *сего ради предаде ихъ Богъ въ страсти безчестія* (тамже 26 ст.) и затѣмъ: *сего ради предаде ихъ Богъ въ неискусенъ умъ, творити неподобная* (тамже 28 ст), и къ Ѳессалоникійцамъ: *сего ради послетъ имъ Богъ дѣйство лъсти* (2 Ѳесс. 2, 10). Какъ въ этихъ мѣстахъ выше указаны причины, почему они преданы или страстямъ нечестія, или погрѣшительному смыслу, или желаніямъ сердца своего, или что́ они сдѣлали, за что они получаютъ дѣйствіе заблужденія, такъ и въ настоящемъ мѣстѣ Богъ потому далъ людямъ развлеченіе злое, чтобы они развлекались въ немъ, что они прежде своимъ произволомъ и собственною волею сдѣлали то, или другое.

Ст. 14. *Видѣлъ я всѣ дѣла, какія произошли подъ солнцемъ, и вотъ все суета и мечтаніе духа.* Вынуждаемся необходимостью чаще, нежели хотимъ, говорить о словахъ еврейскихъ. Ибо можемъ узнать смыслъ не иначе

какъ уяснивши его изъ словъ. Слово rooth Акила и Өеодотіонъ перевели νομήν, а Симмахъ βόσκησιν. Семьдесятъ Толковниковъ перевели не еврейское, а сирское слово, поставивъ προαίρεσιν. Какъ νομή, такъ и βόσκησις означаютъ *пасеніе*, а προαίρεσις означаетъ болѣе *произволеніе*, чѣмъ *мечтаніе*. Здѣсь говорится, что каждый дѣлаетъ что хочетъ и кажется самъ себѣ правымъ, и что люди свободнымъ произволомъ своимъ стремятся къ различному, что все подъ солнцемъ суета, когда мы взаимно несогласны между собою въ опредѣленіи добраго и дурнаго. Еврей, подъ руководствомъ котораго я читалъ священное Писаніе, говорилъ мнѣ, что вышеуказанное слово rooth въ этомъ мѣстѣ скорѣе означаетъ *томленіе* и *злобу*, чѣмъ пасеніе и произволеніе,—не въ смыслѣ зла, какъ противнаго добру, а въ смыслѣ того, о чемъ написано въ Евангеліи: *довлѣетъ дневи злоба его* (Мѳ. 6, 34). Это слово греки выразительнѣе называютъ κακουχία, и смыслъ этого мѣста такой: я видѣлъ все, что происходитъ въ мірѣ и ничего не нашелъ иного, кромѣ суеты и заботы, то есть томленія духа, коимъ удручается душа отъ различныхъ заботъ.

Ст. 15. *Искривленный не можетъ сдѣлаться красивымъ, и ущербъ не можетъ быть исчисленъ.* Кто искривленъ, тотъ не можетъ сдѣлаться красивымъ иначе, какъ послѣ исправленія. Искривленнымъ называется только тотъ, кто уклонился отъ прямоты. Это противъ еретиковъ, которые признаютъ нѣкоторыя существа, которыя не принимаютъ исправленія. Такъ какъ ущербъ, то есть то, чего нѣтъ, не можетъ подлежать исчисленію, то посему и исчислены только первенцы Израиля, а женщины, рабы, и дѣти и народъ, вышедшій изъ Египта, какъ не восполненіе, а ущербъ для войска, оставлены были безъ исчисленія. Возможенъ и такой смыслъ: въ общей совокупности міра сего существуетъ столь много зла, что міръ едва-ли можетъ

возвратиться въ состояніе вполнѣ хорошее, и не легко можетъ снова получить тотъ порядокъ свой и совершенство, въ которыхъ созданъ былъ первоначально. Иначе: тогда какъ всѣ чрезъ покаяніе возстановляются въ невинное состояніе, одинъ діаволъ останется въ своемъ заблужденіи. Ибо все сотворенное подъ солнцемъ извращено его произволомъ и духомъ злобы, когда по его внушенію грѣхи прилагаются ко грѣхамъ. И наконецъ: число обольщенныхъ имъ и похищенныхъ имъ изъ стада Господня такъ велико, что не можетъ быть исчислено.

Ст 16. *Говорилъ я съ сердцемъ своимъ такъ: вотъ я возвеличился, и пріобрѣлъ мудрости больше всѣхъ бывшихъ до меня въ Іерусалимѣ, и сердце мое увидѣло многую мудрость и знаніе.* Соломонъ былъ мудрѣе не Авраама и Моисея и другихъ святыхъ, а былъ мудрѣе бывшихъ до него во Іерусалимѣ. И въ книгахъ Царствъ читаемъ, что Соломонъ былъ одаренъ многою премудростью и просилъ у Бога этого дара преимущественно предъ прочими. Итакъ, око сердца чистаго созерцаетъ многую мудрость и знаніе. Не сказалъ: я высказалъ многую мудрость и знаніе, а сказалъ: многую мудрость и знаніе видѣло сердце мое; ибо не можемъ выражать всего, что знаемъ.

Ст. 17. *И предалъ я сердце мое, чтобы познать мудрость и вѣдѣніе, заблужденія и глупость: узналъ, что и это есть пасеніе вѣтра,* или *томленіе духа.* Противное объясняется противнымъ. Первая мудрость та, чтобы не имѣть глупости. А не имѣть глупости можетъ только тотъ, кто пойметъ ее. Поэтому-то и сотворено въ существующемъ очень много вреднаго, чтобы, избѣгая онаго, мы научались мудрости. Итакъ Соломонъ равно стремился постигать мудрость и знаніе, а съ другой стороны—заблужденія и глупость, чтобы въ стремленіи къ одному и въ уклоненіи отъ другаго испытывалась истинная мудрость его Но и въ этомъ, какъ и въ прочемъ, по словамъ его, онъ

пасъ вѣтры и не могъ постигнуть совершенной истины. О томленіи духа, или пасеніи вѣтра, о чемъ очень часто говорится въ этой книгѣ, достаточно будетъ сказаннаго выше.

Ст. 18. *Ибо во множествѣ мудрости множество негодованія: и кто прилагаетъ мудрость, прилагаетъ печаль*. Чѣмъ больше кто будетъ постигать мудрость, тѣмъ больше онъ негодуетъ, что подчиненъ порокамъ и далекъ отъ добродѣтелей, къ которымъ стремится (Премуд. 6, 7). А поелику сильные будутъ терпѣть и сильныя муки, и кому болѣе поручается, отъ того болѣе и взыскивается, то прилагающій мудрость прилагаетъ поэтому и скорбь, сокрушается печалью по Богѣ и скорбитъ о грѣхахъ своихъ. Поэтому и Апостолъ говоритъ: *кто есть веселяяй мя, точію пріемляй скорбь отъ мене* (2 Кор. 2, 2). Но, можетъ быть, можно разумѣть здѣсь и то, что мужъ мудрый скорбитъ о томъ, что мудрость скрывается въ такомъ отдаленіи и глубинѣ, и не сообщается уму такъ, какъ свѣтъ зрѣнію, а достигается съ нѣкоторыми мученіями, невыносимымъ трудомъ, постояннымъ углубленіемъ и занятіями.

Гл. II. Ст. 1. *Сказалъ я въ сердцѣ своемъ: приди теперь, я испытаю тебя въ веселъѣ и посмотрю во благѣ: и вотъ и это суета*. Узнавъ, что во множествѣ мудрости и приложеніи знанія есть трудъ и печаль, и что это ничто иное, какъ напрасная и безконечная борьба, я перешелъ къ веселью, чтобы утопать въ роскоши, собирать имѣнія, жить въ обычномъ богатствѣ, и прежде чѣмъ умру, срывать скоропреходящія удовольствія. Но и въ этомъ самъ я увидѣлъ суету свою, такъ какъ удовольствіе прошедшее не удовлетворяетъ моей страсти въ настоящемъ, и исчерпанное не насыщаетъ; и не только радость тѣлесная, но и духовная есть искушеніе для обладающаго ею, такъ что мнѣ нуженъ вразумляющій жезлъ и ангелъ сатанинъ, который бы

удручалъ меня, чтобы я не превозносился (2 Кор. 12, 7). Поэтому и Соломонъ говоритъ: *богатства и нищеты не даждь ми*, и непосредственно за тѣмъ присовокупляетъ: *да не насыщься ложъ буду, и реку: кто мя видитъ*. (Притч. 30, 8, 9). Ибо и діаволъ овладѣваетъ нами чрезъ обиліе благъ. Посему и у апостола написано: *да не разгордѣвся въ судъ впадетъ діаволь* (1 Тимоѳ. 3, 6), то есть такое осужденіе, какому подпалъ и діаволъ. Но можемъ сказать и то, что радость духовная, какъ и прочее, объявляются теперь суетой потому, что видимъ ее теперь въ зеркалѣ и гадательно, а когда она откроется лицомъ къ лицу, тогда она будетъ уже не суетою, а истиною.

Ст. 2. *Смѣху сказалъ я: безуміе, и веселью: что ты это дѣлаешь?* Гдѣ мы читаемъ *безуміе*, въ еврейскомъ стоитъ molal, что Акила перевелъ πλάνησιν, то есть *заблужденіе*, а Симмахъ θόρυβον, то есть *шумъ*; Семьдесятъ же и Ѳеодотіонъ, какъ во многихъ мѣстахъ, такъ и въ этомъ мѣстѣ согласно перевели περιφοράν, что мы, переводя буквально, можемъ выразить словомъ *обношеніе*. Итакъ, какъ тѣ, кои носятся всякимъ вѣтромъ ученія, непостоянны и колеблются въ разныя стороны (Ефес. 4, 14): такъ и тѣ, кои разражаются смѣхомъ, о которомъ Господь сказалъ въ Евангеліи, что онъ перемѣнится въ плачь (Лук. 6, 25), охватываются заблужденіемъ и вихремъ вѣка сего, не разумѣя бездны грѣховъ своихъ и не оплакивая прежнихъ пороковъ, но думая, что скоропреходящія блага вѣчны, и радуясь тому, что скорѣе достойно плача. Это можно понимать и въ отношеніи къ еретикамъ, которые удовлетворяясь ложными ученіями, обѣщаютъ себѣ радости и благополучіе.

Ст. 3. ***Подумалъ я въ сердцѣ своемъ: буду въ винѣ влачить плоть свою; но сердце мое навело меня на мудрость, и къ тому, чтобы овладѣть глупостью,***

пока не увижу, что было добраго у сыновъ человѣческихъ изъ того, что дѣлали они подъ солнцемъ въ числѣ дней жизни своей. Хотѣлъ я отдать жизнь наслажденіямъ, освободить плоть свою отъ всѣхъ заботъ и какъ виномъ упиваться удовольствіями; но размышленіе мое и естественный разумъ, который Богъ вложилъ и грѣшникамъ, отвлекли меня и привели къ изысканію мудрости и попранію глупости, чтобы видѣть, что̀ было добраго изъ того, что люди могли сдѣлать въ теченіе жизни своей. Прекрасно сравнилъ удовольствія съ опьяненіемъ. Ибо они, подобны опьяненію, разрушаютъ крѣпость духа, и кто сможетъ замѣнить это опьяненіе мудростью, и (какъ стоитъ въ нѣкоторыхъ спискахъ) *получить радость духовную,* тотъ будетъ въ состояніи достигнуть знанія того, къ чему въ этой жизни должно стремиться и чего избѣгать.

Ст. 4—13. *Увеличилъ я дѣла свои, построилъ себѣ дома, насадилъ себѣ виноградники,* и прочее до того мѣста, гдѣ говоритъ: *глаза мудраго въ головѣ его, а глупый ходитъ во тьмѣ.* Прежде чѣмъ буду говорить о частностяхъ, мнѣ кажется полезно вкратцѣ обнять все и смыслъ всего мѣста, такъ сказать, подвести къ одному итогу, чтобы легче можно было понять то, о чемъ говорится. Какъ царь и человѣкъ могущественный, я имѣлъ все, что въ мірѣ считается благомъ. Я построилъ себѣ высокіе дворцы, усадилъ виноградниками горы и холмы, и чтобы ни въ чемъ не было недостатка для жизни роскошной, насадилъ себѣ сады и огороды и возрастилъ въ нихъ различныя деревья, которыя сверху орошались собранною въ цистерны водою, чтобы отъ постоянной влаги зелень поддерживалась долѣе. Было у меня безчисленное множество рабовъ, и купленныхъ и своихъ туземныхъ; было и много стадъ домашнихъ животныхъ, то есть воловъ и овецъ, —было столько, сколько не имѣлъ прежде до меня

ни одинъ царь въ Іерусалимѣ. Хранились у меня и неисчислимыя сокровища серебра и золота, собиравшіяся изъ даровъ различныхъ царей и изъ налоговъ различныхъ народовъ. Вслѣдствіе этого, чрезмѣрное богатство увлекало меня къ большей и большей роскоши; играли у меня оркестры музыкантовъ на флейтахъ и лирахъ, были хоры пѣвцовъ и на пирахъ прислуживали мужчины и женщины. Но чѣмъ больше возрастала эта роскошь, тѣмъ больше оскудѣвала мудрость. Ибо къ какому бы наслажденію ни увлекала меня похоть, я стремился къ нему неудержимо и необузданно, и думалъ, что это добрый плодъ трудовъ моихъ, если я самъ истощался въ удовольствіяхъ и роскоши. Наконецъ, пришедши въ себя и какъ бы пробудившись отъ тяжелаго сна, я посмотрѣлъ на руки свои и увидѣлъ, что дѣла мои полны суеты, полны нечистоты, исполнены духомъ заблужденія. Ибо не могъ я признать благомъ ничего изъ того, что въ мірѣ считалось благомъ. Поэтому, размысливъ, каковы блага мудрости и каково зло глупости, я сталъ воздавать хвалу тому человѣку, который, обуздавъ себя послѣ жизни порочной, могъ быть послѣдователемъ добродѣтели. Ибо велико разстояніе между мудростью и глупостью, и сколько день отличенъ отъ ночи, столько же различаются добродѣтели отъ пороковъ. Мнѣ кажется поэтому, что слѣдующій мудрости постоянно устремляетъ очи къ небу, что лице его обращено горѣ, и что онъ созерцаетъ высшее; а преданный глупости и порокамъ находится во тьмѣ и блуждаетъ въ невѣдѣніи вещей.

Ст. 4. *Увеличилъ я дѣла свои* и пр. Увеличиваетъ дѣла свои тотъ, кто по образу Творца возносится къ горнему и созидаетъ дома, дабы Отецъ, и Сынъ, и Духъ Святый пришли и обитали въ нихъ,—и насаждаетъ виноградники, къ которымъ бы Іисусъ привязывалъ ослицу свою.

Ст. 5. *Сдѣлалъ себѣ сады и огороды: насадилъ въ нихъ всякое дерево плодовитое.* Въ домѣ богатаго есть сосуды не только золотые и серебряные, но и деревянные и глиняные. Для нѣкоторыхъ не совсѣмъ здоровыхъ и слабыхъ дѣлаются и огороды, ибо кто нездоровъ, тотъ питается овощами (Рим. 4, 2); насаждаются деревья,—не *всѣ плодовитыя*, какъ стоитъ въ латинскихъ спискахъ, но *всѣ плоды*, то есть деревья различныхъ плодовъ и сортовъ, такъ какъ въ церкви дары благодати различны, и одинъ есть глазъ, другой — рука, иной — нога, и менѣе совершеннымъ изъ членовъ мы оказываемъ большее попеченіе (1 Кориѳ. 12, 24). Между этими плодовитыми деревьями первое мѣсто, думаю, занимаетъ древо жизни, которое есть мудрость. Ибо, если оно не посажено въ срединѣ, то засохнутъ и прочія деревья.

Ст. 6. *Устроилъ себѣ водоемы для орошенія изъ нихъ рощей и растущихъ деревьевъ.* Деревья рощей, деревья лѣсовъ, которыя неплодовиты, не приносятъ плодовъ, питаются не небеснымъ дождемъ, не водами, падающими сверху, а тѣми, которыя собираются въ водоемы изъ ручьевъ. Ибо равнинный и низменный Египетъ, какъ овощный огородъ, орошается водами земными и идущими изъ Эѳіопіи; а земля обѣтованная, какъ страна гористая и возвышенная, ожидаетъ дождя ранняго и поздняго съ неба.

Ст. 7. *Накупилъ слугъ и служанокъ; и домочадцы были у меня, и имѣніе вьючнаго скота и овецъ многое было у меня.* Если и теперь, какъ и выше, въ Екклезіастѣ мы хотимъ видѣть образъ Христа, то подъ рабами можемъ разумѣть тѣхъ, кои имѣютъ въ рабствѣ духъ страха и болѣе желаютъ духовнаго, чѣмъ обладаютъ имъ; подъ служанками можемъ разумѣть тѣ души, кои еще преданы тѣлу и землѣ; а подъ домочадцами тѣхъ, кои, хотя нахо-

дятся въ церкви и превосходятъ указанныхъ рабовъ и служанокъ, но еще не одарены отъ Господа свободою и благородствомъ. Въ имѣніи Екклезіаста есть и иные члены, дѣятельностію и простотою своею уподобляющіеся воламъ и овцамъ: они, не имѣя разумѣнія и знанія Писаній, хотя и трудятся въ церкви, но еще не достигли того, чтобы заслужить человѣческое достоинство и возвыситься до образа Творца Тщательно замѣть, что относительно слугъ, служанокъ и домочадцевъ не прибавляется, что ихъ было много, а о волахъ и овцахъ говорится: *имѣніе вьючнаго скота и овецъ многое было у меня.* Ибо въ церкви болѣе скота, чѣмъ людей, болѣе овецъ, чѣмъ слугъ, служанокъ и домочадцевъ.

А въ концѣ говорится: *болѣе нежели у всѣхъ бывшихъ прежде меня въ Іерусалимѣ.* Не служитъ къ большой славѣ Соломона, что онъ былъ богаче одного царя, своего отца, потому что при Саулѣ Іерусалимъ не былъ еще столицею, а находился во владѣніи Іевусеевъ, которые жили и въ самомъ городѣ. Поэтому слѣдуетъ объяснять въ высшемъ смыслѣ, какой это Іерусалимъ и чѣмъ Екклезіастъ былъ богаче всѣхъ предшествовавшихъ ему царей въ Іерусалимѣ.

Ст. 8. *Собралъ я серебра и золота и драгоцѣнностей отъ царей и областей. Завелъ у себя пѣвцовъ и пѣвицъ и забавы сыновъ человѣческихъ, служителей и служительницъ.* Серебро и золото Божественное Писаніе употребляетъ въ отношеніи къ буквѣ и духовному смыслу: такъ, въ шестьдесятъ седьмомъ псалмѣ духовно понимаемый голубь болѣе видныя и наружныя крылья имѣетъ посеребренныя, а болѣе сокровенный внутри смыслъ закрываетъ блескомъ золота. Христосъ собралъ въ церковь вѣрующихъ имѣнія царей и областей, или странъ:—тѣхъ царей, о которыхъ Псалмопѣвецъ поетъ: *предсташа царіе земстіи и князи собрашася вкупѣ* (Псал. 2, 2), и тѣхъ о-

бластей, на кои Спаситель повелѣваетъ поднять глаза, ибо онѣ уже бѣлѣютъ для жатвы (Іоан. 4). Подъ имѣніями царей можно разумѣть и ученіе философовъ, и свѣтскія науки; тщательно изучивъ ихъ, мужъ церкви обличаетъ мудрецовъ въ ихъ лжеумствованіяхъ, разрушаетъ премудрость премудрыхъ и отвергаетъ разумъ разумныхъ (1 Кор. 1). Пѣвцы и пѣвицы—это тѣ мужчины ли, или женщины, которые поютъ духомъ, поютъ же и умомъ. Пѣвецъ, какъ мужъ, какъ сильный и духовный, поетъ изъ области высшаго; а пѣвица вращается еще въ области вещества, которое греки называютъ ὕλην и не можетъ высоко поднять свой голосъ. Такимъ образомъ, вездѣ, гдѣ въ Писаніи говорится о женщинѣ и о полѣ слабѣйшемъ, тамъ мы должны видѣть указаніе вещественнаго. Поэтому и Фараонъ хочетъ, чтобы оставались дѣти не мужескаго, а только женскаго пола, какъ близкія къ веществу (Исх. 1, 1), и напротивъ, ни объ одномъ святомъ не говорится, или говорится очень рѣдко, что онъ рождалъ дѣтей женскаго пола. И одинъ только Салфааѳъ, умершій во грѣхахъ, имѣлъ однѣхъ только дочерей (Числ. 22 , а патріархъ Іаковъ, имѣя двѣнадцать сыновей, имѣлъ только одну дочь, и отъ той терпѣлъ непріятности (Быт. 30). Наслажденія сыновъ человѣческихъ слѣдуетъ понимать въ отношеніи къ мудрости, которая, подобно раю, имѣетъ различные плоды и даетъ разнообразныя наслажденія и о которой говорится: *насладися* о Господѣ, *и дастъ ти прошенія сердца твоего* (Псал. 36, 4), и въ другомъ мѣстѣ: *потокомъ сладости твоея напоиши я* (Псал. 38, 2). Сказанное о виночерпіяхъ и виночерпицахъ (чтобы отличить здѣсь мужчинъ и женщинъ, что̀ неудобно въ латинскомъ, я ставлю имя женскаго рода) Акила переводитъ много иначе, чѣмъ какъ стоитъ въ текстѣ,—именно указываетъ здѣсь не людей, мужщинъ и женщинъ, а виды сосудовъ, ставя *κυλίκιον* и *κυλίκια* тамъ, гдѣ по Еврейски стоитъ *sadda* и *saddoth*.

И Симмахъ, хотя перевелъ не буквально точно также, но не далекъ отъ этой мысли, поставивъ: *виды столовъ* и *приборы.* Итакъ смыслъ тотъ, что у Соломона употреблялись за столомъ бокалы, кубки и чаши, украшенные золотомъ и драгоцѣнными камнями, и что изъ одного κολικίῳ, то есть чаши, черпали другими κολικίοις, то есть меньшими сосудами, которые изъ рукъ служителей принимали всѣ пившіе вино. Посему, такъ какъ мы видимъ въ Екклезіастѣ образъ Христа и въ Притчахъ премудрость призываетъ къ себѣ мимоходящихъ на растворенную чашу: то подъ большою чашею мы должны разумѣть тѣло Христово, въ которомъ преподано не чистое божество, какъ оно было на небесныхъ, но ради насъ растворено въ соединеніи съ человѣчествомъ, и чрезъ апостоловъ, какъ чрезъ меньшія κολίκια,—небольшіе кубки и бокалы, премудрость разлита вѣрующимъ во всемъ мірѣ.

Ст. 9. *И возвеличился я и приложилъ мудрость больше всѣхъ, бывшихъ прежде меня въ Іерусалимѣ: и мудрость моя оставалась при мнѣ.* Возвеличившійся Екклезіастъ, повидимому, наименѣе соотвѣтствуетъ Господу, если только мы не примѣнимъ къ Нему онаго: *преспѣваше премудростію и возрастомъ и благодатію* (Лук. 2, 52) и: *сего ради Богъ Его превознесе* (Филип. 2, 9). А въ словахъ: *бывшихъ прежде меня въ Іерусалимѣ* говоритъ о тѣхъ, кои до Его пришествія управляли собраніемъ святыхъ и церковью. Если мы понимаемъ Писаніе духовно, то наиболѣе богатый изъ всѣхъ есть Христосъ; если только тѣлесно, то лучше понимать это въ отношеніи къ синагогѣ, чѣмъ къ церкви. Итакъ, Онъ снялъ покрывало, которое было положено на лице Моисея (Исх. 34) и далъ намъ въ полномъ свѣтѣ видѣть лице Его (2 Кор. 3, 14—18). Далѣе, въ томъ, что мудрость осталась при Немъ, смыслъ тотъ, что мудрость оставалась у Него и во время пребыванія Его

во плоти. Кто преуспѣваетъ въ премудрости, у того мудрость не остается въ одномъ положеніи, а кто не принимаетъ преуспѣянія и не возрастаетъ постепенно въ премудрости, а постоянно обладаетъ оною въ полнотѣ, тотъ можетъ сказать: и *мудрость оставалась при мнѣ.*

Ст. 10. *И все, чего ни просили глаза мои, я не отнималъ у нихъ, и не возбранялъ сердцу моему никакой радости, ибо сердце мое радовалось во всякомъ трудѣ моемъ. И это было долею моею отъ всякаго труда моего.* Очи души и порывы ума стремятся къ созерцанію духовному, а грѣшникъ, не зная сего созерцанія, возбраняетъ сердцу своему истинное наслажденіе. Этому созерцанію Екклезіастъ предался всецѣло и незначительныя скорби въ мірѣ возмѣстилъ вѣчною славою. Слава эта есть доля наша и вѣчная награда, если здѣсь мы подвизаемся ради добродѣтели.

Ст. 11. *И оглянулся я на всѣ дѣла мои, какія сдѣлали руки мои, и на трудъ, какимъ я трудился, дѣлая.* Кто все дѣлаетъ тщательно и съ осторожностью, тотъ можетъ сказать это.

И вотъ все суета и томленіе духа. И нѣтъ изобилія подъ солнцемъ. Все, что есть подъ солнцемъ, Онъ снова, какъ и въ другихъ случаяхъ, призналъ ничтожнымъ и, по различію стремленій людскихъ, противорѣчивымъ. И нѣтъ изобилія подъ солнцемъ. Христосъ въ солнцѣ положилъ селеніе Свое (Псал. 18, 6). Слѣдовательно, кто еще не достигъ до свѣта, порядка и постоянства солнечныхъ, въ томъ Христосъ не можетъ ни обитать, ни изобиловать.

Ст. 12. *И оглянулся я, чтобы видѣть мудрость, и заблужденіе, и глупость: ибо кто изъ людей можетъ идти за царемъ и творцемъ своимъ?* Поелику выше, до того мѣста, гдѣ Писаніе говоритъ: *глаза мудраго въ головѣ его,* я все обобщилъ въ одной мысли, съ цѣлію кратко ука-

зать смыслъ, и потому въ дальнѣйшемъ касался лишь немногаго, уясняя таинственное значеніе онаго: то и теперь я долженъ вести свое изложеніе сообразно съ тѣмъ, какъ началъ. Смыслъ этого мѣста во многомъ уклоняется отъ перевода Семидесяти. Екклезіастъ говоритъ, что онъ, осудивъ наслажденія и удовольствія, возвратился къ изысканію премудрости, въ которой нашелъ болѣе заблужденія и глупости, чѣмъ истиннаго и твердаго вѣдѣнія. Ибо человѣкъ не можетъ такъ ясно и чисто уразумѣвать премудрость Творца и Царя своего, какъ разумѣетъ Онъ Самъ, Творецъ. Поэтому и то, что мы знаемъ, есть болѣе домыслъ, чѣмъ твердая истина, и болѣе предположеніе, чѣмъ дѣйствительное знаніе.

Ст. 13. *И увидѣлъ я, что преимуществуетъ мудрость надъ глупостью, какъ свѣтъ преимуществуетъ надъ тьмою.* Хотя, говоритъ, я увидѣлъ, что самая мудрость человѣческая соединена съ заблужденіемъ и не можетъ такъ чисто проникать въ наши умы, какъ она существуетъ въ Царѣ и Творцѣ нашемъ; однако я убѣдился, что и въ томъ, что есть у насъ, существуетъ большое различіе между мудростью и глупостью, такое же, какое между днемъ и ночью, свѣтомъ и тьмою.

Ст. 14. *Глаза мудраго въ головѣ его, а глупый ходитъ во тьмѣ. Но я узналъ, что участь одна постигаетъ всѣхъ ихъ.* Кто достигнетъ въ мужа совершеннаго и удостоится имѣть Христа главою своею, тотъ всегда будетъ обращать очи свои ко Христу и, возводя ихъ къ горнему, никогда не будетъ помышлять о дольнемъ. Но, если это такъ, и если между мудрымъ и глупымъ такое различіе, что одного можно сравнить съ днемъ, а другаго съ тьмою, что тотъ возводитъ очи къ Нему, а этотъ поникаетъ ими долу: то у меня невольно возникаетъ вопросъ: почему же мудрый и глупый погибаютъ одинаково, почему

и того и другого постигають тѣже бѣдствія, тотъже исходъ, таже смерть, тѣже несчастія?

Ст. 15—16. *И сказалъ я въ сердцѣ своемъ: каковъ конецъ глупому, таковой же постигнетъ и меня: и для чего же я сдѣлался мудрымъ? И сказалъ я въ сердцѣ своемъ, что и это суета. Ибо и мудрому, вмѣстѣ съ глупымъ, не будетъ памяти во вѣкъ; потому что вотъ во дни грядущіе все покроетъ забвеніе. Но какимъ образомъ умретъ мудрый вмѣстѣ съ глупымъ?* Сказалъ я: мудрый и глупый, праведный и нечестивый умрутъ съ одинаковою участью, и съ равною долею будутъ терпѣть въ этомъ мірѣ всякія бѣдствія: какая же мнѣ польза, что я слѣдовалъ мудрости и потрудился болѣе другихъ? Снова обдумывая это и тщательно изслѣдуя умомъ самъ съ собою, я нашелъ это мнѣніе мое напраснымъ. Ибо мудрый и глупый неодинаково будутъ имѣть память въ будущемъ, когда настанетъ кончина всего, и неодинаковый будетъ имъ исходъ, такъ какъ одинъ пойдетъ къ наградамъ, а другой къ наказанію. Въ этомъ мѣстѣ Семьдесятъ Толковниковъ яснѣе перевели смыслъ еврейскій, хотя не удержали расположенія мыслей: *и зачѣмъ я сдѣлался мудрымъ? тогда излишне сказалъ я въ сердцѣ моемъ— ибо неразумный говоритъ излишне,—что и это суета, потому что нѣтъ памяти мудрому съ глупымъ во вѣкъ* и пр. То есть, обличая, что прежнее мнѣніе его неразумно, засвидѣтельствовалъ, что онъ сказалъ несправедливо и заблуждался, когда прежде такъ думалъ.

Ст. 17. *И возненавидѣлъ я жизнь, ибо зло для меня дѣло, совершенное подъ солнцемъ, ибо все суета и пасеніе вѣтра.* Если міръ во злѣ лежитъ и въ жилищѣ семъ апостолъ воздыхаетъ, говоря: *окаяненъ азъ человѣкъ, кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея* (Рим. 7, 24): то справедливо онъ ненавидитъ все, совершенное подъ

солнцемъ. Ибо по сравненію съ раемъ и блаженствомъ той жизни, въ которой мы наслаждались плодами духовными и радостями добродѣтелей, мы теперь находимся какъ бы въ ссылкѣ и темницѣ, въ юдоли плача, снѣдая хлѣбъ въ потѣ лица.

Ст. 18—19. *И возненавидѣлъ я весь трудъ свой, которымъ я тружусь подъ солнцемъ, потому что я оставляю его человѣку, который будетъ послѣ меня. И кто знаетъ, мудрый ли онъ будетъ или глупый? И будетъ онъ распоряжаться всѣмъ трудомъ моимъ, которымъ я трудился и въ которомъ я сдѣлался мудрымъ подъ солнцемъ: но и это суета.* Повидимому опять говоритъ о богатствѣ и имѣніяхъ,—что постигаемые, по Евангелію, неожиданною смертью, мы не знаемъ, каковъ послѣ смерти нашей будетъ тотъ, кто будетъ пользоваться трудомъ нашимъ. Такая участь постигла и Соломона, такъ какъ въ Ровоамѣ онъ не имѣлъ сына подобнаго себѣ. Изъ этого видимъ, что и сынъ бываетъ недостоинъ отцовскаго наслѣдства, если онъ неразуменъ. Но, при созерцаніи болѣе возвышенномъ, мнѣ представляется, что Соломонъ говоритъ здѣсь о трудѣ духовномъ,—что мужъ мудрый трудится дни и ночи въ изученіи Писаній и сочиняетъ книги, чтобы оставить о себѣ память потомству, но труды его попадаютъ въ руки неразумныхъ, которые часто по испорченности своего сердца заимствуютъ изъ нихъ сѣмена ересей и безславятъ чужіе труды. Ибо если въ настоящемъ мѣстѣ у Екклезіаста идетъ рѣчь о тѣлесномъ богатствѣ, то зачѣмъ ему нужно было о трудѣ и имѣніяхъ говорить: *и будетъ онъ распоряжаться всѣмъ трудомъ моимъ, которымъ я трудился и въ которомъ я сдѣлался мудрымъ подъ солнцемъ.* Потому что, какая мудрость собирать земное богатство?

Ст. 20—23. *И обратился я, чтобы отказать*

сердцу моему во всемъ трудѣ моемъ, какимъ я трудился подъ солнцемъ, потому что человѣкъ трудится въ мудрости и знаніи и добродѣтели, а человѣку, который не трудился, тому отдастъ часть свою. И это суета и многое зло. Ибо что бываетъ человѣку во всемъ трудѣ его и въ стремленіи сердца его, съ которымъ онъ трудится подъ солнцемъ? Ибо всѣ дни его—дни скорей и досады и заботъ, и даже ночью не спитъ сердце его. Но и это суета. Выше говоритъ о неизвѣстномъ наслѣдникѣ,—что неизвѣстно, глупый или мудрый будетъ распоряжаться трудами другаго. Теперь, хотя повторяетъ тоже самое, но смыслъ различенъ въ томъ отношеніи, что, если даже оставляетъ человѣкъ труды свои сыну, родственнику или кому либо извѣстному, то тѣмъ не менѣе дѣло сводится къ одному и тому же, что другой пользуется трудомъ человѣка и пріобрѣтенное пóтомъ умершаго служитъ къ наслажденію живущаго. Пусть каждый спроситъ самаго себя, и онъ узнаетъ, съ какимъ трудомъ онъ составляетъ книги, какъ

> Часто стиль перевертывать долженъ, чтобъ чтенья достойное
> Могъ написать;
>
> (Ex Horat. Sat. c. 1 sat. 10).

а между тѣмъ онъ отдаетъ часть свою человѣку, который не трудился. Ибо какимъ образомъ мудрость и знаніе и добродѣтель, въ коихъ человѣкъ, по словамъ Еккклезіаста, трудился, относится къ земнымъ имѣніямъ, когда мудрость, знаніе и добродѣтель презираютъ земное?

Ст. 24—26. *Нѣтъ блага для человѣка, какъ только чтобы ѣсть, и пить, и доставлять душѣ своей благо въ трудѣ своемъ. Увидѣлъ я и то, что и это отъ руки Божіей. Ибо кто съѣстъ и кто сбережетъ безъ Него? Потому что человѣку доброму предъ Нимъ Онъ далъ мудрость и знаніе и радость, а грѣшнику далъ заботу, чтобы онъ собиралъ и копилъ для передачи*

доброму предъ лицемъ Божіимъ. Но и эта суета и томленіе духа. Послѣ того какъ я обо всемъ разсудилъ и увидѣлъ, что нѣтъ ничего несправедливѣе, какъ пользоваться трудомъ другого, мнѣ представилось, что въ теченіи дѣлъ наиболѣе справедливо и есть какъ бы даръ Божій то, когда кто самъ пользуется трудомъ своимъ, пьетъ, ѣстъ и по временамъ сберегаетъ собираемое богатство. То даръ Божій, что мужу праведному дается возможность самому употреблять въ свою пользу пріобрѣтенное заботами и трудами; и наоборотъ, то дѣло гнѣва Божія къ грѣшнику, что онъ дни и ночи собираетъ богатство и нисколько имъ не пользуется, а оставляетъ тѣмъ, кои праведны предъ лицомъ Божіимъ. Но, присовокупляетъ онъ, тщательно обсудивши это и видя, что все оканчивается смертію, я и это призналъ суетнѣйшимъ. Впрочемъ, это по толкованію буквальному, чтобы не казалось, что я совершенно опускаю простой смыслъ, и имѣя въ виду богатство духовное, пренебрегаю скудостью смысла историческаго. Ибо, что́ въ томъ добраго или какой даръ Божій или услаждаться своимъ богатствомъ и какъ бы гоняться за убѣгающими удовольствіями, или обращать чужой трудъ въ свою пользу и считать, что это даръ Божій, если мы пользуемся чужими заботами и трудами? Слѣдовательно, благо въ томъ, чтобы принимать истинное питіе отъ плоти и крови Агнца, о Которомъ говорятъ божественныя Писанія. Ибо кто можетъ или вкушать оныя или, когда нужно, сберегать,—безъ Бога, Который заповѣдуетъ не бросать святого псамъ (Мѳ. 7, 6) и учитъ, какъ должно давать слугамъ пищу во время (Мѳ. 14, 45) и, какъ говорится въ другомъ мѣстѣ, найденный медъ ѣсть столько, сколько слѣдуетъ (Притч. 25, 16). И прекрасно говоритъ, что человѣку доброму Богъ даетъ мудрость, знаніе и радость: ибо, если онъ не будетъ добрымъ и не исправитъ прежде нравовъ своихъ своею собственною

волею, то онъ не заслуживаетъ мудрости, знанія и радости, по сказанному въ другомъ мѣстѣ: *сѣйте себѣ правду, соберите плодъ живота, просвѣтите себѣ свѣтъ вѣдѣнія* (Ос. 10, 12). Сначала мы должны сѣять правду и собирать плодъ живота, а потомъ уже можетъ открыться намъ свѣтъ вѣдѣнія. Тогда какъ доброму предъ Нимъ Богъ даетъ мудрость и прочее, грѣшника Онъ оставляетъ его собственному произволу и попускаетъ ему собирать богатство и оттуда и отсюда сшивать подкладку ложныхъ ученій. Ознакомившись съ этими ученіями, мужъ святой и богоугодный понимаетъ, что они суетны и возникли изъ томленія духа. И не слѣдуетъ удивляться, что сказалъ: *грѣшнику далъ мученіе* и прочее. Это должно понимать въ томъ же смыслѣ, о которомъ я часто говорилъ: ему дано мученіе или развлеченіе потому, что онъ грѣшникъ, и причина этого мученія не въ Богѣ, а въ немъ, согрѣшившемъ прежде собственною волею.

Глава III. Ст. 1. *Всему есть время и время всякой вещи подъ небомъ.* Выше Соломонъ училъ о непрочности и шаткости условій жизни человѣческой: теперь онъ хочетъ показать то, что все въ мірѣ одно другому противорѣчитъ и ничто не пребываетъ постоянно,—ничто конечно изъ существующаго подъ солнцемъ и въ предѣлахъ времени, ибо прочія духовныя существа не обнимаются предѣлами ни видимаго неба, ни времени.

Ст. 2. *Время рождаться, и время умирать, время насаждать, и время вырывать насажденное.* Нѣтъ сомнѣнія, что и рожденіе и смерть людей извѣстны и предопредѣлены Богомъ, и что раждать есть тоже, что и насаждать, умирать тоже, что вырывать насажденное. Но, такъ какъ у Исаіи мы читаемъ: »отъ страха Твоего, Господи, мы зачали и болѣли и родили«, то нужно сказать

что у мужа совершеннаго плодъ этотъ, который родился отъ страха, умираетъ, когда онъ начнетъ любить Бога. Ибо *совершенна любы вонъ изгоняетъ страхъ* (1 Іоан. 4, 18). Все, что здѣсь написано о различіи временъ до того мѣста, гдѣ говорится: *время брани, и время мира,* Евреи понимаютъ въ отношеніи къ Израилю. Такъ какъ нѣтъ надобности представлять, какъ они толкуютъ и понимаютъ каждый стихъ въ частности, то я только кратко изложу ихъ толкованіе, болѣе пространное размышленіе объ этомъ предоставляя самому читателю. Было время рождать и насаждать Израиля, и время смерти его и отведенія въ рабство; время умерщвленія Евреевъ въ Египтѣ, и время освобожденія изъ Египта; время разрушенія храма при Навуходоносорѣ, и время построенія при Даріѣ; время плача о разрушеніи города, и время радости и ликованія при Зоровавелѣ, Ездрѣ и Нееміи; время разсѣянія Израиля, и время собиранія во едино, время какъ бы облеченія Богомъ народа Іудейскаго препоясаніемъ и перевязью (читай о препоясаніи у Іер. 13, 1 и сл.), и время отведенія его въ плѣнъ Вавилонскій и гніенія его тамъ за Евфратомъ. Время находить Евреевъ и сберегать, и время терять и бросать. Время раздирать Израиля, и время снова сшивать; время молчать пророкамъ—нынѣ подъ владычествомъ Римлянъ,—и время говорить имъ,—тогда, когда и въ землѣ вражеской они не лишались утѣшенія и глаголанія Божія. Время любви, которою Богъ прежде возлюбилъ ихъ при отцахъ, и время ненависти, такъ какъ они подняли руку на Христа. Время брани, когда они не приносили покаянія, и время мира въ будущемъ, когда по вступленіи полноты язычниковъ, весь Израиль спасется.

Ст. 3. *Время убивать, и время врачевать.* Время убивать и время врачевать, какъ говоритъ: «Я убью и Я оживлю» (Втор. 32, 19). Врачуетъ призывая къ покаянію;

убиваетъ въ смыслѣ сказаннаго: *во утрія избивахъ вся грѣшныя земли* (Псал. 100, 8).

Время разрушать, и время строить. Можемъ созидать доброе не иначе, какъ сначала разрушивъ злое. Поэтому Іереміи было дано слово отъ Бога такъ, чтобы онъ прежде искоренялъ, и разорялъ и расточалъ, а потомъ созидалъ и насаждалъ (Іер, гл. 1).

Ст. 4. *Время плакать, и время смѣяться.* Теперь время плакать, а въ будущемъ—смѣяться; ибо блажены плачущіе, потому что они возсмѣются (Лук. 6, 21).

Время сѣтовать, и время плясать. Поэтому въ Евангеліи упрекаются тѣ, коимъ Господь говоритъ: *пискахомъ вамъ и не плясасте: рыдахомъ вамъ и не плакасте* (Лук. 7, 32). Нужно плакать теперь, чтобы послѣ имѣть возможность плясать въ томъ ликованіи, въ какомъ Давидъ плясалъ предъ Ковчегомъ Завѣта, и не угодивъ этимъ дочери Саула, болѣе угодилъ Богу (2 Цар. 14—16).

Ст. 5. *Время разбрасывать камни, и время собирать камни.* Удивляюсь, какимъ образомъ относительно этого мѣста человѣкъ ученый высказалъ вещь смѣшную, говоря, что здѣсь рѣчь идетъ о разрушеніи и постройкѣ домовъ Соломона, что люди то разрушаютъ, то строятъ; одни собираютъ камни для постройки зданій, а другіе разрушаютъ построенное, по оному изреченію Горація:

Разрушаетъ, строитъ, квадратное круглымъ смѣняетъ,
Волнуется сильно, и жизни порядкомъ онъ всѣмъ недоволенъ.
(Epist. lib. II, ep. 1).

Справедливо ли, или напрасно онъ высказалъ это мнѣніе, предоставляю судить читателю А мы будемъ слѣдовать способу нашего прежняго толкованія, полагая, что время разбрасывать и собирать камни слѣдуетъ понимать примѣнительно къ сказанному: *можетъ Богъ отъ каменія сего*

воздвигнути чада Авраамy (Матѳ. 3, 9),—что было время разсѣянія народа языческаго, и время новаго собиранія его въ церковь. Въ одной книгѣ я читалъ (примѣнительно впрочемъ къ Семидесяти Толковникамъ, поставившимъ: *время бросать камни и время собирать*), что въ словахъ этихъ заключается тотъ смыслъ, что суровость закона ветхаго смягчена благодатію Евангелія: ибо строгій, немилосердый и безпощадный Законъ убиваетъ грѣшника, а благодать Евангелія милуетъ его и призываетъ къ покаянію, и что слова: *время бросать камни или собирать* означаютъ то, что камни бросаются въ Законѣ, а собираются въ Евангеліи. Такъ ли это или нѣтъ, пусть за то отвѣчаетъ авторъ.

Время обнимать, и время удаляться отъ объятій. Сообразно съ толкованіемъ буквальнымъ, смыслъ ясенъ, когда и апостолъ согласно съ этимъ говоритъ: *не лишайте себѣ другъ друга, точію по согласію до времени, да пребываете въ молитвѣ* (1 Кор. 7, 5),—что нужно и заботиться о дѣтяхъ, и воздерживаться. Или же,—что было время обнимать, когда имѣло силу опредѣленіе, *раститеся и множитеся и наполните землю* (Быт. 1: 28), и что время удаляться отъ объятій, когда затѣмъ послѣдовало иное опредѣленіе: *время прекращено есть прочее, да имущіи жены якоже неимущіи будутъ* (1 Кор. 7, 29). А если мы захотимъ взойти къ болѣе высокому, то увидимъ, что мудрость обнимаетъ возлюбленныхъ своихъ; ибо говоритъ: *почти ю, да тя объиметъ* (Притч. 4, 8), и въ лонѣ и нѣдрахъ своихъ будетъ держать тебя въ самыхъ крѣпкихъ объятіяхъ. Далѣе, такъ какъ духъ человѣческій не можетъ постоянно стремиться къ горнему и помышлять о божественномъ и высшемъ, и не можетъ непрестанно пребывать въ созерцаніи предметовъ небесныхъ, а по временамъ долженъ уступать потребностямъ тѣла: то посему время обнимать мудрость и крѣпко держать ее, и время

давать послабленіе уму отъ созерцанія и объятій мудрости, чтобы служить попеченію о тѣлѣ и о томъ, въ чемъ, безъ грѣха, нуждается жизнь наша.

Ст. 6. *Время искать и время терять. Время сберегать и время бросать.* Въ различныхъ выраженіяхъ и теперь выражаетъ туже мысль, что выше и ниже въ словахъ: *время разрушать и время строить*; *время раздирать и время сшивать.* Ибо какъ разрушается синагога, чтобы созидалась Церковь, и происходитъ отдѣленіе отъ Закона, чтобы сшивались Евангелія, что исполнилъ каждый изъ евангелистовъ, сшивая изъ закона и пророковъ свидѣтельства о пришествіи Господнемъ: такъ было время и искать и сберегать Израиля, и время бросать и терять его. Или: время искать народъ изъ язычниковъ, и время терять народъ Іудейскій; время сберегать вѣрующихъ изъ язычниковъ, и время отвергать невѣрующихъ изъ Израиля.

Ст. 7. *Время молчать и время говорить.* Думаю, что Пиѳагорейцы, у которыхъ дисциплина требуетъ впродолженіе пяти лѣтъ молчать, а потомъ уже получившимъ образованіе дозволяетъ говорить, отсюда заимствовали правило свое. Научимся же и мы сначала не говорить, чтобы только впослѣдствіи открывать уста свои для слова. Будемъ извѣстное время молчать и внимать словамъ учителя. Пусть намъ кажется справедливымъ только то, чему насъ учатъ, чтобы дѣлаться изъ учениковъ учителями послѣ долгаго молчанія. А теперь, въ наше недоброе время, клонящееся постоянно къ еще большему упадку, мы учимъ въ церквахъ тому чего не знаемъ, и если мишурою словъ или навожденіемъ діавола, покровителя заблужденій, вызовемъ рукоплесканіе толпы: то, вопреки собственному сознанію, думаемъ, что мы знаемъ то, въ чемъ мы могли убѣдить другихъ. Ни одному искусству мы не выучиваемся безъ учителя; одно это искусство такъ дешево и легко, что не требуетъ учителя!

Ст. 8. *Время любить и время ненавидѣть.* Время любить, послѣ Бога, дѣтей, жену, родственниковъ, и время ненавидѣть ихъ въ подвигѣ мученичества, когда, за исповѣданіе Христа, ихъ враждебное расположеніе вызываетъ ихъ жестокость противъ насъ. Или: время любить Законъ и то, что было предписано Закономъ,—обрѣзаніе, жертвы, субботу, новомѣсячія, и время ненавидѣть это, когда наступила благодать Евангелія. Можно сказать и то, что такъ какъ нынѣ видимъ зерцаломъ въ гаданіи (1 Кор. 13, 12): то время любить настоящее; а въ будущемъ наступитъ время, когда, видя лицомъ къ лицу и преуспѣвая на лучшее, мы станемъ ненавидѣть и презирать то, что любили.

Время брани и время мира. Пока мы въ настоящемъ вѣкѣ, время брани; а когда переселимся изъ сего вѣка, настанетъ время мира. Ибо въ мирѣ мѣсто Божіе, и градъ нашъ Іерусалимъ получилъ имя свое отъ мира (Псал. 75, 3). Итакъ теперь пусть никто не считаетъ себя безопаснымъ: во время брани нужно быть препоясаннымъ и носить оружіе, чтобы послѣ побѣды нѣкогда успокоиться въ мирѣ.

Ст. 9—11. *Какая польза дѣлающему отъ того, надъ чѣмъ онъ трудится? Я видѣлъ это занятіе, которое далъ Богъ сынамъ человѣческимъ, чтобы они упражнялись въ немъ. Все онъ сдѣлалъ добрымъ во время свое и притомъ далъ міръ въ сердца ихъ, хотя не постигнетъ человѣкъ дѣла, которое сотворилъ Богъ, отъ начала до конца.* Не безъизвѣстно мнѣ, что̀ говорили многіе относительно этого мѣста, именно, что Богъ въ настоящемъ вѣкѣ и проповѣдникамъ ложныхъ ученій попустилъ это занятіе для того, чтобы не цѣпенѣлъ въ праздности умъ человѣческій; что это есть благо, которое сдѣлалъ Богъ во время свое, хотя тѣмъ не менѣе они не могутъ обнимать природу и знаніе вещей. А Еврей, который

училъ меня Писанію, объяснялъ это мѣсто такъ. Когда все въ свое время разрушается, и есть время разрушать и созидать, плакать и смѣяться, молчать и говорить, и прочее, что сказано о времени: то зачѣмъ мы напрасно трудимся и хлопочемъ и считаемъ вѣчными труды этой краткой жизни? зачѣмъ, по Евангелію, не довольствуемся злобою дня и не отлагаемъ помышленія о завтрашнемъ? Ибо, что мы можемъ имѣть въ этомъ вѣкѣ отъ усиленныхъ трудовъ, когда людямъ отъ Бога дано только то, чтобы, стремясь тотъ къ одному, а этотъ къ другому, каждый имѣлъ чему бы учиться или въ чемъ упражняться? Потому что все, что сдѣлалъ Богъ, есть добро, но добро во время свое. Бодрствовать или спать есть добро; однако не есть добро постоянно бодрствовать или постоянно спать, такъ какъ все есть добро попеременно, сообразно съ распредѣленіемъ Божіимъ, тогда, когда то или другое нужно. Богъ далъ и міръ для обитанія людямъ, чтобы они пользовались перемѣнами временъ, но не спрашивали о причинахъ вещей природы, какъ все сотворено, почему отъ начала міра и до конца его Богъ опредѣлилъ тому или другому рости, быть, измѣняться.

Ст. 12—13. *Позналъ я, что нѣтъ блага, какъ только радоваться и дѣлать добро въ жизни своей. И притомъ всякій человѣкъ, который ѣстъ и пьетъ и оказываетъ добро во всемъ трудѣ своемъ, отъ дара Божія есть.* Человѣкъ поставленъ поселенцемъ и пришельцемъ міра для того, чтобы онъ пользовался краткимъ временемъ жизни своей, и оставивъ надежду на слишкомъ долгую жизнь, смотрѣлъ на все, что есть у него, какъ бы имѣющій отправиться въ другое мѣсто; чтобы въ жизни своей онъ дѣлалъ добра столько, сколько можетъ и не мучился напрасно заботами изъ-за собиранія богатства; чтобы онъ не думалъ, что отъ труда своего онъ можетъ пріобрѣсти себѣ что нибудь больше, кромѣ пищи и питія, а былъ

убѣжденъ, что только то одно есть даръ Божій, если что нибудь изъ имѣнія своего онъ употребитъ на добрыя дѣла. Этимъ мы побуждаемся не къ роскоши и наслажденіямъ, и не къ отчаянію, какъ думаютъ нѣкоторые, по сказанному у Исаіи: *да ямы и піемъ, утрѣ бо умремъ* (Исаіи 22, 10), подобно животнымъ, но къ тому, чтобы, по апостолу, имѣя пищу и одежду, мы были довольны этимъ (1 Тим. 6, 8) и все, что можемъ имѣть сверхъ сего, употребляли на пропитаніе нищихъ и на раздаяніе бѣднымъ. Далѣе, такъ какъ тѣло Господа есть истинное брашно и кровь Его есть истинное питіе: то, по толкованію таинственному, въ настоящемъ вѣкѣ мы имѣемъ только то единственное благо, если питаемся плотію Его и піемъ кровь Его, не только въ таинствѣ (Евхаристіи), но и въ чтеніи Писаній. Ибо истинное брашно и питіе, которое пріемлется изъ слова Божія, есть знаніе Писаній. И да не подумаетъ кто либо, что оное предсказанное Валаамомъ: *не будетъ труда во Іаковѣ, ниже узрится болѣзнь во Израили* (Числ. 23, 21) противорѣчитъ сказанному, что это даръ Божій, если кто ѣстъ и пьетъ и показываетъ добро во всемъ трудѣ своемъ. Ибо многи скорби праведныхъ. И на эти скорби жалуется апостолъ, говоря, что онъ изнемогалъ въ трудѣ и скорби (2 Кор. 2). Но, когда въ будущемъ Господь избавитъ насъ отъ этихъ скорбей, то *не будетъ труда во Іаковѣ, ниже узрится болѣзнь во Израили.* И подобно тому, какъ читаемъ: *блажени плачущіи нынѣ, яко возсмѣетеся* (Лук. 6, 21), и какъ въ этомъ смѣхѣ нашемъ исполнятся пророчественныя слова Іова: *уста праведивыхъ исполнятся радости* (Іов. 8, 21): такъ теперь трудомъ своимъ мы пользуемся для добрыхъ дѣлъ, тяготимся и стѣсняемся имъ, чтобы успокоиться отъ труда впослѣдствіи.

Ст. 14. *Позналъ я, что все, что сотворилъ Богъ, то будетъ вѣчно, къ тому не можетъ быть приба-*

влено и отъ того не можетъ быть убавлено: и Богъ сотворилъ, чтобы боялись отъ лица Его. Нѣтъ ничего въ мірѣ, что было бы новое. Движеніе солнца и перемѣны луны и земли, увяданіе или развитіе деревьевъ получили начало и опредѣлены съ началомъ самого міра. И Богъ все устроилъ въ извѣстномъ порядкѣ и опредѣлилъ стихіямъ міра служить для потребностей человѣческихъ, для того, чтобы люди, видя это, уразумѣвали, что есть Промыслъ и страшились отъ лица Божія, изъ равномѣрности движенія, порядка и постоянства вещей уразумѣвая Творца. *Невидимая бо Его отъ созданія міра твореньми помышляема видима суть, и присносущная сила Его и божество* (Римл. 1, 20). Если мы захотимъ, отдѣливъ предшествующую мысль, читать какъ бы съ начала новаго отдѣла: *И Богъ сотворилъ чтобы боялись отъ лица Его:* то смыслъ такой: Богъ все сотворилъ, чтобы люди боялись измѣнять въ другую сторону то, что Онъ однажды распредѣлилъ. И прекрасно опредѣлилъ мысль, сказавъ, чтобы боялись отъ лица Его; ибо *лице Господне на творящія злая* (Псал. 33, 17)

Ст. 15. *Что есть бывшее? То самое, что есть и что будетъ, уже было: и Богъ взыщетъ того, кто терпитъ преслѣдованіе.* Все, что видимъ, прошедшее ли, или настоящее, или будущее, тоже самое и было, и есть, и будетъ. Солнце, которое нынѣ восходитъ, восходило и прежде нашего появленія въ мірѣ, и будетъ восходить послѣ нашей смерти. Мы указали на солнце, чтобы изъ этого видѣть, что и прочее есть тоже, что было. Но, хотя все это, по видимому, по закону смерти прекращается, однакоже не погибаетъ, потому что возникаетъ оживая снова, и ничто не погибаетъ навсегда, но возрождается и оживаетъ какъ бы съ нѣкоторымъ приращеніемъ. Эта именно мысль выражается въ словахъ: *и Богъ взыщетъ того, кто терпитъ пре-*

слѣдованіе, что по гречески переведено лучше: *καὶ ὁ θεὸς ζητήσει τὸν διωκόμενον,* — *Богъ взыщетъ гонимаго,* то есть то, что прошло, что изгнано, что перестало существовать. А если это говорится о всемъ существующемъ въ мірѣ, то относительно человѣка нѣтъ никакого сомнѣнія, что по смерти онъ возрождается. А если кому угодно читать какъ бы отдѣльною мыслію: *и Богъ взыщетъ того, кто терпитъ преслѣдованіе,* тотъ можетъ пользоваться этимъ свидѣтельствомъ въ отношеніи къ преслѣдованію со стороны язычниковъ, для утѣшенія того, кто пребываетъ въ подвигѣ мученичества. И поелику, по апостолу, во вѣкѣ семъ всѣ, желающіе жить благочестиво, терпятъ гоненіе: то пусть они имѣютъ утѣшеніе, что Богъ взыскуетъ терпящаго гоненіе, какъ взыскуетъ кровь убитаго, что Онъ пришелъ взыскать погибшее и заблудшую овцу на раменахъ Своихъ принесъ къ стаду.

Ст. 16—17. *И еще видѣлъ я подъ солнцемъ мѣсто суда: тамъ беззаконіе; и мѣсто правды: тамъ неправда. Сказалъ я въ сердцѣ своемъ: праведнаго и нечестиваго будетъ судить Богъ: ибо время всякой волѣ надъ всякимъ дѣломъ тамъ.* Смыслъ очевиденъ; но онъ закрывается туманнымъ переводомъ. Искалъ, говоритъ, я подъ солнцемъ этимъ правды и суда, и увидѣлъ, что даже между судейскими скамьями не правда имѣетъ силу, а подарки. Или иначе: я думалъ, что въ настоящемъ вѣкѣ есть сколько нибудь правосудіе, и что нынѣ какъ добрый получаетъ возмездіе за свою заслугу, такъ и нечестивый наказывается за свое преступленіе; но я нашелъ противное тому, какъ думалъ. Ибо я увидѣлъ, что и праведный здѣсь терпитъ много бѣдствій, и нечестивый въ славѣ за свое преступленіе. Но, потомъ, размысливъ въ сердцѣ своемъ и снова обдумавъ это, я понялъ, что теперь Богъ не судитъ по частямъ и каждаго порознь, но отлагаетъ судъ на буду-

щее время, чтобы тамъ всѣ вмѣстѣ были судимы и воспріяли по волѣ и дѣламъ своимъ. Эта именно мысль выражается въ словахъ: *и всякой волѣ надъ всякимъ дѣломъ тамъ*, то есть: на судѣ, когда Господь начнетъ судить, тогда будетъ правда, а теперь въ мірѣ господствуетъ неправда. Подобное сему читаемъ и въ Премудрости, надписанной именемъ сына Сирахова: *не говори, что̀ это или что то: ибо все взыщется во время свое.*

Ст. 18—21. *Сказалъ я въ сердцѣ своемъ о дарѣ слова сыновъ человѣческихъ, что* (этимъ) *отличаетъ ихъ Богъ; но чтобы показать, что они суть скоты сами въ себѣ, участь сыновъ человѣческихъ и участь скота—участь одна имъ. Какъ смерть того, такъ и смерть этого, и духъ одинъ у всѣхъ, и больше у человѣка нѣтъ ничего сравнительно со скотомъ, ибо все суета. Все идетъ въ одно мѣсто, все сотворено изъ земли, и все возвратится въ землю. И кто знаетъ, духъ сыновъ человѣческихъ, восходитъ-ли онъ горѣ, и духъ скота, нисходитъ-ли онъ внизъ, въ землю?* Не нужно удивляться, что въ настоящей жизни нѣтъ никакого различія между праведнымъ и нечестивымъ, что добродѣтели не имѣютъ никакого значенія, что все вращается въ положеніи непрочномъ, когда, по ничтожеству тѣла, даже нѣтъ, повидимому, никакого различія между скотами и человѣкомъ, когда одинаковы условія ихъ рожденія и одинакова участь — смерти, когда мы подобно появляемся на свѣтъ и одинаково разлагаемся въ прахъ. Если же представляется то различіе, что духъ человѣка восходитъ на небо, а духъ скота нисходитъ въ землю: то изъ какого вѣрнаго авторитета мы дознали это? Кто можетъ знать, истинно или ложно то, что служитъ предметомъ надежды? Но Екклезіастъ говоритъ это не потому, чтобы онъ думалъ, что душа погибаетъ вмѣстѣ съ тѣломъ, или, что

животнымъ и человѣку готовится одно мѣсто, а потому, что до пришествія Христова все одинаково отводилось въ адъ. Посему и Іаковъ говоритъ, что онъ сойдетъ въ адъ (Быт. гл. 37 и 44), и Іовъ сѣтуетъ, что праведные и нечестивые находятся въ адѣ (Іов. гл. 7 и 17); но Евангеліе свидѣтельствуетъ, что положена великая пропасть предъ адомъ, и что Авраамъ находится съ Лазаремъ, а богатый въ мукахъ. И поистинѣ, прежде чѣмъ Христосъ не устранилъ онаго пламеннаго обращающагося оружія и огненнаго меча и не отверзъ съ разбойникомъ дверей рая,—небесное было заключено, и надъ духомъ скота и человѣка тяготѣло одинаковое ничтожество; и хотя повидимому одно уничтожалось, а другое оставалось, однако немного было различія погибнуть ли вмѣстѣ съ тѣломъ, или быть заключеннымъ во мракѣ ада.

Перейдемъ къ частностямъ и кратко разсмотримъ каждую мысль въ отдѣльности по порядку. *Сказалъ я въ сердцѣ своемъ о дарѣ слова сыновъ человѣческихъ, что избралъ ихъ Богъ.* Богъ опредѣлилъ, говоритъ, одно только то различіе между людьми и скотами, что мы говоримъ, а они безсловесны, что мы выражаемъ волю свою словомъ, а они скованы молчаніемъ. И поелику только словомъ мы отличаемся отъ животныхъ, то намъ показывается однакоже, что по бренности плоти мы—животныя. Какъ умираютъ скоты, такъ умираетъ и человѣкъ, одно у всѣхъ дыханіе и воздухъ, которымъ питаемся. Это именно говорится въ словахъ: *и духъ одинъ у всѣхъ, и больше у человѣка нѣтъ ничего сравнительно со скотомъ.* Но, чтобы мы не думали, что это говорится и о душѣ, присовокупилъ: *все сотворено изъ земли, и возвратится въ землю;* а изъ земли сотворено только тѣло, и именно о тѣлѣ говорится: *земля еси и въ землю отъидеши* (Быт. 3, 11). А слова: *кто знаетъ духъ сыновъ человѣческихъ, во-*

сходитъ ли онъ горѣ, и духъ скота, нисходитъ ли онъ въ землю,—представляются богохульными; но онъ не утверждаетъ здѣсь, что между скотами и человѣкомъ нѣтъ никакого различія по достоинству души, а присоединивъ слово *кто*, хочетъ показать трудность предмета. Ибо мѣстоименіе *кто* въ святыхъ Писаніяхъ всегда принимается въ смыслѣ не невозможности, а трудности, какъ, напримѣръ: *родъ же его кто исповѣстъ* (Исаіи 53, 8), и въ Псалмѣ четырнадцатомъ: *Господи кто обитаетъ въ жилищи Твоемъ,* и въ горѣ святой Твоей (Псал. 14, 1) и далѣе, а также у Іереміи (хотя въ еврейскомъ стоитъ иначе): *и человѣкъ есть, и кто познаетъ его* (Іерем. 17, 9). Итакъ, между людьми и животными есть одно различіе,—то, что духъ человѣка восходитъ на небо, а духъ скота нисходитъ въ землю и разлагается вмѣстѣ съ тѣломъ; и Екклезіастъ, какъ нѣкій мужъ церковный и просвѣщенный небеснымъ ученіемъ, есть неложный проповѣдникъ этой истины, хотя какъ бы сомнительной. Это, впрочемъ по толкованію буквальному.

А для разумѣнія духовнаго служитъ слѣдующее. Говорится: *человѣки и скоты спасеши Господи* (Псал. 35, 8) и въ другомъ мѣстѣ: «какъ скотъ я предъ Тобою, и я всегда съ Тобою» (Псал. 72, 22). У всѣхъ пророковъ говорится, что въ Іерусалимѣ спасутся и люди и скоты, и что земля обѣтованія наполнена скотомъ и стадами животныхъ — Кто знаетъ: святой, достойный имени человѣка, восходитъ ли на небо, а грѣшникъ, который называется скотомъ, нисходитъ ли въ землю? Ибо, при непрочномъ и скользкомъ положеніи жизни сей, можетъ случаться, что и праведникъ падаетъ и грѣшникъ возстаетъ, и иногда бываетъ, что болѣе разумный и просвѣщенный въ Писаніи человѣкъ живетъ нерачительно и недостойно своего знанія и низводится во адъ, а кто либо болѣе простой и необразованный, кото-

раго можно назвать скотомъ по сравненію съ человѣкомъ, живетъ лучше, увѣнчивается мученичествомъ и дѣлается жителемъ рая.

Ст. 22. *И увидѣлъ я, что нѣтъ блага, кромѣ того, если радуется человѣкъ въ трудѣ своемъ, ибо это доля его. Ибо кто приведетъ его, чтобы онъ видѣлъ то, что будетъ послѣ него?* Вмѣсто поставленнаго нами: *чтобы видѣлъ то, что будетъ послѣ него*, Симмахъ перевелъ яснѣе: *чтобы видѣлъ то, что будетъ послѣ этого.* Итакъ, нѣтъ ничего добраго въ жизни сей кромѣ того, что человѣкъ радуется въ трудѣ своемъ, творя милостыню и уготовляя себѣ будущія сокровища въ царствіи небесномъ. Эту одну имѣемъ мы долю, которую не можетъ отнять ни воръ, ни разбойникъ, ни тиранъ, и которая послѣдуетъ за нами и по смерти. Ибо, по окончаніи жизни сей, мы не можемъ снова пользоваться нашими трудами, или знать, что будетъ въ мірѣ послѣ. Иначе: смущенный прежнимъ заблужденіемъ, тѣмъ, что полагалъ, что между людьми и животными нѣтъ никакого различія, я превратнымъ направленіемъ ума былъ приведенъ къ той мысли, что нѣтъ никакого блага, кромѣ наслажденія удовольствіями настоящей жизни, потому-де, что какъ скоро однажды поразила насъ смерть, то мы не можемъ уже наслаждаться тѣмъ, отъ чего мы отходили неудовлетворенными. Слова: *ибо кто приведетъ его, чтобы онъ видѣлъ, что будетъ послѣ него*, другіе объясняютъ такъ: лучше человѣку наслаждаться трудами своими, потому что только одно это употребленіе онъ можетъ сдѣлать изъ своихъ пріобрѣтеній, а когда придетъ смерть, онъ не знаетъ, кто будетъ его наслѣдникомъ, достойный ли или недостойный будетъ пользоваться его имѣніемъ.

Глава IV. Ст. 1. *И обратился я, и увидѣлъ всѣ обиды, какія бываютъ подъ солнцемъ; и вотъ слезы тѣхъ, кои терпятъ обиду, и нѣтъ ктобы утѣшалъ ихъ; а въ рукахъ обижающихъ ихъ сила, и нѣтъ для нихъ утѣшителя.* Послѣ этого размышленія, я обратилъ умъ и глаза свои къ тому, чтобы посмотрѣть обидчиковъ и обижаемыхъ. И вотъ тѣ, кои несправедливо угнетаются болѣе сильными, протестуя противъ неправды дѣла слезами, которыя только и дозволяется имѣть имъ въ ихъ бѣдствіяхъ, не могутъ найти утѣшителя. И къ довершенію несчастій, къ безутѣшному своему горю, они видятъ, что обидчики въ неправдахъ своихъ очень сильны. И поэтому-то они не могутъ утѣшиться. Мысль эту подробнѣе раскрываетъ Давидъ въ псалмѣ семьдесятъ второмъ и Іеремія въ своей книгѣ.

Ст. 2—3. *И похвалилъ я мертвыхъ, которые уже умерли, предъ живыми, какіе живутъ доселѣ А лучше предъ сими обоими тотъ, кто еще не родился, кто еще не видѣлъ дѣла злого, которое сотворено подъ солнцемъ.* При видѣ бѣдствій, какія угнетаютъ смертныхъ въ мірѣ семъ, я призналъ болѣе счастливыми мертвыхъ, чѣмъ живыхъ, по оному слову Іова объ адѣ: «тамъ успокоились утомленные тѣломъ вмѣстѣ съ тѣми, кои были связаны; они уже внѣ опасности, не слышатъ голоса приставника» (Іов. 5, 17—18). А обоихъ этихъ, то есть живаго и умершаго, лучше тотъ, кто еще не родился. Ибо одинъ еще терпитъ бѣдствія, а другой, какъ бы послѣ кораблекрушенія, остался ни съ чѣмъ; тотъ же кто еще не родился, счастливѣе тѣмъ, что не испыталъ еще золъ міра. Говоритъ это не въ томъ смыслѣ, что еще неродившійся существуетъ прежде рожденія и счастливѣе тѣмъ, что не обремененъ еще тѣломъ, а въ томъ, что лучше вовсе не существовать и не имѣть ощущенія бытія, чѣмъ существовать или жить несчастно. И объ Іудѣ Господь го-

воритъ, указывая на его будущія мученія: «лучше было не родиться человѣку тому» (Матѳ. 26, 24),—т. е., что лучше ему было вовсе не существовать, чѣмъ терпѣть вѣчныя мученія. Нѣкоторые же это мѣсто понимаютъ такъ: умершіе лучше тѣхъ, кои живутъ, хотя они были прежде грѣшники, ибо живые находятся еще въ борьбѣ и какъ бы заключены въ темницѣ тѣла, а умершіе уже внѣ опасности и перестали грѣшить. Такъ и Іоаннъ, болѣе коего не было въ рожденныхъ женами, меньше того, кто самый меньшій въ царствіи небесномъ и кто, освободившись отъ бремени тѣла, не имѣетъ нужды говорить съ апостоломъ: *окаяненъ азъ человѣкъ, кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея* (Рим. 7, 14). А обоихъ ихъ лучше тотъ, кто еще не родился и не видѣлъ золъ, какими удручены люди въ мірѣ семъ; ибо наши души прежде чѣмъ нисходятъ въ эти тѣла, пребываютъ въ горнемъ и до тѣхъ поръ блаженны, пока пребываютъ въ небесномъ Іерусалимѣ и въ ликѣ ангельскомъ [1]).

Ст. 4. *И видѣлъ я весь трудъ, и вмѣстѣ весь подвигъ дѣла: ибо зависть мужу отъ товарища его. И это суета и томленіе духа.* Потомъ обратился я къ другому и видѣлъ всю силу и славу трудящихся, и усмотрѣлъ, что благо одного есть зло для другого, такъ какъ завистникъ мучится чужимъ счастіемъ, а пользующійся славою открытъ для козней. Ибо, чтó суетнѣе, чтò ничтожнѣе, чтò презрѣннѣе того, что люди не бѣдствія свои оплакиваютъ,

---

[1]) Повидимому бл. Іеронимъ приводитъ буквально толкованіе Оригена; по крайней мѣрѣ послѣдняя мысль напоминаетъ воззрѣнія Оригена и никоимъ образомъ не принадлежитъ бл. Іерониму, который не дальше какъ за нѣсколько строкъ въ своемъ собственномъ толкованіи этого мѣста отвергаетъ мысль о предсуществованіи душъ.

не о грѣхахъ своихъ скорбятъ, а завидуютъ тѣмъ, кто лучше ихъ?

Ст. 5. *Глупый сложилъ руки свои, и съѣдаетъ плоть свою.* Здѣсь изображается тотъ же лѣнивецъ, что и въ Притчахъ (Притч. гл. 24). Онъ сложилъ руки на груди своей, и вотъ къ нему, какъ скорый гонецъ, приходитъ бѣдность и отъ чрезвычайнаго голода (какъ гиперболически сказано здѣсь) онъ съѣдаетъ плоть свою; онъ думаетъ, что лучше имѣть одну горсть муки и жить въ праздности и лѣности, чѣмъ трудясь жить съ полными руками. Все это развиваетъ съ цѣлію показать, что тотъ, кто трудится и имѣетъ что нибудь въ мірѣ, открытъ для зависти, а тотъ, кто хочетъ жить праздно, удрученъ бѣдностью, и что оба они несчастны, когда одинъ терпитъ изъ за богатства, а другой угнетенъ нуждою вслѣдствіе бѣдности. И истинно такъ. Кто завидуетъ чужому счастію, кого обуяло какъ бы умоизступленіе, кто принялъ зависть въ сердце свое и воспиталъ ее въ груди своей, тотъ съѣдаетъ душу свою и плоть свою. Ибо, чѣмъ болѣе счастливымъ видитъ онъ того, кому завидуетъ, тѣмъ болѣе самъ томится и чахнетъ и мало по малу таетъ отъ ревности и зависти. Иначе: слово *руки* часто употребляется въ смыслѣ дѣлъ, какъ, напримѣръ *и бысть слово Господне рукою Аггеа* (Аг. 1, 1), или того или другаго пророка, такъ какъ онъ совершилъ такія дѣла, что сталъ достоинъ, чтобы въ дѣлѣ его было слово Господне. Согласно съ этимъ и оное Давидово: *научаяй руцѣ мои на ополченіе* (Псал. 143, 1). Такимъ образомъ, *глупый сложилъ руки свои* значитъ: опустилъ руки, не хотѣлъ протягивать ихъ, поэтому онъ и не ѣстъ трудовъ рукъ своихъ, которыхъ не имѣетъ, а съѣдаетъ плоть свою, живя по мудрованію плоти и скудно питаясь дѣлами плоти.

Ст. 6. *Лучше одна горсть съ спокойствіемъ, чѣмъ полныя руки съ трудомъ и томленіемъ духа.* Лучше

имѣть небольшое праведное, нежели большое богатство грѣшниковъ. И въ Притчахъ говорится: »лучше немногое съ правдою, чѣмъ множество прибытковъ съ неправдою« (Прит. 16, 8). Прекрасно говорится, что съ правдою соединенъ покой, а съ неправдою трудъ. И такъ какъ единственное число всегда употребляется въ добромъ смыслѣ, а двойственное въ дурномъ, то одна горсть соединена съ покоемъ, а двѣ руки исполнены труда.

Ст. 7—8. *И обратился я, и видѣлъ суету подъ солнцемъ. Есть одинъ и нѣтъ второго, и даже сына и брата нѣтъ у него: и нѣтъ конца всякому труду его. И глазъ его не насыщается богатствомъ: и для кого я тружусь и лишаю душу свою блага? И это суета и мученіе наихудшее.* Обратился я къ другимъ, и увидѣлъ, что они трудятся больше чѣмъ нужно, собираютъ богатства правдою и неправдою, а собраннымъ не пользуются; имѣютъ все, почиваютъ на богатствѣ, берегутъ другому, а своимъ трудомъ не наслаждаются, особенно когда не имѣютъ ни сына, ни брата, ни родственника, чтобы могло казаться, что праведный трудъ они оставляютъ своимъ ближнимъ. Поэтому я увидѣлъ, что нѣтъ ничего суетнѣе того человѣка, который собираетъ богатство, не зная кому онъ оставитъ его. По прежде изложенному толкованію, мы можемъ понимать это и въ отношеніи къ тѣмъ, кои пишутъ книги и оставляютъ ихъ не цѣнящимъ ихъ читателямъ. Нѣкоторые мѣсто это, начиная отъ словъ: *есть одинъ и нѣтъ втораго*, объясняютъ въ отношеніи къ Спасителю, что Онъ, для спасенія міра, сошелъ одинъ и безъ всякого сообщника. И хотя многіе суть сыны Божіи и называются братіями Господа по усыновленію, однако никто не оказался достойнымъ, чтобы соединиться съ Нимъ въ этомъ дѣлѣ Нѣтъ конца труду Его, носящаго наши недуги и грѣхи и за насъ болящаго; и не насытится богатствомъ око Его, всегда желающаго на-

шего спасенія и тѣмъ болѣе призывающаго къ покаянію, чѣмъ болѣе кто согрѣшаетъ.

Ст. 9—12. *Лучше двое, чѣмъ одинъ, коимъ награда добрая въ трудѣ ихъ: ибо, если упадетъ одинъ, то другой подниметъ товарища своего. И горе одному, когда онъ упадетъ, и нѣтъ другого, кто бы поднялъ его. И даже если спятъ двое, то и теплота будетъ у нихъ; а одинъ, какъ согрѣется? И если нападетъ на кого одинъ, то двое устоятъ противъ него, и тройная бичева не скоро рвется.* Послѣ изображенія заботъ и бѣдствій, постигающихъ того, кто мучитъ себя въ пріобрѣтеніи богатства не имѣя опредѣленнаго наслѣдника, теперь рѣчь обращается къ сотовариществу и говорится, сколько добра въ сообществѣ друзей и во взаимной поддержкѣ: потому что и упавши одинъ поднимается при помощи другого, и домашнія дѣла ведетъ и даже ночнымъ отдыхомъ наслаждается лучше тотъ, кто имѣетъ вѣрнаго друга, чѣмъ тотъ, кто заботится только о пріобрѣтеніи богатства. И если противъ одного возстанетъ какой либо болѣе сильный врагъ, то его слабость поддерживается помощью друга. И насколько два лучше одного, если они соединены любовію, настолько еще болѣе важно сообщество троихъ. Ибо истинная и ненарушаемая никакою завистью любовь, чѣмъ болѣе возрастаетъ въ числѣ, тѣмъ болѣе будетъ увеличиваться и въ силѣ. Это —по толкованію простому.

Но такъ какъ касательно предъидущаго мѣста мы представили толкованіе его нѣкоторыми въ отношеніи ко Христу, то и дальнѣйшее должно быть разсматриваемо въ томъ же духѣ. Лучше быть двоимъ, чѣмъ одному. Ибо, лучше имѣть живущаго въ себѣ Христа, чѣмъ жить одному и быть открытымъ для козней врага. Награда за это сообщество непосредственно открывается въ самой пользѣ общенія. Ибо, если упадетъ одинъ, то Христосъ возставляетъ своего общника.

И горе тому, кто, упавши, не имѣетъ въ себѣ возставляющаго Христа! Если даже и уснетъ одинъ, т. е. если будетъ пораженъ смертію, но будетъ имѣть съ собою Христа, то согрѣтый и оживотворенный Имъ, скоро оживетъ снова. И если противъ человѣка возстанетъ сильный въ нападеніи діаволъ, то противостанетъ ему человѣкъ, противостанетъ и Христосъ за человѣка своего, за общника своего. Это не потому, чтобы сила одного Христа противъ діавола была слаба, а потому, что человѣку предоставляется свободная воля, и когда мы прилагаемъ свои усилія, то и Самъ Христосъ бываетъ сильнѣе въ борьбѣ. И если пріидутъ и Отецъ, и Сынъ, и Духъ Святый, то не скоро разрывается это сообщество. Но, если и не скоро разрывается, тѣмъ не менѣе однакоже, иногда можетъ разорваться. Ибо и у Іуды апостола была эта тройная бичева; но, такъ какъ послѣ куска вошелъ въ него сатана, то бичева порвалась. Далѣе, относительно того, что говоритъ выше: *и даже если уснутъ двое, то и теплота будетъ у нихъ, а одинъ, какъ согрѣется?*—приведемъ свидѣтельство изъ жизни Елиссея, что онъ простерся съ мальчикомъ и уснулъ и согрѣлъ тѣльце его и, такимъ образомъ, оживилъ воскресшаго (4 Цар. 4). Итакъ, если Христосъ не уснетъ съ нами и не почіетъ въ смерти, то мы не можемъ воспріять теплоты вѣчной жизни.

Ст. 13—16. *Лучше отрокъ бѣдный и мудрый, нежели царь старый и глупый, который не умѣетъ заботиться о будущемъ. Поелику тотъ изъ дома узниковъ выходитъ въ царя, хотя въ царствѣ его и родился онъ бѣднымъ. Я видѣлъ всѣхъ живущихъ, которые ходятъ подъ солнцемъ съ этимъ вторымъ юношею, который станетъ вмѣсто него. Нѣтъ конца всему народу, всѣмъ, кои были прежде ихъ; хотя позднѣйшіе не будутъ радоваться о немъ. Но и это суета и*

томленіе духа. Это мѣсто Симмахъ перевелъ такъ: *Бѣдный съ мудростію лучше царя стараго и неразумнаго, который не умѣетъ предупредить перемѣны. Ибо одинъ выходитъ изъ тюрьмы для царствованія, а другой, родившись царемъ, удрученъ бѣдностію. Я видѣлъ всѣхъ живущихъ, которые ходятъ подъ солнцемъ съ юношею вторымъ, который возсталъ вмѣсто него. Неисчислимъ весь народъ, бывшій прежде того и другаго, но потомки не будутъ радоваться о нихъ. Но и это паръ и пасеніе вѣтра.* Мой Еврей, о которомъ я часто упоминаю, когда читалъ со мною Екклезіастъ, говорилъ, что Варахиба [1]), которому особенно удивляются, относительно настоящаго мѣста училъ такъ: Лучше внутренній человѣкъ, открывающійся въ насъ съ четырнадцатаго года отрочества, чѣмъ внѣшній человѣкъ, раждающійся отъ утробы матерней, который не умѣетъ удаляться отъ грѣха и который изъ дома узниковъ, т. е. изъ чрева матери, вышелъ для того, чтобы царствовать во грѣхахъ. Онъ и при власти своей сталъ бѣднымъ, совершая все злое. Я видѣлъ жившихъ въ первомъ человѣкѣ и потомъ имѣвшихъ общеніе со вторымъ, т. е. съ тѣмъ, который родился послѣ перваго: я убѣдился, что въ первомъ человѣкѣ всѣ грѣшили, пока, по рожденіи втораго, не стало двухъ человѣкъ И такъ какъ, обратившись къ лучшему и послѣ буквы философовъ *υ* [2]), оставивши лѣвый путь, устремились къ правой вершинѣ и послѣдовали второму, то есть послѣднему человѣку: то они не будутъ радоваться о томъ, т. е. о первомъ.

---

[1]) Безъ сомнѣнія это современный Іерониму знаменитый еврейскій ученый,—впрочемъ неупоминаемый ни у талмудистовъ, ни у писателей іудейскихъ.

[2]) Буква философовъ *υ* означаетъ одною своею стороною путь порока, а другою путь добродѣтели.

Объ этихъ двухъ человѣкахъ говоритъ и апостолъ (2 Θесс. 2), не умалчиваетъ и книга Левитъ говоря: *человѣкъ, человѣкъ*, если захочетъ сдѣлать то или то (Лев. 17). Мужъ святый Григорій, епископъ Понта, слушатель Оригена, въ изложеніи (Metaphrasi) Екклезіаста это мѣсто объяснилъ такъ: »А я предпочитаю юношу бѣднаго и мудраго царю старому и глупому, которому никогда не приходило на умъ, что кто нибудь изъ заключенныхъ имъ выйдетъ изъ темницы на царство и что онъ наконецъ будетъ лишенъ своей неправедной власти. Случается иногда, что состоящіе подъ властію мудраго юноши живутъ безъ печали, хотя прежде жили подъ властію царя стараго; родившіеся же послѣ, такъ какъ не знали прежнихъ бѣдствій, водимые превратнымъ мнѣніемъ и вліяніемъ противнаго духа, не могутъ хвалить и возставшаго послѣ него юношу«.

Лаодикійскій толкователь [1]), старающійся выражать великое въ краткихъ словахъ, и здѣсь, по своему обычаю, высказалъ: »Рѣчь Екклезіаста идетъ о перемѣнѣ хорошаго на худое: онъ хочетъ изобразить неразумнаго человѣка, который, не помышляя о будущемъ, утѣшается настоящимъ и преходящимъ какъ бы великимъ и вѣчнымъ. И указавъ на различныя, обычныя у людей случайности и превратности въ ихъ жизни, присоединяетъ какъ бы общій приговоръ о смерти,—что безчисленное множество людей умираетъ, постепенно уничтожается и преходитъ, когда каждый оставляетъ на своемъ мѣстѣ другаго, а этотъ опять другаго по смерти предшествующаго«.

Оригенъ и Викторинъ разногласили между собою немного. Ибо послѣ той общей мысли, которая для всѣхъ очевидна,—что лучше юноша бѣдный и мудрый, чѣмъ царь

---

[1]) Разумѣется Аполлинарій, епископъ Лаодикійскій.

старый и неразумный, и что часто случается, что первый по своей мудрости, вышедши изъ государственной темницы, получаетъ царскую власть вмѣсто негоднаго правителя,— объясняли это мѣсто въ отношеніи ко Христу и діаволу, въ отрокѣ бѣдномъ и мудромъ разумѣя Христа. Онъ отрокъ, по написанному: *веліе ти есть, еже назватися тебѣ отрокомъ моимъ* (Ис 49, 6); Онъ бѣдный, поелику, будучи богатъ, обнищалъ, (2 Кор. 8, 9); Онъ и премудрый, ибо *преспѣваше премудростію и возрастомъ, и благодатію у Бога и человѣкъ* (Лук. 2, 52). Онъ родился въ царствѣ старика, почему и говоритъ: *аще отъ міра сего было бы царство мое, слуги мои убо подвизалися быша, да не преданъ быхъ былъ Іудеомъ: нынѣ-же царство мое нѣсть отсюду* (Іоан. 18, 36);—въ царствѣ того старика, который показалъ Ему всѣ царства міра и славу его, родился прекраснѣйшій отрокъ и изъ дома узниковъ, о которыхъ Іеремія говоритъ въ Плачѣ: *еже смирити подъ нозѣ его вся узники земныя* (Пл. 3, 34), вышелъ на царство, отошелъ въ страну далекую и, вопреки тѣмъ, которые не захотѣли власти Его надъ собою, чрезъ нѣсколько времени возвратился царемъ. Итакъ Екклезіастъ пророчественнымъ духомъ видѣлъ всѣхъ живущихъ, которые могутъ быть причастниками юноши, говорящаго: *Азъ есмъ животъ* (Іоан. 14, 6), и оставивъ стараго глупаго царя, слѣдовать за Христомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ указываются два народа изъ Израиля: первый, бывшій до пришествія Господа, и послѣдній, имѣющій принять за Христа антихриста,—что первый не совершенно отвергнутъ (ибо первая церковь была собрана апостолами изъ Іудеевъ), а подъ конецъ Іудеи, имѣющіе принять вмѣсто Христа антихриста, не будутъ радоваться во Христѣ.

Ст. 17. *Храни ногу твою, когда идешь въ домъ Божій и приближайся, чтобы слушать. Ибо даръ*

неразумныхъ жертва, поелику не знаютъ зла, которое они дѣлаютъ. Даетъ наставленіе въ жизни и хочетъ, чтобы мы не претыкались, идя въ церковь. Ибо похвально не входить въ домъ Божій, а входить безъ претыканія. И еслибы всѣ, находящіеся въ церкви Божіей, способны были слушать слово, то никогда не прибавилъ бы: *приближайся чтобы слушать.* И одинъ только Моисей близко приступалъ, чтобы слушать Бога, а прочіе не могли приступать (Исх. 24, 2 и слѣд.). А неразумные, не зная, что это есть врачевство противъ грѣха, думаютъ, что они могутъ удовлетворить Богу принесеніемъ даровъ, и не понимаютъ, что и это зло и грѣхъ—хотѣть исправить сдѣланное не послушаніемъ и добрыми дѣлами, а дарами и жертвами. Съ этимъ согласно и сказанное въ другомъ мѣстѣ: *послушаніе паче жертвы* (1 Цар. 15, 21) и: *милости хощу, а не жертвы* (Ос. 6, 6).

Глава V. Ст. 1—2. *Не торопись устами твоими, и сердце твое да не спѣшитъ произнести слово предъ лицемъ Божіимъ, потому что Богъ на небѣ, а ты на землѣ. Посему пусть не многи будутъ слова твои, поелику придетъ сновидѣніе во множествѣ заботы, и голосъ неразумнаго во множествѣ словъ.* Многіе думаютъ, что въ настоящемъ мѣстѣ внушается то, чтобы мы не обѣщали чего нибудь предъ Богомъ опрометчиво, и не взвѣсивъ своихъ силъ, не давали такихъ обѣтовъ, которыхъ не можемъ исполнить. Ибо при насъ присутствуетъ Богъ, и хотя Онъ, повидимому, на небѣ, а мы на землѣ, однако слышитъ, что мы говоримъ, и изъ множества словъ обличается наше неразуміе. Другіе же, объясняя лучше, утверждаютъ, что этимъ внушается то, чтобы мы ни словомъ, ни мыслію не размышляли о Богѣ больше, чѣмъ сколько можно, но сознавали слабость свою,—что насколько отсто-

итъ небо отъ земли, настолько наша мысль далека отъ естества Его, и что поэтому слова наши должны быть сдержанны. Ибо, какъ занятый многими заботами часто какъ въ бреду представляетъ то, о чемъ думаетъ: такъ желающій размышлять о Божествѣ слишкомъ много, впадаетъ въ неразуміе. Или такъ: слова наши потому должны быть не многочисленны, что и то, что мы, по нашему мнѣнію, знаемъ, мы видимъ какъ бы чрезъ тусклое стекло, гадательно, и то, въ чемъ увѣрены, представляемъ какъ въ сновидѣніи. Когда выскажемъ слишкомъ многое, то для насъ будетъ ясно, что конецъ нашего разсужденія—неразуміе. Ибо отъ многоглаголанія не избѣжимъ грѣха.

Ст. 3—4. *Когда сдѣлаешь обѣтъ Богу, не замедли отдать, поелику нѣтъ благоволенія къ глупымъ. Все, что ни обѣщаешь—исполни. Лучше не давать обѣта, чѣмъ обѣщать и не исполнить.* Простой смыслъ не требуетъ объясненія Лучше не обѣщать, чѣмъ не исполнять обѣщаннаго: ибо неисполняющіе обѣтовъ неугодны Богу и считаются между неразумными. Въ словахъ: *нѣтъ благоволенія къ глупымъ*—подразумѣвается: *Божія*, согласно съ словомъ апостола: «не было воли, чтобы я нынѣ пришелъ къ вамъ» (1 Кор. 16, 12). Если же хотимъ сказать нѣчто болѣе важное, то здѣсь заповѣдуется христіанину, чтобы онъ восполнялъ вѣру дѣломъ и не уподоблялся Іудеямъ, которые, давая обѣты и говоря: *вся словеса яже глагола Господь, сотворимъ* (Исх. 24, 3), поклонялись идоламъ, и подвергши мученіямъ рабовъ и камнями побивъ ихъ, наконецъ умертвили и самого Сына Домовладыки. Итакъ, лучше долго взвѣшивать сомнительное рѣшеніе, чѣмъ, будучи легкимъ на словахъ, быть тяжелымъ на дѣлѣ. Ибо рабъ, знающій волю господина своего и не исполнившій ее, *біенъ будетъ многю* (Лук. 12, 47).

Ст. 5. *Недавай устамъ твоимъ вводить въ грѣхъ тѣло твое. И не говори предъ лицемъ ангела, что это невѣдѣнге, чтобы не разгнѣвался Господь на слово твое и не погубилъ дѣлъ рукъ твоихъ.* Еврей думалъ такъ: чего не можешь сдѣлать, не обѣщай, ибо слова идутъ не на вѣтеръ, но предстоящимъ ангеломъ, который присущъ какъ спутникъ каждому, тотчасъ доносятся ко Господу, и ты, который думаешь, что Богъ не знаетъ, что̀ ты обѣщалъ, вызываешь Его на гнѣвъ, такъ что разрушатся всѣ дѣла твои. Въ словахъ: *не давай устамъ твоимъ вводить въ грѣхъ тѣло твое*, онъ (т. е. Еврей), тщательно перевертывая частицу *не*, разумѣлъ тотъ смыслъ, какъ-бы Екклезіастъ сказалъ: *не давай устъ твоихъ, чтобы не грѣшить.* А мнѣ представляется здѣсь другой смыслъ,—что обличаются тѣ, кои жалуются на недостатки плоти и говорятъ, что по слабости плоти они вынуждены дѣлать то, чего не хотятъ, сообразно съ онымъ словомъ апостола: *не еже бо хощу, сіе творю, но еже не хощу* и проч. (Рим. 7, 13). Итакъ, не ищи пустыхъ оправданій, не подавай плоти своей повода ко грѣху и не говори: это не я грѣшу, а живущій въ плоти моей грѣхъ. Слова: *не говори предъ ангеломъ, что это невѣдѣніе*, Акила, передавая еврейское слово *segaga*, вмѣсто *невѣдѣніе*, перевелъ: ἀκούσιον, то есть *невольное.* Ибо если, говоритъ, ты скажешь это, то Бога, какъ бы виновника зла и грѣха, ты вызываешь на то, чтобы Онъ, прогнѣвавшись, отнялъ изъ рукъ твоихъ все, что, повидимому, имѣешь ты добраго. И истинно, если ты такъ разсуждаешь, то предастъ тебя Богъ превратному уму дѣлать непотребное.

Ст. 6. *Ибо во множествѣ сновидѣній, и суеты и словъ очень много. Но Бога бойся.* И это мѣсто евреи толкуютъ такъ: Не дѣлай и того, о чемъ выше уже говорилось, и не вѣрь легковѣрно снамъ. Когда, во время ноч-

наго покоя, будутъ представляться тебѣ различныя видѣнія, душа будетъ возмущаться различными страхами или волноваться мечтами: ты презирай всѣ эти сонныя видѣнія и только одного Бога бойся. Ибо, кто будетъ вѣрить сновидѣніямъ, тотъ предастъ себя суетамъ и непотребствамъ. Иначе: Такъ какъ я сказалъ и заповѣдалъ: *не давай устамъ вводить въ грѣхъ тѣло твое* и искать различныхъ оправданій: то теперь присовокупляю, что во снѣ жизни сей и въ томъ образѣ тѣни облачной, въ которомъ мы живемъ, мы можемъ находить многое, что намъ кажется правдоподобнымъ и оправдывать грѣхи наши; поэтому прошу остерегаться одного: не думай, что Бога нѣтъ при тебѣ, но бойся Его и знай, что Онъ присутствуетъ при всѣхъ дѣлахъ твоихъ, и что ты, одаренный свободною волею, не принуждаешься къ тому, что дѣлаешь, а дѣлаешь добровольно.

Ст. 7—8. *Если ты увидишь въ странѣ притѣсненіе бѣдному, грабежъ въ судѣ и неправды, то не удивляйся сему дѣлу: потому что высокій наблюдаетъ за высокимъ, и надъ ними есть высшій, и больше земли во всемъ есть царь на полѣ обработанномъ.* Хитонъ Христовъ, сотканный сверху, не могъ быть раздѣленъ и распинателями; тому, изъ котораго Спаситель изгналъ бѣсовъ, Онъ повелѣлъ идти одѣвшись въ одѣянія апостоловъ. Посему и мы постараемся не разрывать ризъ нашего Екклезіаста и не сшивать по произволу своему оттуда и отсюда рубища мнѣній, но должны сохранять одинаковый составъ разсужденія и слѣдовать одному и тому же смыслу и порядку. Выше сказалъ: *не говори предъ лицомъ ангела, что это невѣдѣніе, чтобы не разгнѣвался Богъ на слово твое* и прочее, и высказался противъ тѣхъ, кои отрицали, что дѣла человѣческія управляются Промысломъ. А такъ какъ противъ этого внушенія возникало возраженіе: почему же праведные терпятъ обиду,

почему во всемъ мірѣ совершаются неправые суды и нѣтъ мздовоздаятеля Бога: то теперь въ дополненіе онъ разрѣшаетъ то, что можно было возразить,—разрѣшаетъ, говоря: если увидишь обиду бѣднаго, который въ Евангеліи провозглашается блаженнымъ, если увидишь, что дѣла ведутся не правдою, а насиліемъ: то не удивляйся, и пусть тебѣ не представляется это чѣмъ либо новымъ. Ибо видитъ это высокій надъ высокими Богъ, Который поставилъ ангеловъ Своихъ надъ судьями и царями земли, ангеловъ, которые, конечно, могутъ воспретить неправдѣ, и на землѣ имѣютъ болѣе силы, чѣмъ какія бы то ни было власти человѣческія. Но поелику Онъ откладываетъ судъ до конца и въ кончину міра, когда, послѣ того какъ жатва созрѣетъ и придутъ жители, Онъ повелитъ отдѣлить пшеницу и плевелы предать огню: то поэтому Онъ теперь ожидаетъ и отлагаетъ приговоръ, пока не будетъ воздѣлано поле міра сего. Что подъ полемъ разумѣется міръ, это Господь изъяснилъ въ притчѣ о плевелахъ и пшеницѣ (Матѳ. 13 гл.).

Ст. 9—10. *Кто любитъ серебро, тотъ не будетъ насыщаться серебромъ, и кто любитъ богатство, не будетъ пользоваться имъ. Но и это суета. Ибо при множествѣ благъ много и съѣдающихъ оныя, и какая выгода имѣющему оныя, кромѣ того, что онъ видитъ ихъ глазами своими?* Вездѣ, гдѣ мы ставимъ серебро, по обоюдности греческаго слова, можно ставить и деньги: ибо ἀργύριον значитъ и то и другое. И Туллій говоритъ, что богатыми (pecuniosos) сначала называли тѣхъ, которые имѣли очень много peculia, то есть скота. Такъ называли богатство въ древности; но мало по малу, въ несобственномъ значеніи, слово это перенесено къ другому понятію. Итакъ изображается здѣсь скупецъ,—что онъ никогда не удовлетворяется богатствомъ и чѣмъ больше будетъ имѣть его, тѣмъ больше желаетъ. И Флаккъ выражаетъ эту же мысль говоря:

„Нуждается вѣчно скупой человѣкъ"—

и благородный историкъ (Саллюстій), выражаясь, что »скупость ни отъ нищеты, ни отъ изобилія не уменьшается«. Итакъ никакой пользы, говоритъ Екклезіастъ, не приноситъ богатство владѣющему имъ, кромѣ развѣ той, что онъ смотритъ на то, чѣмъ обладаетъ. Ибо, чѣмъ больше у него будетъ богатства, тѣмъ больше онъ будетъ имѣть служителей, которые поѣдаютъ собранное имѣніе. А онъ только смотритъ на то, что имѣетъ, и не можетъ употреблять болѣе, чѣмъ сколько нужно для содержанія одного человѣка.

Ст. 11. *Сладокъ сонъ трудящемуся, мало ли, много ли онъ поѣстъ. А пресыщеніе богача не даетъ ему уснуть.* Рѣчь опять о богачѣ и скупцѣ, и онъ сравнивается съ трудящимся, который спитъ безъ заботы, мало ли или много онъ поѣстъ. Послѣдній, послѣ трудовой работы и утомленія, перевариваетъ какую бы то ни было пищу и наслаждается пріятнымъ сномъ; а богатый, пресытившись роскошнымъ столомъ, и туда и сюда разрываемый безпокойными думами, не можетъ уснуть отъ излишняго употребленія напитковъ и отъ жара въ желудкѣ при несвареніи пищи. Далѣе, такъ какъ подъ сномъ разумѣется и общій исходъ изъ этой жизни: то лучше будетъ покой того, кто теперь трудится и по силамъ своимъ подвизается въ добрыхъ дѣлахъ, чѣмъ богатство тѣхъ, о коихъ написано: *горе вамъ богатымъ, яко отстоите утѣшенія вашего* (Лук. 6, 24).

Ст. 12—16. *Есть недугъ наихудшій, какой я видѣлъ подъ солнцемъ,—богатство сберегаемое владѣльцемъ во зло ему. И погибло богатство оное въ бѣдѣ наихудшей. И родилъ сына, и нѣтъ въ рукахъ его ничего. Какъ вышелъ изъ чрева матери своей, такъ нагимъ и возвратится какимъ пришелъ, и ничего не возьметъ изъ труда своего, чтобы оно шло въ рукахъ его. И это зло наихудшее, что какъ пришелъ, такъ*

и отходитъ. Какое же онъ будетъ имѣть преимущество, если онъ трудился на вѣтеръ? И во всѣ дни свои онъ будетъ ѣсть во тьмѣ, и въ величайшемъ негодованіи, и въ болѣзни, и въ гнѣвѣ. Соединяй послѣдующее съ предыдущимъ. Екклезіастъ изображаетъ богача, который ни самъ не можетъ пользоваться своимъ богатствомъ и часто терпитъ изъ за него бѣдствія, ни наслѣднику не оставляетъ собраннаго; но и самъ и сынъ его какъ пришли нагими, такъ нагими же и возвратятся въ землю, и ничего изъ трудовъ ихъ не пойдетъ за ними. Не есть-ли это наихудшее зло—изъ за богатства мучиться заботами, трудиться въ пріобрѣтеніи имѣній съ тоскою, со стонами, съ раздраженіемъ, въ тяжбахъ, и трудиться напрасно, когда богатство это пропадетъ, когда умирая мы не можетъ ихъ взять съ собою? Это по толкованію простому. Но если мы поднимемся выше, то, мнѣ кажется, Екклезіастъ говоритъ о философахъ или еретикахъ, которые собираютъ богатство ученій на зло себѣ, и ни сами изобрѣтатели ихъ не могутъ получить отъ нихъ какой либо пользы, ни послѣдователямъ своимъ не могутъ оставить прочнаго плода; но и сами они, и ученики ихъ возвращаются въ землю и теряютъ это богатство по волѣ Того, Кто сказалъ: *погублю премудрость премудрыхъ и разумъ разумныхъ отвергу* (1 Кор. 1, 19). Ибо, по истинѣ, какъ они вышли изъ чрева матери своей, то есть церкви извращенной и противной той, о коей написано: *а вышній Іерусалимъ свободь есть, иже есть мати всѣмъ намъ* (Гал. 4, 26), такъ нагими и отойдутъ, потрудившись на вѣтеръ, напрасно. Они изнемогли *испытывая испытаніемъ* (Псал. 63, 7) и носятся всякимъ вѣтромъ ученія и не имѣютъ свѣта, а во тьмѣ жрутъ свои таинства. Всегда они въ болѣзни, всегда во гнѣвѣ, собирая себѣ гнѣвъ въ день гнѣва и не имѣя милующаго Бога.

Ст. 17—19. *Вотъ въ чемъ увидѣлъ я добро, что есть наилучшее, — ѣсть и пить и видѣть удовольствіе во всякомъ трудѣ своемъ, которымъ трудился* (человѣкъ) *подъ солнцемъ, въ числѣ дней жизни своей, какіе далъ ему Богъ; ибо это есть доля его. Но и всякій человѣкъ, коему далъ Богъ богатство и имѣніе и благоволилъ ему питаться отъ нихъ и брать долю свою и радоваться о трудѣ своемъ,—это даръ Божій. Ибо немного будетъ онъ помнить о дняхъ жизни своей, потому что Богъ развлекаетъ въ радости сердце его.* Говоритъ, что по сравненію съ тѣмъ, который пользуется своимъ имѣніемъ во тьмѣ заботъ, и съ великою скорбію жизни собираетъ богатство преходящее, лучше тотъ, кто пользуется настоящимъ. Ибо здѣсь есть, по крайней мѣрѣ, хоть небольшое удовольствіе въ пользованіи, а тамъ только великія заботы. И приводитъ причины, почему возможность пользоваться богатствомъ есть даръ Божій. Потому что, говоритъ, немного будетъ онъ помнить о дняхъ жизни своей, ибо развлекаетъ его Богъ въ радости сердца его: не будетъ онъ печалиться, не будетъ мучиться думами, развлеченный радостью и настоящимъ удовольствіемъ. Но лучше, по апостолу (1 Кор. 10, 3), разумѣть здѣсь дарованную Богомъ духовную пищу и духовное питіе и видѣть благо во всякомъ трудѣ своемъ: ибо съ великимъ трудомъ и подвигомъ мы можемъ созерцать истинное благо. И это есть доля наша, что мы радуемся въ трудѣ и подвигѣ нашемъ. И хотя это есть благо, однако, пока Христосъ не явится жизнію нашею, это есть еще не полное благо. И потому немного будетъ помнить Богъ о дняхъ жизни нашей. И нужно замѣтить, что здѣсь слово περισπασμός принимается въ лучшую сторону, какъ развлеченіе духовною и истинною радостію.

Глава VI. Ст. 1—6. *Есть зло, которое я видѣлъ подъ солнцемъ, и часто оно у людей. Человѣкъ, которому далъ Богъ богатства и имѣніе, и славу, и у котораго нѣтъ недостатка ни въ чемъ для души его изъ всего, чего онъ желалъ; но не далъ ему Богъ власти, чтобы пользоваться этимъ, а человѣкъ чужой пользуется имъ. Вотъ суета и зло наихудшее: если родитъ человѣкъ сто дѣтей, и поживетъ много лѣтъ, и очень многи будутъ дни лѣтъ его, а душа его не исполняется благами и не будетъ ему погребенія. Я сказалъ, что мертворожденный лучше его. Ибо въ суетѣ онъ пришелъ, и во тьмѣ отошелъ, и во тьмѣ скроется имя его. И хотя не видѣлъ и не зналъ онъ солнца, покой ему больше, чѣмъ тому. И еслибы даже прожилъ тысячу лѣтъ вдвойнѣ и не видѣлъ добра; то не къ одному ли мѣсту все стремится?* Изображаетъ скупого богача и говоритъ, что вотъ какое частое зло у людей: нѣтъ у него недостатка ни въ чемъ, что въ мірѣ считается благомъ, а тѣмъ не менѣе онъ мучится глупѣйшею скупостью, сберегая богатство на растрату другимъ. Гиперболически присовокупляетъ и то, что еслибы даже онъ родилъ сто дѣтей и прожилъ бы не около тысячи лѣтъ, какъ Адамъ, а двѣ тысячи лѣтъ, а между тѣмъ, если душа его изнываетъ отъ жадности и скупости, то его состояніе хуже мертворожденнаго, который умеръ тотчасъ какъ, по видимому, родился. Ибо этотъ не видѣлъ ни худого, ни хорошаго; а тотъ, обладалъ благами, и постоянно мучился заботами и страданіями: больше покоя имѣетъ этотъ мертворожденный, чѣмъ тотъ долголѣтній скупецъ. Но тѣмъ не менѣе обоихъ ихъ постигаетъ одинаковый конецъ, когда и тотъ и этотъ похпщаются тою же смертью. Можно понимать это и въ отношеніи къ Израилю,—что Богъ далъ ему законъ и пророковъ, завѣтъ и обѣтованіе, а между тѣмъ Спаситель

говоритъ: *яко отъимется отъ васъ царствіе Божіе, и дастся языку, творящему плоды его* (Матѳ. 21, 43). Все это будетъ передано чуждому и собранному изъ язычниковъ народу, а тѣ (Израильтяне) видятъ блага свои и не пользуются ими. И мы въ гораздо лучшемъ положеніи, мы, считавшіеся какъ бы мертворожденными и послѣдними въ въ глазахъ тѣхъ, которые хвалились древностію, превозносились своими предками и говорили: *отца имамы Авраама* (Іоан. 8, 39). И однако и мы и они идемъ къ одному мѣсту,—къ суду Божію. А сказанное въ срединѣ: *и даже погребенія не будетъ ему* означаетъ или то, что богачъ тотъ не думаетъ о своей смерти, и владѣя всѣмъ, скупится даже построить себѣ гробницу, или то, что часто погибая насильственною смертію, онъ бросается безъ погребенія, или, что̀ признаю лучшимъ, означаетъ то, что онъ ничего не сдѣлаетъ добраго, чѣмъ бы могъ оставить себѣ память въ потомствѣ и не прожить своего вѣка безслѣдно, подобно скотамъ, хотя имѣлъ средства, которыми могъ бы заявить о своемъ существованіи.

Ст. 7—8. *Весь трудъ человѣка во рту его, и даже душа его не наполнится. Ибо какое преимущество у мудраго предъ глупымъ и что̀ у бѣднаго, какъ не умѣть ходить противъ жизни?* Все, что пріобрѣтаютъ люди трудомъ въ мірѣ семъ, истребляется ртомъ, и пережованное зубами, предается для сваренія желудку. Нѣсколько услаждая горло, оно, повидимому, даетъ удовольствіе, но только до тѣхъ поръ, пока находится во рту; а когда перейдетъ въ желудокъ, то перестаетъ ощущаться различіе между пищею. И послѣ всего этого душа ядущаго не наполняется: или въ томъ смыслѣ, что онъ опять хочетъ съѣденнаго, что какъ мудрый, такъ и глупый не могутъ жить безъ пищи, и что бѣдный ни о чемъ другомъ не заботится, кромѣ того, какъ бы ему поддержать органъ своего

тѣла и не умереть съ голоду; или въ томъ, что душа не получаетъ никакой пользы отъ удовлетворенія тѣла, и пища равно необходима какъ мудрому, такъ и глупому, и бѣдный стремится туда, гдѣ увидитъ богатство. Но лучше понимать это въ отношеніи къ церковному мужу, который, будучи просвѣщенъ въ небесныхъ Писаніяхъ, весь трудъ свой имѣетъ въ устахъ своихъ, и душа его не наполняется, такъ какъ постоянно жаждетъ учиться. И въ томъ мудрый имѣетъ преимущество предъ глупымъ, что сознавая себя нищимъ (тѣмъ нищимъ, который въ Евангеліи называется блаженнымъ), стремится къ усвоенію того, что относится къ жизни, идетъ узкимъ и тѣснымъ путемъ, ведущимъ къ жизни, бѣденъ злыми дѣлами, и знаетъ, гдѣ пребываетъ Христосъ,—жизнь наша.

Ст. 9. *Лучше смотрѣніе глазами, чѣмъ бродящій въ душѣ. Но и сіе суета и мечтаніе духа.* Ясно перевелъ это Симмахъ, поставивъ: *лучше предусматривать, чѣмъ бродить какъ угодно*, то есть лучше дѣлать все по указанію разума, который есть око души, чѣмъ слѣдовать произволенію сердца. Ибо, это именно значитъ *бродить въ душѣ,* какъ говоритъ Іезекіиль: «которые ходятъ въ волѣ сердца своего». Или, обличаетъ гордаго и самодовольнаго, и говоритъ, что лучше тотъ, кто ко всему внимателенъ, чѣмъ тотъ, которому ничего не нравится кромѣ сдѣланнаго имъ самимъ; хуже этого послѣдняго нѣтъ ничего, и онъ пустѣе вѣтра. Акила и Ѳеодотіонъ и здѣсь *томленіе духа* перевели: *пасеніе вѣтра,* а Симмахъ—*сокрушеніе духа.* Слѣдуетъ замѣтить, что у евреевъ и духъ, и вѣтеръ обозначаются одинаковымъ словомъ, то есть *ruah.*

Ст. 10. *Что есть, что будетъ,—уже названо имя тому, и извѣстно, что это человѣкъ, и не можетъ онъ судиться съ сильнѣйшимъ его.* Ясно проповѣдуется о пришествіи Спасителя, что когда Онъ еще имѣлъ я-

виться, прежде чѣмъ былъ видимъ во плоти, уже названо было въ Писаніяхъ имя Его, и извѣстно пророкамъ и святымъ Божіимъ,—извѣстно, что Онъ есть человѣкъ, и по человѣческой сторонѣ не можетъ равняться Отцу, какъ говоритъ въ Евангеліи: пославый Мя *Отецъ болій мене есть* (Іоан. 14, 28). Поэтому въ дальнѣйшихъ словахъ и повелѣвается, чтобы мы не испытывали болѣе того, чѣмъ сколько о Немъ написано намъ, чтобы человѣкъ не желалъ знать больше, чѣмъ сколько засвидѣтельствовало Писаніе. Ибо, поелику мы не знаемъ о своемъ состояніи, и жизнь наша преходитъ какъ тѣнь и будущее неизвѣстно: то для насъ неполезно допытываться бо́льшаго, чѣмъ сколько можемъ. Нѣкоторые думаютъ, что въ этомъ мѣстѣ указывается то, что Богъ уже знаетъ имя всѣхъ людей, кои имѣютъ быть и будутъ облечены тѣломъ, и что человѣкъ не можетъ препираться съ Творцомъ своимъ, зачѣмъ Онъ сдѣлалъ такъ, или иначе. Ибо чѣмъ больше мы будемъ допытываться, тѣмъ больше обнаруживается суета наша и суесловіе. Но предвѣдѣніемъ Божіимъ не уничтожается свободная воля, такъ какъ прежде существуютъ причины, почему все произошло такъ.

Ст. 11—12. *Ибо есть слова многія, умножающія суету. Какая выгода человѣку? Ибо, кто знаетъ, въ чемъ благо человѣку въ жизни, въ числѣ дней жизни суеты его? И сдѣлаетъ ихъ какъ тѣнь, ибо кто возвѣститъ человѣку, что будетъ послѣ него подъ солнцемъ?* Поелику, говоритъ, человѣкъ не знаетъ о своемъ состояніи, и все, что, повидимому, знаетъ и видитъ, видитъ не такъ, какъ есть истина сама въ себѣ, но чрезъ тусклое стекло, видитъ какъ тѣнь и образъ; поелику онъ не знаетъ будущаго и въ многоглаголаніи не избѣгаетъ грѣха: то пусть онъ полагаетъ молчаніе на уста свои, и вѣруетъ, что пришелъ Тотъ, о Которомъ написано, вѣруетъ не разыскивая, ка̀къ, каковымъ и какимъ пришелъ Онъ.

Гл. VII. Ст. 1. *Доброе имя лучше масла добраго и день смерти лучше дня рожденія его.* О человѣкъ, говоритъ, посмотри на краткость дней твоихъ, и такъ какъ скоро, какъ только разрушится тѣло, ты перестанешь существовать: то сохрани о себѣ болѣе долговѣчную славу, чтобы, какъ благовоніе своимъ запахомъ услаждаетъ обоняніе, такъ и твоимъ именемъ услаждались бы всѣ потомки. Симмахъ ясно перевелъ это словами: *лучше имя доброе, чѣмъ мастъ благовонная*, такъ какъ Евреи, обыкновенно, доброю мастью называютъ масло. А словами: *и день смерти лучше дня рожденія его*, показываетъ или то, что лучше выходить изъ міра и освобождаться отъ треволненій и превратностей жизни, чѣмъ вступая въ міръ, терпѣть все это; или то, что при смерти намъ извѣстно, каковы мы будемъ, а въ началѣ при рожденіи, мы не знаемъ каковы мы будемъ; или то, что рожденіе свободу души связываетъ тѣломъ, а смерть разрѣшаетъ.

Ст. 2. *Лучше идти въ домъ плача, чѣмъ въ домъ пира, въ которомъ есть конецъ всякаго человѣка: и кто живетъ, приложитъ это къ сердцу своему.* Полезнѣе идти на похороны, чѣмъ въ домъ пира, потому что тамъ отъ предлежащаго трупа мы вразумляемся въ жребіи нашемъ и человѣческой бренности, а въ веселіи пира мы теряемъ и ту долю страха, какую, повидимому, имѣли. Послѣднюю часть стиха Симмахъ перевелъ яснѣе, поставивъ: *и кто живетъ, приложитъ къ уму.* Изъ этого видно, что тамъ, гдѣ выше онъ, повидимому, одобрялъ пищу и питіе, онъ не наслажденіе предпочитаетъ всему, какъ нѣкоторые несправедливо думаютъ, а только говоритъ, что по сравненію съ скупостью и излишнею бережливостію, лучше если кто, хотя на короткое время или даже на моментъ, пользуется своимъ имѣніемъ. Ибо онъ никогда не предпочелъ бы скуки плача веселью пира, если бы сколько нибудь цѣнилъ яденіе и питіе.

Ст. 3. *Лучше гнѣвъ, чѣмъ смѣхъ, ибо въ печали лица улучшится сердце.* Смѣхъ нравственно разслабляетъ смѣющагося: гнѣвъ исправляетъ и улучшаетъ. Будемъ гнѣваться и на себя, если когда грѣшимъ, будемъ гнѣваться и на другихъ. Ибо отъ печали лица будетъ лучше духъ, какъ перевелъ Симмахъ. И потому *горе вамъ смѣющимся нынѣ, яко возрыдаете и восплачете* (Лук. 6, 25).

Ст. 4. *Сердце мудрыхъ въ домѣ плача, а сердце глупыхъ въ домѣ веселія. Блажени,* говоритъ Спаситель, *плачущіи, яко тіи утѣшатся* (Матѳ. 5, 5). Оплакивалъ и Самуилъ царя Саула во всѣ дни жизни своей (2 Цар. 16) и Павелъ говоритъ, что онъ плакалъ о тѣхъ, которые послѣ различныхъ грѣховъ не хотѣли принести покаяніе (2 Кор. гл. 12). Итакъ, сердце мудраго пусть идетъ въ домъ такого мужа, который, согрѣшивъ, укоряетъ себя; пусть идетъ, чтобы онъ привелъ его къ слезамъ, возбудилъ его плакать о грѣхахъ своихъ, и пусть не идетъ въ домъ веселія, гдѣ учитель льститъ и обманываетъ, гдѣ онъ ищетъ не обращенія слушателей, а рукоплесканій и похвалы. Такому учителю возвѣщается горе: богатый рѣчью, обильный въ словѣ, онъ, какъ пресыщенный уже, получаетъ за это свое утѣшеніе (Лук. 6, 24). Такому толкованію соотвѣтствуютъ и дальнѣйшіе стихи. Ибо говоритъ:

Ст. 5—6. *Лучше слышать вразумленіе мудраго, нежели слушать пѣсни глупыхъ. Ибо, какъ трескъ терновника подъ котломъ, такъ и смѣхъ глупаго. Но и это суета.* Лучше получать укоризны отъ мудраго, чѣмъ обольщаться ласками льстеца. Съ этимъ сходно и оное: »лучше раны друга, чѣмъ добровольныя лобзанія врага« (Притч 27, 6). Ибо, какъ трескъ терновника, горящаго подъ котломъ, издаетъ звукъ непріятный, такъ не приносятъ пользы и слова льстиваго учителя, внушающаго своимъ слушателямъ мірскія заботы (которыя разумѣются подъ сло-

вомъ терновникъ) или приготовляющаго ихъ для будущаго огня. Симмахъ, вмѣсто поставленнаго нами: *ибо, какъ трескъ терновника подъ котломъ, такъ смѣхъ глупаго,* передавая тотъ же смыслъ, какой вывели и мы, поставилъ: *ибо словами неопытныхъ всякій связывается узами,* то есть отъ словъ такихъ учителей слушатель еще болѣе опутывается, когда и безъ того каждый связанъ узами грѣховъ своихъ.

Ст. 7. *Обида возмущаетъ мудраго, и потеряетъ сердце силы его.* Здѣсь разумѣй мудраго усовершающагося, сообразно съ онымъ: *обличай премудра, и возлюбитъ тя* (Притч. 9, 8). Ибо мудрый сдѣлавшійся совершеннымъ уже не нуждается ни въ какомъ обличеніи, не смущается никакою обидою. Будемъ пользоваться этимъ стихомъ, если иногда видимъ, что человѣкъ праведный и мудрый терпитъ обиду и смущается неправдою суда, а Богъ не является тотчасъ на защиту его Вмѣсто поставленнаго у Семидесяти, у Акилы и Ѳеодотіона: *теряетъ сердце* εὐτονίας αὐτοῦ, то есть *силы* или *бодрости его.* Симмахъ поставилъ: *и теряетъ сердце matthana, то есть даръ,* ставя и еврейское слово и переводъ его, и давая ту мысль, какая изложена въ другомъ мѣстѣ: *дары ослѣпляютъ очи мудрыхъ* (Втор. 16, 19).

Ст. 8. *Лучше конецъ рѣчи, чѣмъ начало ея.* Въ рѣчи лучше эпилоги, чѣмъ вступленіе. Ибо въ тѣхъ завершаются усилія говорящаго, а въ этомъ начинаются. Или смыслъ такой: кто начинаетъ слушать рѣчь и идетъ къ учителю, тотъ находится во вступленіи, а кто слушаетъ послѣдніе уроки, тотъ заканчиваетъ трудъ и совершенъ. Но можно разумѣть и такъ: пока мы въ этомъ мірѣ, то все, что знаемъ, есть начало; а когда придетъ совершенное, мы будемъ въ концѣ и завершеніи. Еврей это мѣсто съ слѣдующимъ стихомъ объяснялъ такъ: лучше тебѣ смотрѣть на

конецъ дѣла, чѣмъ на начало, и быть терпѣливымъ, чѣмъ раздражаться въ нетерпѣніи. Изъ этой краткой сентенціи научаемся также и тому, что въ людяхъ нѣтъ никакой мудрости, если лучше молчать, чѣмъ высказываться. Можетъ заключаться и тотъ смыслъ, что по окончаніи рѣчи слушатель обдумываетъ самъ въ себѣ сказанное, а когда только начинаемъ говорить, онъ еще не получилъ никакой пользы.

Лучше терпѣливый, чѣмъ возносящійся духомъ. Такъ какъ выше онъ одобрилъ гнѣвъ, сказавши: *лучше гнѣвъ, чѣмъ смѣхъ*: то, чтобы мы не думали, что одобряется гнѣвъ какъ страсть, онъ теперь учитъ, что гнѣвъ должно совершенно подавлять: тамъ онъ разумѣлъ гнѣвъ въ смыслѣ укоризны грѣшникамъ и вразумленія несовершеннымъ, а здѣсь обуздываетъ нетерпѣливость. Терпѣніе необходимо не только въ бѣдствіяхъ, но и при благопріятныхъ обстоятельствахъ, чтобы мы не восторгались болѣе надлежащаго. Мнѣ кажется, что превозносящійся духомъ противополагается здѣсь нищему духомъ въ Евангеліи, которому обѣщается блаженство.

Ст. 9. *Не спѣши въ духѣ твоемъ гнѣваться, ибо гнѣвъ гнѣздится въ нѣдрѣ глупыхъ.* Говоритъ: *не спѣши въ духѣ твоемъ гнѣваться* не потому, чтобы дозволялъ гнѣваться нескоро, а потому, что тогда какъ гнѣвъ быстрый бываетъ необузданъ, гнѣвъ, на время сдерживаемый, укрощается легче и можетъ быть подавленъ. И поелику гнѣвъ всегда соединенъ съ гордостью и возбуждаетъ къ мести: то выше сказалъ, что терпѣливый лучше чѣмъ превозносящійся духомъ, а теперь говоритъ, что онъ служитъ и признакомъ неразумія: хотя бы кто считался и знатнымъ и мудрымъ, разгнѣвавшись, онъ обличаетъ себя неразумнымъ: *ибо гнѣвъ гнѣздится въ нѣдрѣ глупыхъ.*

Ст. 10. *Не говори: отъ чего это дни прежніе*

лучше нынѣшнихъ: ибо не мудро вопросилъ ты объ этомъ. Не предпочитай прежняго вѣка нынѣшнему, потому что Творецъ и того и другого одинъ—Богъ. Добродѣтели въ жизни человѣка дѣлаютъ дни добрыми, а пороки—злыми. Не говори же, что при Моисеѣ и при Христѣ дни были лучше, чѣмъ теперь. Ибо и въ то время было очень много невѣрующихъ и дни ихъ были злы, и теперь есть много вѣрующихъ, о которыхъ Спаситель сказалъ: *блажени не видѣвшіи и вѣровавше* (Іоан. 20, 29). Иначе: ты такъ долженъ жить, чтобы дни настоящіе для тебя всегда были лучше прошедшихъ, чтобы, при постепенномъ оскудѣніи твоемъ въ добрѣ, тебѣ не было сказано: *течасте добрѣ: кто вамъ возбрани не покорятися истинѣ* (Гал. 5, 7)? и еще: *наченше духомъ, нынѣ плотію скончаваете* (Гал. 3, 3). Иначе: Не говори, что лучше были нѣкогда времена Моисея, чѣмъ нынѣ Христа,—закона, чѣмъ благодати. Если захочешь утверждать это, то дѣлаешь неблагоразумно, не видя, насколько Евангеліе превосходнѣе Ветхаго Завѣта.

Ст. 11—12. *Хороша мудрость съ наслѣдствомъ, и наиболѣе для видящихъ солнце; ибо какъ сѣнь мудрости, такъ и сѣнь серебра: и что еще болѣе, вѣдѣніе мудрости оживитъ имѣющаго ее.* Мудрый съ богатствомъ болѣе славенъ, чѣмъ только мудрый. Одни не имѣютъ мудрости, а другіе богатства; и мудрый, но небогатый, хотя можетъ учить доброму, но иногда не можетъ дать того, что требуется. Поэтому и говоритъ: *какъ сѣнь мудрости, такъ и сѣнь серебра,* то есть, какъ помогаетъ мудрость, такъ иногда помогаетъ и богатство. И чтобы не показалось, что унижаетъ мудрость, подчиняя оную благу случайному (ибо не въ нашей власти имѣть богатство, котораго люди неправедные часто имѣютъ больше), показываетъ, что мудрость выше, говоря: *и что еще болѣе, вѣдѣніе мудрости оживитъ имѣющаго ее.* Тѣмъ, говоритъ, мудрость

больше богатства, что и безъ всякихъ имѣній она оживляетъ того, кто ее имѣетъ.

Мѣсто это нѣкоторые толкуютъ такъ. Наслѣдство, говорятъ они, Екклезіастъ поставилъ вмѣсто доброй жизни, чрезъ которую мы содѣлываемся наслѣдниками Богу и сонаслѣдниками Христу. Поэтому Екклезіастъ хочетъ научить, насколько удостоившіеся видѣть Солнце Правды и имѣющіе мудрость выше тѣхъ, кои безъ мудрости заботятся только о жизни и ея отношеніяхъ. Это показываетъ и Даніилъ говоря: „разумѣющіе слова мои просіяютъ, какъ свѣтила небесныя" (Даніил. 12, 3), или, какъ перевелъ Θеодотіонъ: „разумѣющіе слова мои просвѣтятся, какъ сіяніе тверди; а тѣ, кои исполнятъ слова мои, какъ звѣзды небесныя". А подъ сѣнью серебра, или денегъ, въ таинственномъ смыслѣ, мы должны разумѣть ту сѣнь, изъ коей собираются таланты и мины въ Евангельскихъ притчахъ (Матθ. 25, Лук. 19) чтобы, когда мы будемъ подъ сѣнью мудрости и подъ сѣнью такого серебра, *во дни солнце* не опалило насъ, *ниже луна нощію* (Псал. 120). Можно сказать и то, что сѣнь есть жизнь наша на землѣ: *духъ лица нашего помазанный Господь, о немже рѣхомъ: въ сѣни его поживемъ въ языцѣхъ* (Пл. Іер. 4, 20). Всякая защита наша на землѣ сей подобна тѣни,—тѣни ли мудрости, или выше упомянутаго серебра, пока не дохнетъ день и не будутъ удалены тѣни. Симмахъ, по своему обычаю, и здѣсь перевелъ яснѣе, поставивъ: *какъ помогаетъ мудрость, подобнымъ образомъ помогаютъ деньги.* Слѣдующій же стихъ ясно убѣждаетъ къ пріобрѣтенію знанія.

Ст. 13. *Посмотри на дѣла Божіи: ибо кто сможетъ выпрямить того, кого искривилъ Богъ?* Это мѣсто Симмахъ перевелъ такъ: *поучись дѣламъ Божіимъ, ибо никто не сможетъ исправить то, что Онъ ограничилъ.* То есть, пусть будетъ для тебя достаточно изъ святыхъ

Писаній, или изъ самого созерцанія міра знать и разумѣть сотворенное; но не ищи причинъ и оснований, почему то и другое сотворено такъ, и не говори, что оно должно быть иначе, чѣмъ какъ сотворено, напримѣръ, если бы кто захотѣлъ спрашивать, зачѣмъ Моисею Богъ говоритъ: *кто сотвори нѣма и глуха, и видяща и слѣпа; не Азъ ли Господь Богъ* (Исх. 4, 12) и сказалъ бы: зачѣмъ слѣпой, глухой и нѣмой сотворены такими, и прочее, тому подобное. Относительно этого мѣста слѣдуетъ имѣть въ виду свидѣтельство псалма семнадцатаго, въ которомъ говорится Господу: »со святымъ святъ будешь, и съ развратнымъ развратишься« (Псал. 17, 27), и принимать, что Господь святъ съ тѣмъ, кто святъ, и что предъ Нимъ развратенъ тотъ, кто прежде развратился своею волею,—принимать сообразно съ написаннымъ и въ книгѣ Левитъ: »если будутъ ходить ко Мнѣ превратно, то и я буду ходить къ нимъ въ ярости Моей превратно« (Левит. 26, 27),—что̀ можетъ объяснять и то, почему Богъ ожесточилъ сердце Фараона. Ибо, какъ одно и тоже дѣйствіе солнца воскъ расплавляетъ, а глину дѣлаетъ твердою, и воскъ расплавляется, а глина твердѣетъ въ силу своихъ собственныхъ свойствъ: такъ одно и тоже совершеніе чудесъ въ Египтѣ и смягчало сердца вѣрующихъ, и ожесточало невѣрующихъ, которые по своему жестокосердію и нераскаянному сердцу изъ этихъ чудесъ, видя которыя они не вѣрили, собирали себѣ гнѣвъ въ день гнѣва.

Ст. 14. *Въ день благополучія будь во благѣ, и въ день злой смотри. Ибо и это Богъ сотворилъ соотвѣтственно оному чтобы сказать, чтобы человѣкъ не находилъ за Нимъ чего либо.* Отъ человѣка, считавшагося свѣдущимъ въ Писаніяхъ, помню, я слышалъ въ церкви такое объясненіе этихъ стиховъ. «Пока ты находишься въ настоящемъ вѣкѣ и можешь что нибудь дѣлать изъ добрыхъ дѣлъ, трудись, чтобы впослѣдствіи въ день

суда, спокойнымъ а себя смотрѣть на мученія другихъ. Ибо Богъ сотворилъ какъ настоящій вѣкъ, въ которомъ мы можемъ приготовлять себѣ плодъ добрыхъ дѣлъ, такъ и будущій, въ который не дано возможности дѣлать добрыя дѣла». Казалось, онъ убѣдилъ слушателей въ своемъ мнѣніи; но мнѣ представляется, что здѣсь другой смыслъ, который выразилъ въ переводѣ и Симмахъ, поставивъ: *въ день добрый будь въ благѣ; но смотри и на день злой. Ибо и это Богъ сотворилъ подобнымъ тому, чтобы не находилъ человѣкъ, на что бы могъ жаловаться на Него.* Терпи, говоритъ, и хорошеее и худое, какъ тебѣ выпадетъ на долю, и не думай, что въ мірѣ все или только хорошее, или только худое: міръ этотъ состоитъ изъ различныхъ противоположностей,—теплаго и холоднаго, сухаго и влажнаго, твердаго и мягкаго, темнаго и свѣтлаго, худого и хорошаго. И Богъ сотворилъ это для того, чтобы имѣла мѣсто мудрость въ избраніи добраго и удаленіи отъ худого, и чтобы сохранялась у человѣка свободная воля, чтобы не говорилъ онъ, что Богъ произвелъ его безчувственнымъ и неразумнымъ; но Богъ сотворилъ различное для того, чтобы человѣкъ не могъ жаловаться на свою природу. При такомъ пониманіи это мѣсто будетъ послѣдовательно соединяться съ предшествующими словами, въ которыхъ говоритъ: *кто можетъ выпрямить, что искривилъ Богъ?*

Ст. 15. *Все я видѣлъ во дни суеты моей. Бываетъ, что праведный погибаетъ въ правдѣ своей, и бываетъ, что нечестивый долгоденствуетъ въ беззаконіи своемъ.* Нѣчто подобное сему сказалъ и Спаситель въ Евангеліи: *обрѣтый душу свою, погубитъ ю: а иже погубитъ душу свою мене ради обрящетъ ю* (Матѳ. 10, 39.) Маккавеи повидимому погибли въ правдѣ своей, за законъ Божій и правду, равно какъ и мученики, пролившіе кровь за Христа; и наоборотъ, тѣ, кои во времена ветхоза-

вѣтныя ѣли свиное мясо и послѣ пришествія Господа приносили жертву идоламъ, эти повидимому за свое беззаконіе жили и пребывали въ этомъ мірѣ долговѣчными. Но Божіе долготерпѣніе—тайна; нынѣ Онъ и святыхъ подвергаетъ испытаніямъ, чтобы они приняли злое въ жизни своей, и грѣшниковъ не посѣщаетъ за беззаконіе, но какъ бы сохраняетъ для жертвы, чтобы какъ первымъ даровать вѣчныя блага, такъ послѣднихъ подвергнуть бѣдствіямъ нескончаемымъ. Евреи въ праведныхъ, погибающихъ въ правдѣ своей, подозрѣваютъ сыновей Аарона,—что считая себя поступающими праведно, они принесли чуждый огонь; а нечестивымъ, долговѣчнымъ въ беззаконіи своемъ признаютъ Манассію, который послѣ плѣна снова возведенный на царство, прожилъ потомъ долгое время.

Ст. 16. *Не будь слишкомъ справедливъ и не ищи большаго, чтобы не обезумѣть.* Если увидишь, что кто либо суровъ и жестокъ ко всѣмъ проступкамъ братій, такъ что не прощаетъ ни согрѣшившему словомъ, ни медлительному по естественной иногда лѣности: то знай, что такой болѣе справедливъ, чѣмъ сколько справедливо. Ибо, если Спаситель заповѣдуетъ: *не судите, да не судими будете* (Лук. 6, 37), и нѣтъ никого безъ грѣха, если даже и одинъ день проживетъ онъ: то справедливость не прощающая слабости человѣческой природы, безчеловѣчна. И такъ, не будь слишкомъ справедливъ, ибо вѣсы великіе и вѣсы малые мерзость предъ Господомъ. Поэтому и у философовъ добродѣтели полагаются въ срединѣ, а все чрезмѣрное, въ хорошемъ ли, или въ дурномъ, считается недостаткомъ. *Не ищи больше чтобы не смутиться*, *или не обезумѣть* Знаетъ онъ умъ нашъ, который не можетъ обнимать совершенной мудрости, и повелѣваетъ, что мы должны знать мѣру нашей ограниченности. И Павелъ тому, кто допытывался большаго, чѣмъ сколько могъ знать человѣкъ, говоря: *чего*

ради еще укоряетъ: воли бо Его кто противитися можетъ?—отвѣчалъ: *о, человѣче, ты кто еси противу отвѣщаяй Богови* (Рим. 9, 19) и проч. Ибо, если бы тотъ, кто вводится вопрошающимъ, услышалъ отъ апостола рѣшенія своего вопроса, то быть можетъ онъ впалъ бы въ умоизступленіе и подумалъ, что благодать для него безполезна. Ибо бываетъ и даръ, по тому же апостолу, не приносящій пользы тому, кому онъ данъ. Евреи эту заповѣдь, то есть: *не будь слишкомъ справедливъ*, толкуютъ въ отношеніи къ Саулу, который помиловалъ Агага, котораго Господь повелѣлъ умертвить (1 Цар. 15). Но къ этому стиху можетъ быть примѣненъ и тотъ рабъ изъ Евангелія (Матѳ. 18), которому Господь простилъ и который самъ не хотѣлъ простить другому рабу, потому что былъ слишкомъ справедливъ.

Ст. 17. *Не поступай нечестиво много и не будь безуменъ; зачѣмъ тебѣ умирать не въ свое время?* Ибо Господь говоритъ: *не хощу смерти грѣшника, но еже обратитися ему и жити* (Іезекіил. 18, 32). Пусть будетъ достаточно согрѣшить однажды; послѣ паденія мы должны возстановлять себя! Ибо, если, по естествоиспытателямъ, ласточка умѣетъ давать зрѣніе птенцамъ посредствомъ хелидонія, и раненныя козы отыскиваютъ бадьянъ: то почему же мы не хотимъ знать, что для согрѣшающихъ дано врачевство покаянія? Относительно словъ: *чтобы не умереть не въ свое время*, мы знаемъ, что Корей, Даѳанъ и Авиронъ за возмущеніе противъ Моисея и Аарона были пожраны мгновенно разверзшеюся землею и что для вразумленія другихъ очень многіе были осуждены прежде дня суднаго еще въ этой жизни. Итакъ, смыслъ этихъ словъ такой: не прилагай грѣховъ ко грѣхамъ, чтобы не подвигнуть Бога на наказаніе тебя еще въ этой жизни.

Ст. 18. *Хорошо тебѣ держаться онаго; но и отъ сего не опускай руки твоей; ибо, кто боится Бога,*

тотъ поспѣетъ ко всему. Хорошо благотворить праведнымъ; но не несправедливо благодѣтельствовать и грѣшнымъ. Хорошо поддерживать присныхъ въ вѣрѣ, но заповѣдано давать и всякому просящему. Ибо боящійся Бога и подражающій Творцу своему, Который дождитъ на праведныхъ и неправедныхъ, спѣшитъ благотворить всѣмъ не смотря на лица. Иначе: поелику эта бѣдственная жизнь постоянно подвержена различнымъ превратностямъ то въ хорошую то въ дурную сторону, то духъ праведнаго пусть приготовляется и молитъ милосердіе Господа, чтобы благодушно переносить все, что бы ни случилось, ибо боящійся Бога ни отъ счастія не превозносится, ни отъ несчастія не падаетъ духомъ.

Ст. 19—20. *Мудрость укрѣпитъ мудраго больше десяти властителей, находящихся въ городѣ: ибо нѣтъ человѣка праведнаго на землѣ, который бы дѣлалъ доброе и не грѣшилъ*. Мудрость потому укрѣпляетъ мудраго и превосходитъ силу всѣхъ властителей города, что хотя кто либо и праведенъ, однако, пока находится въ этой плоти, подлежитъ порокамъ и грѣхамъ и требуетъ большой помощи. Иначе: десять властителей, находящихся въ городѣ, суть ангелы, достигшіе совершеннаго десятеричнаго числа и помогающіе роду человѣческому. Но, если кто переберетъ всѣ вспомогательнныя силы, то наибольшая изъ нихъ есть вспомоществующая сила премудрости, то есть Господа нашего Іисуса Христа. Ибо послѣ того, какъ ангелы сказали: *врачевахомъ Вавилона, и не исцѣлѣ: оставимъ его и отъидемъ кійждо въ землю свою* (Іер. 51, 8), сошелъ Самъ учитель врачей, и насъ, окровавленныхъ, и покрытыхъ кровавою нечистотою грѣховъ, насъ, расточившихъ все имѣніе свое на врачей, исцѣлилъ прикосновеніемъ края ризы своей (Лук. 8); исцѣлилъ въ городѣ, то есть въ мірѣ семъ, и укрѣпилъ мудраго, или, какъ перевели Семьдесятъ, *помогъ* мудрому. Ибо всякому имущему дано будетъ ему и прило-

жится ему. А такъ какъ человѣкъ, находящійся во грѣхахъ и погруженный въ скверны ада, требовалъ бо́льшей помощи, то посему и пришла Сама Премудрость. Иначе: выше сказалъ, что должно благотворить и своимъ и чужимъ; но кто либо могъ возразить: если я захочу благотворить всѣмъ, то мнѣ не на что этого дѣлать, и праведный не можетъ имѣть столько богатства, которымъ, обыкновенно, болѣе обладаютъ грѣшники. Поэтому, теперь онъ говоритъ: кому не можешь помочь дѣломъ, помоги совѣтомъ, облегчи утѣшеніемъ. Ибо находящемуся въ затруднительныхъ обстоятельствахъ мудрость можетъ оказать больше пользы, чѣмъ какое бы то ни было самое большее богатство. Но и это дѣлай съ благоразуміемъ, ибо вѣсы правды велики, и нужно смотрѣть и кому, и сколько, и какъ долго, и что̀ давать дѣломъ или совѣтомъ.

Ст. 21—22. *И на всѣ слова, какія будутъ говорить, не обращай сердце твое, чтобы не услышать, какъ рабъ твой злословитъ тебя. Ибо знаетъ сердце твое, что и ты часто злословилъ другихъ.* Дѣлай что заповѣдано, и укрѣпившись помощью мудрости, приготовляй сердце твое и къ доброму и къ худому, и не заботься, что̀ говорятъ о тебѣ враги, каково мнѣніе о тебѣ постороннихъ. Ибо, какъ благоразумный человѣкъ не слушаетъ шушуканья прислуги и не прикладываетъ любопытнаго уха, чтобы знать, что говорятъ въ его отсутствіе, потому что если онъ будетъ дѣлать это, то всегда будетъ безпокоиться и раздражаться на пересуды прислуги: такъ и мудрый человѣкъ руководится указаніемъ мудрости и не обращаетъ вниманія на пустые слухи. Но и другимъ доказательствомъ убѣждаетъ, что человѣку справедливому не слѣдуетъ заботиться о томъ, что говорятъ люди: такъ какъ, говоритъ, совѣсть твоя знаетъ, что ты самъ говорилъ о многихъ и часто злословилъ другихъ: то и другимъ злословящимъ

ты долженъ прощать. Вмѣстѣ съ тѣмъ внушаетъ, что не должно осуждать легкомысленно, и имѣя бревно въ глазу, не слѣдуетъ говорить о сучкѣ другаго.

Ст. 23—24. *Все это испыталъ я въ мудрости и сказалъ: сдѣлаюсь мудрымъ, а она стала болѣе далекою отъ меня, болѣе, чѣмъ была: и высокая глубина, кто̀ найдетъ ее?* Говоритъ, что онъ, какъ свидѣтельствуютъ и книги Царствъ (3 Цар. гл. 3 и 4), больше всѣхъ людей искалъ мудрости и пытался достигнуть до конца ея, но чѣмъ больше искалъ, тѣмъ меньше находилъ, и погруженный въ глубокій мракъ, былъ окруженъ тьмою невѣдѣнія. Иначе: мужъ, который будетъ поучаться въ Писаніяхъ, чѣмъ болѣе будетъ свѣдущъ въ нихъ, тѣмъ болѣе для него постоянно обнаруживается темнота ихъ. Иначе: созерцаніе премудрости въ жизни сей представляется въ тускломъ стеклѣ и образѣ; посему, когда я помыслю, что въ будущемъ вѣдѣніе ея будетъ открыто лицемъ къ лицу, то ясно уразумѣю, что теперь я далекъ отъ ея вѣдѣнія.

Ст. 25—26. *Обошелъ я и сердце свое, чтобы узнать и созерцать и изслѣдовать мудрость и разумъ, и чтобы познать нечестіе глупаго и заблужденіе неразумныхъ. И нахожу я, что горче смерти женщина: она—западня, и сѣть сердце ея, и оковы руки ея. Добрый предъ Богомъ вырвется изъ нея, а грѣшникъ будетъ пойманъ ею.* Вмѣсто поставленнаго у Семидесяти: *обошелъ я и сердце свое, чтобы узнать*, Симмахъ перевелъ: *прошелъ я все мыслію своею, чтобы узнать и научиться и изслѣдовать*. Итакъ, поелику выше Екклезіастъ сказалъ, что онъ все переиспыталъ въ мудрости и чѣмъ больше искалъ ея, тѣмъ дальше она убѣгала отъ него: то теперь говоритъ, что онъ и иное изслѣдовалъ въ своей мудрости, именно, какое зло въ дѣлахъ человѣческихъ превосходитъ всѣ прочія явленія зла, и какой предметъ занимаетъ первое

мѣсто въ нечестіи, глупости, заблужденіи, безуміи,—и говорить, что онъ нашелъ, что глава всѣхъ золъ—женщина, потому что и смерть вошла въ міръ чрезъ нее, и драгоцѣнныя души мужей она уловляетъ. Ибо всѣ прелюбодѣи—какъ печь сердца ихъ, и женщина сушитъ сердца юношей. И когда она вспадетъ на умъ несчастнаго влюбленнаго, она увлечетъ его въ бездну; и неудовлетворяется видя его у ногъ своихъ, но какъ сѣть и силокъ опутываетъ сердце юноши. И оковы руки ея. Вмѣсто этого Акила перевелъ: *связаны руки ея.* Ибо она склонить можетъ, но насилія сдѣлать не можетъ и не можетъ привлечь къ себѣ противъ воли. Кто будетъ праведенъ и добръ предъ Богомъ, тотъ вырвется отъ нея, а грѣшникъ будетъ пойманъ и отведенъ на смерть. Не будемъ думать, что Соломонъ безъ основанія высказалъ такой приговоръ о женскомъ полѣ: онъ говоритъ что̀ испыталъ; ибо онъ потому и прогнѣвалъ Бога, что былъ обольщенъ женщинами.—Это по толкованію буквальному. А въ смыслѣ духовномъ женщиною мы называемъ или вообще великій грѣхъ и нечестіе, которое у Захаріи подъ видомъ женщины сидитъ на талантѣ свинцовомъ (Зах. 5, 7), или тропологически подъ женщиною разумѣемъ діавола, какъ разслабляющаго силы наши, или идолопоклонство, и, чтобы подойти ближе, церковь еретиковъ, которая зазываетъ къ себѣ несмысленнаго умомъ, чтобы обольщенный ею онъ принималъ воровскіе хлѣбы и воровскую воду, то есть ложное таинство и скверное крещеніе.

Ст. 27—29. *Вотъ это нашелъ я, сказалъ Екклезіастъ: одну при одной, чтобы найти число, которое еще искала душа моя, и я не нашелъ. Мужчину одного изъ тысячи нашелъ, а женщины между всѣми ими не нашелъ. Только это я нашелъ: что Богъ сотворилъ человѣка правымъ, а сами люди изыскали помыслы многіе.* Изслѣдуя, говоритъ, тщательно все, я на-

шелъ то, что согрѣшая мало по малу и прилагая грѣхи ко грѣху, мы составляемъ себѣ огромную сумму грѣховъ. Ибо *esebon,* что всѣ согласно переводятъ словомъ λογισμός, по обоюдности еврейскаго слова, мы можемъ перевести и *число* и *сумма* и *разумъ* и *помыслъ.* Но и то, говоритъ, искала душа моя, есть ли правая женщина. И тогда какъ изъ мужчинъ я едва немногихъ нашелъ добрыхъ, такъ что изъ тысячи могъ найтись одинъ, изъ женщинъ я совершенно не могъ найти доброй. Ибо всѣ склоняли меня не къ добродѣтели а къ разврату. И такъ какъ *прилежитъ* сердце человѣка *прилежно на злая отъ юности* (Быт. 8, 21) и почти всѣ прогнѣвали Бога: то въ этомъ упадкѣ рода человѣческаго болѣе склонна къ паденію женщина. О ней языческій поэтъ говоритъ:

„Туда и сюда вѣчно измѣнчива
Женщина"....

Вирг. IV. Энеид. V. 35.

и апостолъ: *всегда учащеся, и николиже въ разумъ истины пріити могущыя* (2 Тим. 3, 7). И чтобы не показалось, что онъ осуждаетъ общую природу людей и дѣлаетъ Бога виновникомъ зла, онъ нарочито высказался объ этомъ, сказавъ, что мы созданы Богомъ добрыми, но такъ какъ предоставлены свободной волѣ, то по своей винѣ падаемъ на худшее, когда добиваемся большаго и сверхъ силъ своихъ помышляемъ о различномъ. Иначе: постоянно самъ съ собою размышляя обо всемъ, я не могъ найти никакой мысли, которая не была бы возмущаема отвнѣ превратнымъ помысломъ. Изъ тысячи людей я нашелъ одного человѣка, который созданъ по образу Творца, и изъ тысячи не всякихъ людей, а изъ тысячи мужчинъ, въ число которыхъ не могла войти женщина,—изъ тысячи такихъ, которые не сближались съ женщиною и потому остались чистѣйшими. Но все это должно понимать въ переносномъ смыслѣ,—что во многихъ изысканіяхъ, при постоянной работѣ мысли на-

шей, едва находится мысль свѣтлая, достойная имени мужа. Можемъ также подъ мужчинами разумѣть помыслы, а подъ женщинами дѣла и объяснять въ томъ смыслѣ, что съ трудомъ можно найти у кого-нибудь и помыслъ чистый, а дѣла, такъ какъ они совершаются посредствомъ тѣла, всегда соединены съ какимъ нибудь недостаткомъ. Вмѣсто вышеизложеннаго нами перевода еврейскихъ словъ: *одну при одной, чтобы найдено* было *число* или *сумма* или *основаніе* или *помыслъ,* Симмахъ перевелъ яснѣе: *одну къ одной найти число.* Ибо то, что мы обыкновенно ставимъ въ общей и средней формѣ, напр. *то* искалъ, *это* хотѣлъ найти, евреи ставятъ въ женскомъ родѣ, какъ въ псалмѣ: едину *просихъ отъ Господа,* ту *взыщу* (Пс. 26, 4) вмѣсто стоящаго у насъ *едино* и *то.*

Глава VIII. Ст 1. *Кто какъ мудрый, и кто знаетъ разгадку слова? Мудрость человѣка просвѣтитъ лице его, и сильный лице свое измѣнитъ.* Выше училъ, что съ трудомъ можно найти человѣка добраго и возникавшее противъ этого возраженіе устранилъ тѣмъ, что Богомъ люди созданы добрыми, но впали въ грѣхи своею волею. А теперь, какъ бы хвалясь, исчисляетъ, что̀ Богъ далъ человѣку добраго,—именно премудрость, разумъ и прозорливость къ постиженію сокровенныхъ таинъ Божіихъ и къ проникновенію чувствомъ сердца таинственныхъ глубинъ Божіихъ. Косвенно говоритъ и о себѣ, что никто не былъ такъ мудръ какъ онъ и никто такъ не зналъ рѣшенія загадокъ и что мудрость его превозносилъ весь народъ, мудрость, которая не только крылась внутри, но и просвѣчивалась въ тѣлесной наружности, въ зеркалѣ лица, и больше всѣхъ людей дарованія умственныя отображала на лицѣ его. Вмѣсто поставленнаго нами: *кто какъ мудрый*, Семьдесятъ перевели: *кто знаетъ мудрыхъ,* и вмѣсто сказаннаго нами:

и сильный лице свое измѣнитъ поставили: *и безстыдный по лицу своему ненавистенъ будетъ.* И поистинѣ: тогда какъ много людей кажущихся мудрыми, съ трудомъ можно найти такого, кто могъ бы отличать истинно мудраго отъ кажущихся мудрыми; и тогда какъ есть очень много такихъ, которые говорятъ, что они могутъ разрѣшать тайны Писаній, рѣдко встрѣчается такой, который находилъ бы истинное рѣшеніе. А дальнѣйшее: *мудрость человѣка просвѣтитъ лице его, и безстыдный по лицу своему ненавистенъ будетъ* можемъ объяснять въ смыслѣ словъ Павла: *мы же вси откровеннымъ лицемъ славу Господню взирающе* (2 Кор. 3, 18) и Псалмопѣвца: *знаменася на насъ свѣтъ лица твоего, Господи* (Пс. 4, 7). Мудростію же человѣка называетъ не иную, какъ мудрость Божественную, которая, будучи мудростію Божіею, по мѣрѣ возможности усвоенія ея человѣкомъ, дѣлается достояніемъ того, кто удостоится имѣть ее. А всякій еретикъ и защищающій ложное ученіе безстыденъ лицемъ. Маркіонъ и Валентинъ говорятъ, что они лучшей природы, чѣмъ Творецъ. Это отчасти могло бы еще быть терпимо, если бы они утверждали, что они надѣются этого, а не обладаютъ уже такою природою.

Ст. 2—4. *Я храню уста царя и слово клятвы Божіей. Не спѣши уходить отъ лица его, и не упорствуй въ словѣ зломъ, ибо все что захочетъ, сдѣлаетъ. Какъ скажетъ царь,* (такъ и сдѣлаетъ), *имѣя власть: и кто скажетъ ему: что ты дѣлаешь?* Хотя повидимому, согласно апостолу (Тит. 3, 1), предписываетъ повиновеніе царю и властямъ, въ особенности когда Семьдесятъ толковниковъ ставятъ въ повелительномъ наклоненіи: *слово царское храни*; но я думаю, что говорится о томъ Царѣ, о которомъ Давидъ сказалъ: *Господи силою твоею возвеселится царь* (Пс. 20, 1) и о которомъ Писаніе упоминаетъ

въ другомъ мѣстѣ, показывая единое царство Отца и Сына: *Боже судъ твой цареви даждь и правду твою сыну цареву* (Пс. 71, 1). Ибо Отецъ не судитъ никого, но весь судъ далъ Сыну (Іоан. 5, 22). Царь сей есть Сынъ Божій, Сынъ Отца—Царя. Его-то заповѣди должно хранить, Его-то волю исполнять. И это тоже самое, что написано и въ книгѣ Товіи: *тайну цареву добро хранити* (Тов. 12, 7). И особенно внушаетъ то, чтобы мы не толковали, зачѣмъ Богъ заповѣдалъ то или другое, но чтобы съ благоговѣйнымъ духомъ человѣкъ спѣшилъ исполнять все, что ни заповѣдано. И въ законѣ Господнемъ будетъ воля его. А поелику Семьдесятъ перевели иначе, поставивъ: *и о клятвѣ и о словѣ Божіемъ не спѣши отъ лица его ходить* слѣдуетъ знать, что клятва Божія опредѣлена въ книгахъ божественныхъ. Посему объ этой клятвѣ, какъ клятвѣ отъ слова Божія, священной и тайной, мы не должны разговаривать съ каждымъ, выдавать ее и произносить о ней поспѣшное сужденіе. И не спѣши, какъ Моисей, видѣть лице Божіе, и терпи до тѣхъ поръ, пока Самъ Онъ не пройдетъ предъ тобою, и смотри только задняя Его. Слѣдующее за тѣмъ: *не упорствуй въ словѣ зломъ* и пр. мы должны понимать въ отношеніи къ тому, кто предзанятъ еретическимъ заблужденіемъ, или къ тому, кто хотя и имѣетъ вѣру церкви, но связанъ грѣхами, такъ что является невѣрнымъ. Не упорствуй въ поношеніи, срамнословіи, роскоши, сребролюбіи, похоти. Если будешь упорствовать, то царь пороковъ и грѣха діаволъ устроитъ погибель твою и сдѣлаетъ все что захочетъ.

Ст. 5. *Кто хранитъ заповѣдь, не познаетъ слова злаго: и время и опредѣленіе знаетъ сердце мудраго.* Нужно замѣтить, что *не познаетъ слова злаго* поставлено вмѣсто: *не потерпитъ* или *не будетъ въ немъ.* Ибо и о Спасителѣ написано такъ: *не вѣдѣвшій грѣха по насъ грѣхъ сотвори* (2 Кор. 5, 21). И вмѣсто *слова* Симмахъ

перевелъ *дѣла*, поставивъ: *кто сохранитъ заповѣдь, не испытаетъ дѣла злаго.* Предписываетъ же, что должно хранить повелѣніе царя и знать что̀ и почему и въ какое время онъ приказываетъ.

Ст. 6—7. *Потому что всякому дѣлу есть время и назначеніе. А человѣку великая досада на то, что будетъ; ибо какъ оно будетъ, кто возвѣститъ ему?* Хотя случается различное и праведный не можетъ знать, что съ нимъ произойдетъ и не можетъ постигнуть причинъ и основаній всѣхъ обстоятельствъ (ибо будущаго никто не знаетъ); однако онъ убѣжденъ, что все устрояется отъ Бога на пользу людей и все располагается не безъ Его воли. Это великое томленіе для рода человѣческаго, что, какъ говоритъ поэтъ,

„Умъ человѣка не вѣдаетъ будущей участи, жребія“,—

что надѣется одного, а происходитъ другое, ожидаетъ врага въ одномъ мѣстѣ, а получаетъ ударъ отъ врага иного. Вмѣсто поставленнаго Семидесятью и Ѳеодотіономъ: *а человѣку великое знаніе на то*, въ еврейскомъ стоитъ *злоба*, а не *знаніе*; но такъ какъ еврейскія буквы *решъ* и *далетъ*, исключая маленькой верхней черты, сходны: то они вмѣсто *raath* (רעה) читали *daath* (דעת), т. е. вмѣсто *злоба — знаніе.* Это лучше пойметъ тотъ, кто ознакомится съ еврейскимъ языкомъ. А написанное въ концѣ этихъ стиховъ: *ибо незнаетъ что было, и что будетъ послѣ него, кто возвѣститъ ему?*—мы теперь перевели слово въ слово съ еврейскаго, и видимъ иной смыслъ,— именно, что мы не можемъ ни прошедшаго знать, ни будущаго постигать такъ, какъ оно будетъ.

Ст. 8. *Нѣтъ человѣка имѣющаго власть надъ духомъ, чтобы удержать духъ, и нѣтъ сильнаго въ день смерти, и нѣтъ отпуска въ войнѣ, и не спасетъ нечестіе имѣющаго оное.* Не въ нашей власти душа наша,

чтобы она не отнималась у насъ, и когда, велѣніемъ Божіимъ, исходитъ она, безполезно закрывать уста и удерживать убѣгающую жизнь. И когда придетъ противникъ и врагъ жизни нашей—смерть, не можемъ вступить съ нею въ сдѣлку. И хотя бы мы въ мірѣ нѣкогда были и царями и все разрушали своимъ нечестіемъ, мы не можемъ воспротивиться ей, а разрѣшимся въ прахъ и землю. Итакъ не слѣдуетъ жалѣть если мы не можемъ знать будущаго и часто терпимъ притѣсненія отъ болѣе сильныхъ нечестивцевъ,—не слѣдуетъ, когда все оканчивается смертію и когда и гордый и могущественный, разрушавшій все, не можетъ удержать души своей, когда она отнимается. Иначе: Духъ, который опредѣляетъ все, никѣмъ изъ людей не можетъ быть удержанъ и ни отъ кого не можетъ получать законы своего дыханія. О немъ и выше сказано: *кругомъ кружась идетъ духъ*. Мы не сильны въ день смерти, ибо въ день жизни врага легко можно избѣжать. Подобнымъ образомъ тотъ, кто въ войнѣ и не имѣетъ мира Божія, превосходящаго всякій умъ, не будетъ имѣть отпуска, о которомъ говорится жениху: »выходы твои—садъ съ плодомъ яблокъ« (Пѣснь Пѣсн. 4, 13). И поелику нечестіе не спасетъ имѣющаго оное, то напротивъ благочестіе спасетъ. Нечестіемъ можетъ быть названъ діаволъ, а благочестіемъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ.

Ст. 9—11. *Все это я видѣлъ, и далъ сердце мое на всякое дѣло, какое сдѣлано подъ солнцемъ, и возобладалъ человѣкъ надъ человѣкомъ, чтобы угнетать его. И тогда видѣлъ я нечестивыхъ погребенными, и пришли, и отъ мѣста святаго вышли, и похвалены были въ городѣ, что такъ сдѣлали. Но и это суета. Ибо такъ какъ нѣтъ скораго препятствія творящимъ злое: то исполнилось сердце сыновъ человѣческихъ въ нихъ, чтобы творить злое.* Я отдалъ, говоритъ, сердце свое на

то, чтобы присмотрѣться ко всему, что дѣлается подъ солнцемъ, и особенно къ тому, что человѣкъ получаётъ власть надъ человѣкомъ, такъ что кого хочетъ угнетаетъ и осуждаетъ. Когда, такимъ образомъ, я устремилъ свой умъ на наблюденіе этого, то я увидѣлъ, что нечестивые умираютъ съ такимъ мнѣніемъ и погребаются такъ, какъ бы они считались на землѣ святыми; да и при жизни они признавались достойными церкви и храма Божія, и высоко поднимая голову, получали восхваленія въ своихъ злодѣяніяхъ, по написанному: *хвалимъ есть грѣшный въ похотѣхъ души своея, и обидяй благословимъ есть* (Пс. 9, 24). А происходитъ это оттого, что никто не осмѣливается противорѣчить грѣшникамъ и что Богъ не тотчасъ воздаетъ за беззаконіе, а отлагаетъ наказанія, ожидая покаянія; грѣшники же, не получивъ тотчасъ же обличенія и вразумленія и думая поэтому, что суда не будетъ, упорствуютъ въ беззаконіи. Свидѣтельствомъ этимъ можемъ пользоваться противъ епископовъ, которые получили власть въ церкви, а между тѣмъ болѣе соблазняютъ тѣхъ, кого они должны учить и возбуждать на лучшее. Такіе послѣ смерти часто восхваляются въ церкви и то преемниками, то народомъ публично провозглашаются блаженными за поступки неодобрительные. Но и это суета: ибо, слыша не по дѣламъ своимъ и не обличаемые скоро въ грѣхѣ своемъ (ибо никто не осмѣливается обвинять старшаго), они, поэтому, какъ бы святые и блаженные и ходящіе въ заповѣдяхъ Господнихъ, умножаютъ грѣхи грѣхами. Трудно обвиненіе на епископа: ибо, если онъ согрѣшитъ, то не вѣрятъ, и если будетъ обличенъ, то его не наказываютъ.

Ст. 12. *Потому что грѣшникъ дѣлаетъ зло сто разъ, и коснѣетъ въ нёмъ. Изъ этого познаю я, что благо будетъ боящимся Бога, которые будутъ благоговѣть отъ лица Его.* Изъ того, что согрѣшившему весьма много (ибо это означаетъ *сто разъ*) Богъ даетъ мѣсто по-

каянію и не тотчасъ въ беззаконіи наказываетъ его, а ожидаетъ чтобы обратился онъ отъ нечестія своего, я уразумѣваю, сколь благъ и милосердъ будетъ Богъ къ такимъ, кои имѣютъ страхъ Божій и трепещутъ слова Его. Симмахъ это мѣсто перевелъ такъ: *Ибо злой грѣшникъ умеръ послѣ того какъ ему было дано долголѣтіе. Далѣе я знаю, что будетъ благо боящимся Бога, кои благоговѣли отъ лица Его. А нечестивому не будетъ блага и не проживетъ онъ долгое время, потому что не благоговѣлъ отъ лица Божія.* Такъ какъ ясно, что онъ выразилъ въ этомъ переводѣ, то слѣдуетъ сказать то, что еврейское слово *maath*, которое Семьдесятъ перевели *оттолѣ*, а мы *сто разъ*, Акила и Θеодотіонъ перевели *умеръ*; ибо оттого, что согрѣшилъ, тотчасъ же умеръ. А если, по Семидесяти толковникамъ, вмѣсто *умеръ* будемъ читать *оттолѣ*: то, по нѣкоторымъ, смыслъ будетъ такой: грѣшникъ не тогда впервые согрѣшаетъ, когда повидимому творитъ грѣхъ, но онъ согрѣшилъ уже прежде: *ибо отчуждашася грѣшницы отъ ложеснъ, заблудиша отъ чрева* (Пс. 57, 4), и допытываются того, какъ можно объяснить слѣдующее затѣмъ: *глаголаша лжу*, ибо простое толкованіе кажется непримѣнимымъ,—чтобы дѣти—грѣшники говорили ложь тотчасъ по выходѣ изъ чрева.

Ст. 13. *А нечестивому да не будетъ добра, и, подобно тѣни, да не продлитъ дней тотъ, кто не благоговѣетъ отъ лица Божія.* Проситъ зла тѣмъ кои не имѣютъ страха Божія и желаетъ, чтобы не отлагалось на долго наказаніе имъ, а чтобы тотчасъ они поражаемы были смертію и получали заслуженныя ими мученія. Нѣчто подобное говоритъ и апостолъ: *о дабы отсѣчени были развращающіи васъ* (Гал. 5, 12), и въ другомъ мѣстѣ: *Александръ ковачъ много ми зла сотвори: да воздастъ ему Господь по дѣломъ его* (2 Тим. 4, 14),—мѣста, о которыхъ слѣдуетъ размыслить, въ какомъ смыслѣ это сказано. Это—

по смыслу еврейскаго подлинника. А если кто слѣдуетъ Семидесяти толковникамъ, которые какъ бы исходя изъ другаго пониманія, поставили: *и я знаю, что будетъ благо боящимся Бога, чтобы благоговѣли отъ лица Его, и блага не будетъ нечестивому и не продолжитъ дней въ тѣни, потому что онъ не благоговѣетъ отъ лица Божія,*—тотъ можетъ объяснять такъ: Хотя будетъ случаться и то, о чемъ я сказалъ немного выше, тѣмъ неменѣе я вполнѣ убѣжденъ, что будетъ благо боящимся предъ лицемъ Его: ибо *лице Господне на творящія злая* (Пс. 33, 7); а нечестивому не будетъ блага, ибо онъ не благоговѣетъ отъ лица Божія и не продолжитъ онъ дней въ тѣни, т. е. дней жизни своей, которые для живущихъ проходятъ какъ тѣнь. Ибо не тѣ продолжаютъ дни свои, кои живутъ долгое время, а тѣ, кои дѣлаютъ дни свои великими величіемъ добрыхъ дѣлъ. Поэтому и Іаковъ, какъ бы сознавая себя грѣшникомъ, говоритъ: *малы и злы дни мои* (Быт. 47, 9) и въ псалмѣ исповѣдающійся Богу говоритъ: *дніе мои яко сѣнь уклонишася, и азъ яко сѣно изсхохъ* (Пс. 101, 12), говоритъ не потому, чтобы просилъ долгой жизни въ настоящемъ мірѣ, въ которомъ всякое время жизни кратко и есть тѣнь и образъ—*убо образомъ ходитъ человѣкъ* (Ис. 38, 7),—но потому, что боится за будущій вѣкъ, чтобы не сократилась продолжительность жизни тамъ, гдѣ есть истинная жизнь.

Ст. 14. *Есть суета, бывающая подъ солнцемъ,—что бываютъ праведники; которыхъ постигаетъ то, чего заслуживали бы дѣла нечестивыхъ, и бываютъ нечестивые, которыхъ постигаетъ то, чего заслуживали бы дѣла праведниковъ. Сказалъ я, что и это суета.* Между прочими явленіями суеты, которыя въ мірѣ сопровождаются не одинаковыми послѣдствіями, я замѣтилъ и то, что съ праведными случается то, что должно бы случаться съ нечестивыми и что нечестивые такъ счастливо живутъ въ этомъ мірѣ, что можно бы подумать, что они

самые праведные. Евангеліе представляетъ примѣръ этого въ богачѣ, облекавшемся въ порфиру, и въ бѣдномъ Лазарѣ (Лук. гл. 16). И семьдесятъ второй псаломъ разсуждаетъ по вопросу о томъ, почему праведныхъ иногда постигаютъ бѣдствія, а нечестивые благоденствуютъ. А вмѣсто поставленнаго нами: *есть суета бывающая на земли* Симмахъ перевелъ опредѣленно, поставивъ: *трудно понять, что бываетъ на земли.* Евреи сказанное о праведныхъ, которыхъ постигаютъ бѣдствія, и о нечестивыхъ, которыхъ постигаетъ то, что заслуживаютъ дѣла праведныхъ, относятъ къ сыновьямъ Аарона и къ Манассіи,—что первые принося жертвы погибли, а послѣдній послѣ столь великихъ золъ и плѣна возвращенъ на царство.

Ст. 15. *И похвалилъ я веселіе: потому что нѣтъ блага человѣку подъ солнцемъ, какъ ѣсть, пить и веселиться. И это будетъ сопровождать его отъ труда его во дни жизни его, которые далъ ему Богъ подъ солнцемъ.* Мы очень подробно объяснили это выше, а теперь скажемъ кратко: бѣдствіямъ и кажущимся неправдамъ міра сего онъ предпочитаетъ хотя краткое и скоро имѣющее окончиться наслажденіе яденія и питія,—говоритъ, что повидимому только то и имѣетъ человѣкъ отъ труда своего, если пользуется хоть небольшимъ удовольствіемъ. Но такое объясненіе, если оно принимается въ буквальномъ смыслѣ, представитъ жалкими постящихся, алчущихъ, жаждущихъ и плачущихъ, которыхъ въ Евангеліи Господь называетъ блаженными. Будемъ же и яденіе и питіе принимать духовно, и выше ихъ радость, которую едва можемъ находить въ трудѣ жизни нашей. А что это должно понимать такъ, какъ мы сказали, показываетъ слѣдующій стихъ, въ которомъ говоритъ: *далъ я сердце мое, чтобы видѣть мудрость и занятіе,* чѣмъ, то есть, занимаются люди на землѣ и дни и ночи проводятъ въ изученіи Писаній, такъ что ради изслѣдованія истины и сонъ бѣжитъ отъ глазъ.

Ст. 16—17. *Посему далъ я сердце мое, чтобы познать мудрость и видѣть занятіе, какое сдѣлано на землѣ. Ибо и днемъ и ночью въ глазахъ своихъ* (человѣкъ) *не видитъ сна. И видѣлъ я всѣ дѣла Божіи, что не можетъ человѣкъ постигнуть дѣла, которое сдѣлано подъ солнцемъ, въ которомъ трудился человѣкъ изслѣдуя его, и не постигнетъ. И даже если скажетъ мудрый, что онъ знаетъ, то не будетъ въ состояніи постигнуть.* Кто изыскиваетъ причины и основанія вещей, почему сдѣлано то или другое и почему въ управленіи міра даются различные жребіи,—почему одинъ рождается слѣпымъ и слабымъ, другой зрячимъ и здоровымъ, тотъ имѣетъ нищету, а этотъ богатство, тотъ благороденъ, а этотъ незнатенъ, такой дѣлаетъ не что иное, какъ только мучится въ своемъ допытываніи, имѣетъ для себя пытку въ этомъ разслѣдованіи, и тѣмъ не менѣе не постигаетъ того, чего добивается. И когда онъ скажетъ, что онъ узналъ это, тогда—то и начинается его невѣдѣніе, тогда-то онъ и находится въ глубокомъ заблужденіи. Намекаетъ однакоже, что есть причины всѣхъ вещей и есть справедливость, почему все происходитъ именно такъ; но причины эти сокрыты въ тайнѣ и людьми не могутъ быть постигаемы.

Гл. IX. Ст. 1. *Все это далъ я въ сердцѣ моемъ, чтобы изслѣдовать все, что праведные и мудрые и дѣла ихъ въ рукѣ Господа. И даже любовь, и даже ненависть: не знаетъ человѣкъ всего въ лицѣ ихъ.* И это мѣсто Симмахъ перевелъ яснѣе, поставивъ: *все это я рѣшилъ въ сердцѣ моемъ, чтобы изслѣдовать все,—что и праведные и мудрые и дѣло ихъ въ рукѣ Божіей. И сверхъ того ни дружбы, ни вражды не знаетъ человѣкъ; но все предъ ними невѣрно, потому что всѣмъ подобная участь—праведному и неправедному.*

Смыслъ такой: и къ этому я проложилъ сердце мое, и хотѣлъ знать, кого Богъ любилъ и кого ненавидѣлъ. И нашелъ я, что хотя дѣла праведныхъ въ рукѣ Божіей, однакоже теперь они не могутъ знать, любитъ ли ихъ Богъ, или нѣтъ, и колеблются въ сомнѣніи,—въ испытаніе ли терпятъ они то, что терпятъ, или въ наказаніе. Узнаютъ же они въ будущемъ; *и все въ виду ихъ,* т. е. знаніе этого ожидаетъ ихъ когда они отойдутъ изъ этой жизни; ибо судъ тогда, а теперь—борьба. А теперь остается неизвѣстнымъ—по любви ли Божіей, какъ Іовъ, терпятъ тѣ, кои терпятъ бѣдствія, или по ненависти, какъ очень многіе грѣшники.

Ст. 2. *Всѣмъ исходъ одинъ—праведному и нечестивому, доброму и злому, чистому и нечистому, приносящему жертву и не приносящему жертвы. Какъ добрый, такъ и грѣшникъ, какъ клянущійся, такъ и боящійся клятвы.* То, что само по себѣ ни хорошо ни худо, но мудрецами вѣка называется среднимъ (потому что постигаетъ равно и праведныхъ и неправедныхъ), смущаетъ нѣкоторыхъ простецовъ, почему оно такъ бываетъ; и поэтому они думаютъ, что нѣтъ суда, когда въ будущемъ должно быть различіе во всемъ, а здѣсь все соединено вмѣстѣ. А сказанное: *всѣмъ исходъ одинъ праведному и нечестивому,* означаетъ исходъ или бѣдствій или смерти, и потому они не знаютъ ни любви къ себѣ Божіей, ни гнѣва. А приносящій жертву и не приносящій жертвы и прочее исчисленное со противоположностями должно быть понимаемо духовно, по оному: *жертва Богу духъ сокрушенъ* (Пс. 50, 19).

Ст. 3. *Это наихудшее во всемъ, что сдѣлалось подъ солнцемъ, что исходъ одинъ всѣмъ. Но и сердце сыновъ человѣческихъ исполнено зла, и заблужденія въ сердцѣ ихъ въ жизни ихъ, и послѣ этого—къ умершимъ. Ибо кто такой, кто сообщался бы со всѣми*

живущими? И это Симмахъ, по своему обычаю, перевелъ яснѣе, поставивъ: *но и сердце сыновъ человѣческихъ исполнится зла и безстыдства по сердцу ихъ въ жизни ихъ. А послѣднее ихъ отходитъ къ умершимъ. Ибо кто можетъ на вѣки оставаться живымъ?* Писаніе повторяетъ туже мысль, о которой мы говорили немного выше,—что тогда какъ все одинаково суждено всѣмъ и нѣтъ никакого разбора въ испытаніи добраго ли или худаго, тогда какъ всѣхъ насъ уноситъ изъ міра сего одинаковая смерть,—мы тѣмъ не менѣе исполняемся заблужденій и безстыдства и зла, а послѣ этого мгновенно похищаемся смертію и больше не можемъ имѣть общенія съ живущими. Или смыслъ такой: такъ какъ одинаковыя бѣдствія удручаютъ и праведныхъ и нечестивыхъ: то поэтому люди побуждаются ко грѣху; и одинаково послѣ всѣхъ усилій, въ которыхъ напрасно истощаются, они, въ невѣдомый имъ часъ, нисходятъ во адъ.

Ст. 4—6. *Есть надежда, поелику песъ живой лучше льва мертваго; поелику живые знаютъ, что умрутъ, а мертвые незнаютъ ничего и нѣтъ имъ болѣе награды. Ибо въ забвеніи проходитъ память ихъ. Но и любовь ихъ и ненависть ихъ и ревность ихъ уже погибли, и нѣтъ уже имъ части въ мірѣ во всемъ, что дѣлается подъ солнцемъ.* Поелику выше говорилъ, что сердце сыновъ человѣческихъ исполняется зла и непотребства и послѣ этого все оканчивается смертію: то теперь дополняетъ и повторяетъ тоже, что пока люди живутъ, они могутъ сдѣлаться праведными, а послѣ смерти не дается никакой возможности творить добрыя дѣла. Грѣшникъ живой можетъ быть лучше праведника умершаго, если захочетъ перейти къ его добродѣтелямъ. И во всякомъ случаѣ бѣдный и самый презрѣнный можетъ быть лучше того, кто хвалился во злѣ, могуществѣ и нечестіи, и умеръ.

Почему? потому что живые изъ за страха смерти могутъ совершать добрыя дѣла, а мертвые ничего не могутъ прибавить къ тому, что однажды съ собою унесли изъ жизни, согласно съ тѣмъ, что написано въ псалмѣ: *забвенъ быхъ яко мертвъ отъ сердца* (Пс. 30, 13). Но любовь ихъ и ненависть и ревность и все, что они могли имѣть въ мірѣ, оканчивается съ приходомъ смерти: не могутъ уже они ни праведно что либо дѣлать, ни грѣшить, ни добродѣтелей прибавлять, ни пороковъ. Впрочемъ нѣкоторые противорѣчатъ такому толкованію, доказывая что и послѣ смерти мы можемъ возрастать и ухудшаться, и слова: *и не будетъ уже имъ части въ мірѣ во всемъ, что дѣлается подъ солнцемъ* понимаютъ такъ, что они не имѣютъ никакого общенія въ этомъ мірѣ и подъ этимъ солнцемъ, которое мы видимъ, но имѣютъ въ иномъ мірѣ, о которомъ Спаситель сказалъ: *азъ нѣсмь отъ міра сего* (Іоан. 8, 23) и подъ солнцемъ правды,—и что этими словами не устраняется мнѣніе, что и по переселеніи изъ сего міра, мы, разумныя существа, можемъ и падать и усовершаться. Еврей сообщалъ, что этотъ стихъ, въ которомъ говорится: *песъ живой лучше льва мертваго* у нихъ объясняется иначе: именно, что хотя неученый, но еще живущій и учащій учитель полезнѣе совершеннаго, но уже умершаго учителя, хотя бы подъ псомъ примѣрно разумѣть какого либо учителя изъ многихъ, а подъ львомъ Моисея или другаго кого либо изъ пророковъ. Но такъ какъ намъ это объясненіе не нравится, то будемъ простираться къ высшему и скажемъ, что песъ, по Евангелію, это та хананеянка, которой сказано: *вѣра твоя спасе тя* (Мѳ. 9, 23), а мертвый левъ—это народъ обрѣзанія, какъ говоритъ Валаамъ пророкъ: *се людіе яко львичища возстанутъ, и яко левъ вознесется* (Числ. 23, 24). Итакъ песъ живой—это мы изъ язычниковъ, а левъ мертвый—это народъ іудейскій,

оставленный Господомъ. И лучше предъ Господомъ этотъ песъ живой, нежели тотъ левъ мертвый. Ибо мы живые знаемъ Отца и Сына и Духа Святаго, а они мертвые ничего не знаютъ и не ожидаютъ какого либо обѣтованія и воздаянія, но исполнилась память ихъ. И ни сами они не помнятъ того, что должны были знать, ни Господь уже не вспоминаетъ о нихъ. И любовь ихъ, которою нѣкогда любили они Бога, исчезла, и ненависть, о которой они дерзновенно говорили: *не ненавидящыя ли тя Господи возненавидѣхъ, и о вразѣхъ Твоихъ истаяхъ* (Пс. 138, 21), а также исчезла и ревность, какою поревновалъ Финеесъ и отъ которой тряслись поджилки Маттаѳіи. И очевидно, нѣтъ имъ и части въ мірѣ, ибо не могутъ сказать: *часть моя Господь* (Пс. 72, 26).

Ст. 7—12. *Иди и ѣшь въ веселіи хлѣбъ твой и пей въ добромъ сердцѣ вино твое, ибо уже угоднѣе стали Богу дѣла твои. Да будутъ во всякое время бѣлы одежды твои и да не оскудѣваетъ елей на головѣ твоей* и прочее до того мѣста, гдѣ сказалъ: *какъ рыбы, которыя попадаются въ пагубную сѣть, и какъ птицы, которыя запутываются въ силкѣ, такъ и сыны человѣческіе уловлены будутъ во время наихудшее, когда оно упадетъ на нихъ неожиданно.* Прежде чѣмъ будемъ говорить о каждомъ стихѣ порознь, сдѣлаемъ краткій общій обзоръ, чтобы было видно, въ какомъ смыслѣ говорится все это. Такъ какъ въ предъидущемъ отдѣленіи сказалъ, что люди послѣ смерти своей исчезаютъ изъ сердца людей и къ нимъ никто не имѣетъ ни любви ни ненависти, по выраженію поэта:

„Нѣтъ ужъ борьбы никакой съ побѣжденными, мертвыми“
(Энеид. II).

и такъ какъ подъ солнцемъ они ничего не могутъ дѣлать: то теперь приводитъ, какъ людское заблужденіе, самый спо-

себѣ ихъ взаимнаго убѣжденія пользоваться благами міра сего. По обычаю риторовъ и поэтовъ онъ дѣлаетъ олицетвореніе, говоря: о человѣкъ, если такимъ образомъ послѣ смерти ты ничто и сама смерть ничто, то послушай совѣта моего и пока живешь въ этой краткой жизни, пользуйся наслажденіями, употребляй драгоцѣнныя ткани, предавайся вину и пойми, что все это Богомъ дано тебѣ въ пользованіе. Ходи разодѣтый въ бѣлыя одежды, голова твоя пусть будетъ раздушена благовоніями, какая бы изъ женщинъ тебѣ ни понравилась, наслаждайся въ ея объятіяхъ и суетную и краткую жизнь проводи въ суетномъ и краткомъ наслажденіи. Ибо кромѣ этого ничего у тебя не будетъ чѣмъ бы тебѣ можно было насладиться; спѣши срывать все, что тебѣ можетъ доставлять удовольствіе, спѣши, чтобы оно не исчезло. И пусть не тревожатъ тебя пустыя сказки, будто въ каждомъ дѣлѣ добромъ ли или худомъ тебѣ нужно будетъ отдать отчетъ во адѣ. Вѣдь въ смерти нѣтъ никакой премудрости: по прекращеніи этой жизни не остается никакого ощущенія.—Такъ скажетъ, говоритъ, какой-нибудь Епикуръ, Аристиппъ, Киринеики и другіе скоты изъ философовъ. А я, тщательно размысливъ самъ съ собою, нахожу, что не случайно все происходитъ и не слѣпая фортуна играетъ дѣлами человѣческими, какъ нѣкоторые худо думаютъ, а все это происходитъ по опредѣленію Божію. Ни быстроногій, если онъ бѣжитъ, не долженъ бѣгъ считать своимъ, ни сильный пусть не полагается на силу свою, ни умный пусть не думаетъ, что богатство и имѣніе онъ собираетъ умомъ своимъ, ни краснорѣчивый и ученый, что онъ пріобрѣтаетъ любовь у народа своимъ краснорѣчіемъ и ученостію; нѣтъ, но все дѣлается устроеніемъ Божіимъ. И если Онъ не направитъ всего Своею волею, если Онъ не созиждетъ домъ, то напрасно трудились строющіе его; если Онъ не сохранитъ города, то напрасно бодрствуютъ стере-

гущіе его (Пс. 126, 1). Итакъ не одинъ исходъ всѣмъ, и не случаенъ порядокъ жизни этой, какъ они думаютъ: потому что, когда они о томъ не думаютъ, похищенные мгновенно смертію, они пойдутъ на судъ. И какъ рыба попадаетъ на удочку и въ сѣти и вольныя въ воздухѣ птицы запутываются въ силокъ невѣдомо для нихъ: такъ и люди, тогда какъ они полагали что все вертится по игрѣ случая, при неожиданномъ наступленіи смерти и суда, по заслугамъ своимъ будутъ отведены на мученія вѣчныя.

Это въ смыслѣ краткаго общаго обзора всего сказаннаго; теперь же слѣдуетъ объяснить все порознь и такъ, какъ бы онъ говоритъ не отъ лица другаго, а отъ себя.

Иди и ѣшь въ веселіи хлѣбъ твой и пей въ добромъ сердцѣ вино твое, ибо уже угодны стали Богу дѣла твои. Поелику ты знаешь, что смертію все оканчивается и во адѣ нѣтъ покаянія и никакого возвращенія къ добродѣтелямъ: то, пока ты находишься въ этомъ мірѣ, спѣши, ревнуй покаяться, подвизайся, пока у тебя есть время. Ибо Богъ охотно принимаетъ кающагося. Иначе: полезно и простое пониманіе этого мѣста, сообразное съ онымъ: *аще ясте, аще ли піете, аще ли ино что творите, вся во славу Божію творите* (1 Кор. 10, 31) и еще: „съ умомъ пей вино". Ибо тотъ не имѣетъ истинной радости и добраго сердца, кто сверхъ мѣры злоупотребляетъ сотвореннымъ. Но лучше понимать такъ: чьи дѣла угодны Богу, тотъ никоимъ образомъ не будетъ нуждаться въ истинномъ хлѣбѣ и винѣ, истоптанномъ изъ виноградника Сорехъ. Итакъ, если намъ дана заповѣдь говорящая: „пожелалъ ты премудрости, храни заповѣди, и Господь подастъ тебѣ ее": то будемъ хранить заповѣди,—и мы будемъ въ состояніи обрѣсти хлѣбъ и вино духовное. А кто не хранитъ заповѣдей и хвалится изобиліемъ хлѣба и вина, тому говорится чрезъ Исаію: „не говори: я уже знаю

ее: ты и не постигъ и не знаешь, и отъ начала Я не открылъ уши тебѣ; ибо знаю, что презирая презришь (Ис. 48, 8). Далѣе то, что говорится у Семидесяти Толковниковъ: *иди, ѣшь въ радости хлѣбъ твой* есть голосъ того Екклезіаста, Который говоритъ въ Евангеліи: *жаждяй да грядетъ ко мнѣ и да піетъ* (Іоан. 7, 37) и въ Притчахъ: *пріидите, ядите мой хлѣбъ и пійте вино* мое (Притч. 9, 5).

Да будутъ во всякое время бѣлы одежды твои и да не оскудѣваетъ елей на головѣ твоей. Имѣй, говоритъ, тѣло чистое, и будь милосердъ. Или такъ: да не будетъ времени, когда бы у тебя одежды были не бѣлы, остерегайся когда либо ходить въ нечистыхъ одеждахъ. Ибо народъ грѣшный изображается сіяющимъ въ темныхъ одеждахъ. А ты облекайся свѣтомъ, а не проклятіемъ, которое написано на Іуду: *и облечется въ клятву яко ризу* (Пс. 108, 18). Облекай внутреннее свое милосердіемъ, благостію, смиреніемъ, кротостію, терпѣніемъ. И когда совлечешься ветхаго человѣка съ дѣлами его, облекайся въ новаго, который обновляется со дня на день. А касательно сказаннаго: *да не оскудѣваетъ елей на головѣ твоей* нужно знать, что свойство елея таково, что онъ и питаетъ свѣтъ, и облегчаетъ страданія изможденныхъ. Есть и елей духовный, елей радости, о которомъ пишется: *сего ради помаза тя, Боже, Богъ твоей елеемъ радованія паче причастникъ твоихъ* (Пс. 45, 8). Этимъ-то елеемъ должно радостно сіять лице наше. Этимъ-то елеемъ должна быть помазана голова постящагося, елеемъ, котораго не могутъ имѣть грѣшники, коимъ говорится: *нѣсть пластыря приложити, ни елея, ниже обязанія* (Ис. 1, 6). Ибо они имѣютъ елей противоположный, котораго гнушается мужъ праведный, говоря: „елей грѣшниковъ не утучнитъ головы моей". Этотъ елей имѣютъ еретики, и имъ-то хотятъ умащать головы обольщенныхъ.

Ст. 9. *Повидь жизнь съ женою, которую полюбилъ ты, во всѣ дни жизни суеты твоей, какіе даны тебѣ подъ солнцемъ: потому что это доля твоя въ жизни и трудѣ, которыми ты трудишься подъ солнцемъ.* Слѣдуй мудрости и вѣдѣнію Писаній и пойми въ супружество себѣ ее, о которой говорится въ Притчахъ: „возлюби ее, и она сохранитъ тебя; обними ее и она оградитъ тебя" (Притч. 4, 8). А дни суеты означаютъ дни вѣка сего непотребнаго, о которомъ не умалчиваетъ и апостолъ. А сказанное: *повидь жизнь съ женою, которую полюбилъ ты*, сказано въ смыслѣ двоякомъ,—или повидь и посмотри жизнь ты самъ и жена твоя съ тобою (ибо ты одинъ безъ такой жены не будешь въ состояніи видѣть жизнь), или: посмотри на то и другое — повидь и жизнь и женщину во дни суеты твоей. И прекрасно заповѣдуетъ, чтобы во дни суеты нашей мы искали истинной жизни съ женою—мудростію. Ибо въ этомъ-то и есть доля наша, здѣсь-то и есть плодъ труда нашего, если въ этой какъ тѣнь призрачной жизни мы можемъ обрѣтать жизнь истинную.

Ст. 10. *Все что находитъ рука твоя дѣлать, по силѣ твоей дѣлай, потому что въ адѣ, въ который ты идешь туда, нѣтъ ни дѣла, ни заботы, ни знанія, ни мудрости.* Дѣлай теперь все что можешь и подвизайся, потому что когда сойдешь въ адъ, не будетъ уже мѣста покаянію. Подобное этому заповѣдуется и Спасителемъ: дѣлайте *дондеже день есть: пріидетъ нощь, егда никтоже можетъ дѣлати* (Іоан. 9, 4). А относительно словъ: *въ адѣ, въ который ты идешь туда*, замѣть, что должно вѣрить, что истинно и Самуилъ (Соломонъ?) былъ во адѣ и что до пришествія Христова всѣ, хотя бы и святые, подлежали закону ада. А что за тѣмъ, по воскресеніи Господа, святые не заключены въ адѣ, свидѣтельствуетъ

апостолъ, говоря: *лучше разрѣшитися и со Христомъ быти* (Филипп. 1, 23); а кто со Христомъ, тотъ конечно не заключенъ во адѣ.

Ст. 11. *Обратился я и видѣлъ подъ солнцемъ, что не у проворныхъ бѣгъ, не у сильныхъ борьба, не у мудрыхъ хлѣбъ, не у умныхъ богатство, не у свѣдущихъ благодать; но что время и случай встрѣтится всѣмъ имъ.* Кто связанъ желѣзными узами и обремененъ тяжелыми свинцовыми кандалами—ибо „неправда сидитъ на талантѣ свинцовомъ“ (Зах. 5, 7) и въ псалмѣ говоритъ: *яко бремя тяжкое отяготѣта на мнѣ* (Пс. 37, 5),—тотъ не способенъ къ тому бѣгу, о которомъ говорится: *теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ* (2 Тим. 4, 7). И тотъ кто легокъ и душа котораго не обременена, тѣмъ не менѣе и онъ не можетъ достигнуть до конца безъ Бога. Также когда и будетъ борьба съ противными силами, о которой написано: „освятите войну“ (Іер. 6, 4), хотя бы онъ былъ и силенъ, не сможетъ однако побѣдить собственными силами. И совершенный въ сынахъ человѣческихъ и мудрый не будетъ въ состояніи имѣть живой хлѣбъ и небесный иначе, какъ чрезъ премудрость, увѣщевающую: *пріидите, ядите мой хлѣбъ.* И такъ какъ есть богатство, о которомъ апостолъ сказалъ: *богатитеся въ дѣлахъ добрыхъ* (1 Тим. 6, 18) и въ другомъ мѣстѣ: *обогатистеся во всякомъ разумѣ* (1 Кор. 1, 6): то слѣдуетъ знать, что мужъ мудрый можетъ собирать это богатство не иначе какъ получивъ его отъ Господа, Которому принадлежитъ это богатство. О немъ и въ другомъ мѣстѣ сказано: *искупленіе души мужа свое ему богатство* (Притч. 15, 8). И благодати хотя бы и образованный мужъ обрѣсти не сможетъ, если она не будетъ сопровождаться вѣдѣніемъ и не будетъ дана отъ Бога. И Павелъ, зная это, сказалъ: *паче всѣхъ ихъ потрудихся: не азъ же, но*

благодать Божія, яже со мною (1 Кор. 15, 10) и еще: *и благодать его, яже во мнѣ, не тща бысть.* И, въ заключеніе, невѣдомо для человѣка, когда придетъ время, въ которое послѣдуетъ различный исходъ и конецъ для всѣхъ. Это по смыслу таинственному (secundum ἀναγωγήν).

Въ болѣе же простомъ смыслѣ, этому мѣсту соотвѣтствуетъ посланіе къ Римлянамъ: *ни хотящаго, ни текущаго, ни милующаго Бога* (Рим. 9, 16). А сказанное: *не у мудрыхъ хлѣбъ* ежедневно доказывается примѣромъ многихъ, которые, будучи весьма умными, нуждаются въ необходимомъ. *Не у свѣдущихъ благодать.* Ибо можно видѣть, что въ церкви процвѣтаютъ нѣкоторые самые невѣжественные люди: они, пріобрѣтши себѣ самоувѣренную осанку и бойкость языка, говоря не думавши, считаютъ себя умными и образованными, особенно если получать благосклонность толпы, которая болѣе услаждается и увлекается легкими фразами. И наоборотъ мужъ образованный скрывается въ неизвѣстности, терпитъ преслѣдованія и не только не имѣетъ благорасположенія въ народѣ, но чахнетъ отъ нужды и бѣдности. А это бываетъ потому, что все вращается въ положеніи непрочномъ и въ настоящемъ нѣтъ воздаянія заслугамъ, а въ будущемъ.

Ст. 12. *И не знаетъ человѣкъ своего времени. Какъ рыбы, которыя попадаются въ пагубную сѣть и какъ птицы, которыя запутываются въ силкѣ, такъ и сыны человѣческіе уловлены будутъ во время наихудшее, когда оно упадетъ на нихъ неожиданно.* Какъ мы сказали уже и выше, — невѣдомо для людей приходятъ къ нимъ несчастія или смерть. Затѣмъ, въ смыслѣ аллегорическомъ, слѣдуетъ знать, что царство небесное подобно неводу закинутому въ морѣ (Мѳ. гл. 13), и наоборотъ—что еретики имѣютъ неводъ, чтобы ловить имъ рыбъ на погибель. Неводъ ихъ—пріятная рѣчь, ласкающее слово,

притворные или вынужденные посты, скромная одежда, подражаніе добродѣтелямъ. И если они станутъ разсуждать о предметахъ выспренних, на высоту поднимать уста свои и искать высотъ Божіихъ, то они разставляютъ сѣти на высотахъ этихъ. Итакъ, какъ рыбы и птицы скоро уловляются такою сѣтью и такими силками: такъ, когда умножится нечестіе и охладѣетъ любовь многихъ и будутъ твориться знаменія и чудеса, чтобы обольстить, если возможно, и избранныхъ,—скоро могутъ пасть даже и люди церковные, тѣ, которые называются сынами человѣческими и которые маловѣрны. Слѣдуетъ замѣтить, что во всей этой книгѣ вездѣ гдѣ стоитъ: *сыны человѣковъ*, въ Еврейскомъ стоитъ: *сыны человѣка* т. е. *сыны Адама*. И почти все Писаніе полно этой особенности (idioma), называя весь родъ человѣческій сынами Адама.

Ст. 13—15. *Вотъ еще какую мудрость видѣлъ я подъ солнцемъ, и она показалась мнѣ важною. Городъ небольшой, и людей въ немъ немного: и подступилъ къ нему царь великій, и обложилъ его, и построилъ противъ него машину большую. Но нашелъ въ немъ человѣка бѣднаго и мудраго, и онъ спасъ городъ своею мудростью; и однакоже никто не вспоминалъ объ этомъ бѣдномъ человѣкѣ.* Тогда какъ другіе говорятъ, что все непрочно и праведный не имѣетъ никакого преимущества предъ неправеднымъ, я нашелъ и въ томъ величайшую мудрость, что часто случается, что городъ малъ, жителей въ немъ не много, и облагается онъ войскомъ безчисленныхъ враговъ, осаждается и народъ погибаетъ въ немъ отъ голода: но вдругъ, сверхъ ожиданія, отъискивается простой, бѣдный человѣкъ, который, превосходя мудростію всѣхъ богатыхъ, великихъ, сильныхъ и гордыхъ, находящихся въ этой опасности и упавшихъ духомъ при видѣ осады, думаетъ, разыскиваетъ и находитъ средства избавить городъ отъ

бѣдствій. Но,—о, неблагодарная забывчивость людей! какъ только они избавились, какъ только съ города снята осада и возвращена отечеству свобода, никто не помнитъ объ этомъ мудромъ бѣднякѣ, никто не благодаритъ его за спасеніе, но всѣ честятъ богачей, не умѣвшихъ во время несчастія оказать никакой помощи. Еврей иначе объяснялъ это мѣсто, именно такъ: Городъ не большой—это человѣкъ, который у философовъ называется малымъ міромъ; и людей въ немъ немного,—членовъ, изъ которыхъ составляется этотъ человѣкъ; когда же выступитъ противъ него царь великій—діаволъ и будетъ искать мѣста, чрезъ которое могъ бы вторгнуться въ него, находитъ въ немъ простое, мудрое и спокойное размышленіе внутренняго человѣка и оно сохраняетъ городъ, обложенный осадою. Но когда человѣкъ избавится отъ опасности гоненія ли, или бѣдствій, или какого либо другаго несчастія и грѣха, тогда тотъ внѣшній человѣкъ, который враждебенъ оному человѣку бѣдному и мудрому, не вспоминаетъ о внутреннемъ человѣкѣ и не подчиняется его внушеніямъ, но снова живетъ по своей свободѣ. Иначе: городъ не большой и людей въ немъ не много,—это Церковь, по сравненію съ цѣлымъ міромъ; противъ нея часто возстаетъ царь великій—діаволъ (не потому, чтобы онъ былъ великъ, но потому что хвалится своимъ величіемъ) и облагаетъ ее осадою или гоненія, или другаго рода бѣдствій; но находитъ въ ней человѣка бѣднаго и мудраго—Господа Іисуса Христа, Который и обнищалъ ради насъ (2 Кор. 8, 9) и есть Сама Премудрость, и этотъ мужъ бѣдный освобождаетъ городъ своею мудростію. Сколько разъ мы видали, какъ левъ сидящій въ засадѣ съ богатыми, то есть сенаторами и князьями вѣка сего, и замышляющій противъ церкви, былъ поражаемъ мудростію бѣднаго Онаго! И когда этотъ бѣдный побѣдитъ и въ городѣ будетъ возстановленъ миръ, то едва кто

либо помнитъ о Немъ, едва кто либо чтитъ Его повелѣнія, но всѣ, предавшись роскоши и наслаженіямъ, ищутъ богатства, которое не избавляетъ въ бѣдствіи.

Ст. 16. *И сказалъ я: мудрость лучше силы, и мудрость бѣдняка, которая была презираема и слова его, которыхъ не слушали.* Хотя никто не помнитъ о мудромъ бѣднякѣ Ономъ, когда все предается удовольствіямъ и всѣ преклоняются предъ силою и богатствомъ: тѣмъ не менѣе я, согласно со всѣмъ вышеизложеннымъ толкованіемъ, болѣе почитаю презираемую мудрость бѣдняка и слова, которыхъ никто не удостоиваетъ вниманія.

Ст. 17. *Слова мудрыхъ выслушиваются спокойно, лучше, нежели крикъ властелина между глупыми.* Если увидишь въ церкви, что какой либо витія угожденіемъ народному вкусу и красными словами возбуждаетъ рукоплесканія, вызываетъ смѣхъ, приводитъ слушателей къ взрывамъ восторга, то знай, что это призракъ неразумія какъ оратора, такъ и слушателей. Ибо слова мудрыхъ выслушиваются спокойно и въ скромномъ молчаніи, а кто неразуменъ, тотъ, хотя бы онъ былъ и человѣкъ властный и самъ ли кричалъ бы, или возбуждалъ крики народа, будетъ причисляемъ къ неразумнымъ.

Ст. 18. *Мудрость лучше воинскихъ орудій, и одинъ согрѣшившій погубитъ много добраго.* И теперь предпочитаетъ силѣ мудрость и говоритъ, что она гораздо важнѣе, чѣмъ воинскія орудія. Ибо, если одинъ будетъ неразуменъ, хотя бы онъ былъ малъ и ничтоженъ, часто, однако, по его глупости тратятся большія средства и богатства. А такъ какъ на Еврейскомъ можно читать: *а кто грѣшитъ въ одномъ, тотъ потеряетъ много добраго*, то можно думать и такъ: изъ за одного грѣха погибаетъ много дѣлъ праведности; добродѣтели соединены между

собою, и кто имѣетъ одну, имѣетъ всѣ, а кто согрѣшитъ въ одномъ, тотъ подлежитъ всѣмъ порокамъ (Іак. 2, 10).

Глава X. Ст. 1. *Мертвыя мухи портятъ благовонную масть; сильнѣе мудрости и славы небольшая глупость.* Доказательство представляетъ мысль предшествующаго стиха, въ которомъ сказалъ, что изъ за одного глупаго можетъ погибать много добраго, что худой человѣкъ, примѣшавшись къ хорошимъ, заражаетъ многихъ, подобно тому какъ мухи, если умрутъ въ благовонной масти, портятъ и запахъ и цвѣтъ ея. И такъ какъ къ мудрости часто примѣшивается хитрость, и умъ часто бываетъ соединенъ съ нечестіемъ: то повелѣваетъ, чтобы мы искали мудрости чистой, чтобы она соединялась съ голубиною невинностію, чтобы мы были разумны на добро, а просты на зло. Можетъ быть и такой смыслъ: праведному лучше имѣть немного простоты и, при чрезвычайной терпѣливости, когда отмщеніе онъ предоставляетъ Богу, казаться неразумнымъ, чѣмъ, тотчасъ отомщая, дѣлать зло, сохраняя видъ умнаго. Иначе: мухи, которыя, по Исаіи (гл. 7, 18), владѣютъ частью рѣки Египетской, портятъ вкусъ елея, въ каждомъ вѣрующемъ оставляя запахъ и слѣды своей нечистоты. Отъ этихъ-то мухъ и получилъ названіе князь бѣсовскій Веельзебубъ (Матѳ. 12, 24), чтó въ переводѣ значитъ: *идолъ мухъ*, или *человѣкъ мухъ*, или *имѣющій мухъ*.

Ст. 2—3. *Сердце мудраго на правой сторонѣ его, а сердце глупаго на лѣвой сторонѣ его. Но и по дорогѣ, когда глупый идетъ, сердце его уменьшается, и онъ говоритъ, что всякій глупъ.* Въ Евангеліи заповѣдуется, чтобы лѣвая рука мудраго не знала, что дѣлаетъ правая (Мѳ. 5, 3. 9). И получившимъ ударъ въ правую щеку, повелѣвается подставлять бьющему не лѣвую щеку, но другую (Мѳ. 5, 3. 9). Ибо праведный не имѣетъ у

себя лѣваго, а у него все правое. И когда Спаситель пріидетъ для суда, агнцы станутъ по правую, а козлища будутъ по лѣвую сторону (Мѳ. 25, 33). И въ Притчахъ написано: *пути десные вѣсть Господь, развращеніи суть, иже ошуюю* (Притч. 4, 27). Итакъ, кто мудръ, тотъ всегда помышляетъ о будущемъ, о томъ что ведетъ къ правой сторонѣ; а кто неразуменъ, тотъ помышляетъ о настоящемъ, что поставлено по лѣвую сторону. Слѣдуя этому, философъ и поэтъ сказалъ:

Къ стѣнамъ властелина великаго правая всѣхъ насъ ведетъ сторона;
Ею намъ путь во поля Елисейскія; лѣвая жъ
Муки даетъ и въ адъ нечестивый низводитъ.

(Виргилій, Энеид. VI).

И нашъ Фирміанъ въ прекрасной книгѣ своихъ наставленій вспоминаетъ о буквѣ *Y* [1]) и весьма подробно разсуждаетъ о правомъ и лѣвомъ, то есть о добродѣтеляхъ и порокахъ. И не будемъ думать, что мысли этой противорѣчитъ сказанное: *не уклонися ни на десно, ни на шуе* (Притч. 4, 27). Ибо здѣсь правая сторона принимается въ смыслѣ добраго, а тамъ—обвиняется не столько правая сторона, сколько уклоненіе отъ нея, чтобы мы не мудрствовали больше того чѣмъ сколько нужно, такъ какъ добродѣтели въ срединѣ, а всякое излишество есть недостатокъ. А смыслъ слѣдующаго стиха, въ которомъ сказано: *но и по дорогѣ, когда глупый идетъ, сердце его уменьшается, и онъ говоритъ, что всякій глупъ*,—таковъ: глупый думаетъ, что какъ онъ самъ грѣшитъ, такъ подобнымъ образомъ грѣ-

---

[1]) Буква, о значеніи которой неоднократно упоминалось уже въ примѣчаніяхъ къ переводу бл. Іеронима,—правая сторона которой служила аллегорическимъ выраженіемъ добродѣтели, а лѣвая—порока.

шатъ и всѣ, и судитъ о всѣхъ по себѣ. Наконецъ, Симмахъ перевелъ такъ: *но и на дорогѣ, когда глупый идетъ, онъ, будучи самъ неразуменъ, предполагаетъ о всѣхъ, что они глупы.* А Семьдесятъ дали иной смыслъ, поставивъ: *все, что неразумный думаетъ, весьма суетно.*

Ст 4. *Если духъ имѣющаго власть взойдетъ на тебя, то не оставляй мѣста твоего, потому что врачеваніе успокоиваетъ грѣхи великіе.* Теперь Писаніе указываетъ князя міра сего и міроправителя тьмы сей, дѣйствующаго въ сынахъ противленія, о которомъ упоминаетъ и Апостолъ (Ефес. 2, 2; 6, 12), и говоритъ, что если онъ войдетъ въ сердце наше, и духъ получитъ рану злого помысла, то мы не должны дальше давать ему мѣста, но должны бороться противъ нечестивѣйшаго помысла и избавлять себя отъ грѣха величайшаго; не должны, то есть, помыслъ исполнять на дѣлѣ, такъ какъ иное дѣло грѣшить помысломъ, и иное самымъ дѣломъ. Объ этомъ великомъ грѣхѣ и въ Псалмѣ написано: *аще не обладаютъ мною, тогда непороченъ буду, и очищуся отъ грѣха велика* (Псал. 18, 14). Симмахъ еврейское слово *marphe*, которое всѣ сходно переводили словомъ: ἴαμα, то есть исцѣленіе или врачеваніе, перевелъ въ иномъ смыслѣ, сказавъ: *если духъ начальника нападетъ на тебя, то не сходи съ мѣста твоего: потому что цѣломудріе сдерживаетъ грѣхи великіе,* то есть: если діаволъ будетъ щекотать умъ твой и возбуждать тебя къ похоти, то не слѣдуй нечестивѣйшему помыслу и ласкающей похоти, но стой мужественно и твердо, и холодомъ цѣломудрія гаси пламя похоти. Еврей въ этомъ мѣстѣ подозрѣвалъ не знаю что въ такомъ родѣ: Если въ мірѣ ты получишь какой либо высокій санъ и будешь поставленъ начальникомъ надъ народомъ, то не оставляй прежнихъ дѣлъ своихъ, не начинай забывать о прежнихъ добродѣтеляхъ, не ослабѣвай въ прежнемъ по-

двигѣ: ибо врачеваніе грѣховъ проистекаетъ изъ доброй жизни, а не изъ гордой и надменной сановитости.

Ст. 5—7. *Есть зло, которое видѣлъ я подъ солнцемъ: это какъ бы невѣдѣніе, выходящее отъ лица властелина,—что глупый поставляется на высотахъ великихъ, а богатые сидятъ низко. Видѣлъ я рабовъ на коняхъ, а князей, ходящихъ пѣшкомъ какъ рабы.* Вмѣсто поставленнаго нами: *какъ бы невѣдѣніе, выходящее отъ лица властелина,* Акила, Ѳеодотіонъ и Семдесятъ перевели: *какъ бы невольное*, то есть ὡς ἀκούσιον, *отъ лица князя.* И Симмахъ близко къ этому переводу сказалъ, что *глупый поставленъ на высотѣ великой, а богатые сидятъ низко.* Итакъ упоминаетъ, что онъ видѣлъ въ мірѣ такое зло, что, повидимому, судъ Божій неправеденъ,— что при невѣдѣніи ли Его, или безъ Его воли, происходитъ то, что какъ между властями свѣтскими, такъ и между представительствомъ церкви тѣ, кои богаты и словомъ и мудростью, богаты даже добрыми дѣлами, сидятъ безвѣстными, а какой нибудь глупецъ занимаетъ въ церкви первое мѣсто. Апостолъ не умалчиваетъ, что это дѣлается діаволомъ, который имѣетъ въ мірѣ власть угнетать сильныхъ и ученыхъ мужей и не допускать ихъ появляться въ народѣ, а тѣхъ, кого знаетъ въ церквахъ за людей неразумныхъ, дѣлать начальниками, чтобы они, слѣпые, вели въ яму слѣпыхъ. Такой же смыслъ даютъ и слѣдующія за тѣмъ слова: *видѣлъ я рабовъ на коняхъ, а князей, ходящихъ пѣшкомъ какъ рабы.* Рабы пороковъ и грѣха, или люди столь ничтожные, что ихъ можно считать рабами, неожиданно возносятся дѣйствіемъ діавола на высокую должность и утаптываютъ публичныя дороги своими иноходцами, а какой нибудь достойный и умный человѣкъ, угнетаемый бѣдностью, ходитъ пѣшкомъ подобно рабамъ. Еврей подъ властелиномъ и княземъ, отъ лица коего, повидимому, выходитъ невѣдѣніе, раз-

умѣлъ Бога,—что люди, при неравенствѣ состояній въ жизни сей, полагаютъ, что Онъ судитъ несправедливо и не по заслугамъ. Далѣе, нѣкоторые думаютъ, что эти слова нужно соединять съ предшествующими, такъ, что княземъ здѣсь называется тотъ-же, о комъ говорится выше: *если духъ властелина найдетъ на тебя, то не оставляй мѣста своего.* Итакъ, не будемъ скорбѣть, если мы кажемся ничтожными въ мірѣ семъ,—зная, что дѣйствіемъ діавола и глупые возвышаются и богатые унижаются, рабы имѣютъ отличія господъ и князья ходятъ въ униженномъ видѣ рабовъ. Нужно замѣтить также, что и здѣсь конь принимается въ хорошую сторону, какъ и въ другомъ мѣстѣ: „и кони спасеніе твое“.

Ст. 8. *Кто копаетъ яму, тотъ впадетъ въ нее; и кто разрушаетъ ограду, того ужалитъ змьй.* Смыслъ отчасти простой и отчасти таинственный. И въ другомъ мѣстѣ самъ Соломонъ[1]) сказалъ: *ископоваяй ровъ впадетъ въ онъ, и распростираяй сѣть, увязнетъ въ ней* (Сир. 27, 29), и въ Псалмѣ седьмомъ: *ровъ изры, ископа и, и падетъ въ яму, юже содѣла* (Ст. 16). А разрушеніе ограды или стѣны—это церковные догматы и постановленіе (institutio), основанное апостолами и пророками; кто разрушитъ ихъ и захочетъ обойти, тотъ въ томъ самомъ, чѣмъ онъ пренебрегаетъ, поражается змѣемъ, о которомъ и у Амоса написано: „если сойдетъ въ адъ, я повелю змѣю, и ужалитъ его“ (Амос. 9, 3).

---

[1]) Повидимому и бл. Іеронимъ, сообразно съ мнѣніемъ многихъ какъ греческихъ, такъ и латинскихъ отцевъ, признаетъ здѣсь самого Соломона авторомъ книги Премудрости Іисуса сына Сирахова. Предисловіе къ толкованію на Екклезіастъ, гдѣ онъ исчисляетъ всѣ книги Соломона, но не говоритъ о принадлежности ему этой книги, противорѣчитъ однакоже такому мнѣнію.

Ст. 9. *Кто передвигаетъ камни, тотъ надсадитъ себя ими; и ктоколетъ дрова, подвергнется опасности отъ нихъ.* И у Захаріи (Зах. 9, 16) катаются по землѣ святые камни. Ибо они не лежатъ въ неизмѣнномъ положеніи, но перемѣняютъ мѣсто, и всегда стремясь къ высшему, спѣшатъ перейти отсюда. Изъ этихъ живыхъ камней и въ Апокалипсисѣ (21, 18) строится городъ Спасителя, и апостолъ говоритъ, что изъ нихъ созидается церковь. Итакъ, если кто обольщенный еретическимъ лжеученіемъ выйметъ эти камни изъ зданія церкви (почему и выразительно Акила и Симмахъ, вмѣсто поставленнаго нами: *кто передвигаетъ камни, тотъ надсадитъ себя ими*, сказали: *кто переноситъ камни, тотъ будетъ пораненъ ими)*, тотъ впослѣдствіи терпитъ мученія. А такъ какъ Писаніе говоритъ вообще: *кто передвигаетъ камни, или кто переноситъ камни* безъ прибавленія добрые или худые: то, посему, можно понимать и наоборотъ, — что мужъ церковный, то есть епископъ и пресвитеръ, если по заповѣди книги Левитъ (14, 45). изъ дома прокаженнаго выйметъ камень, который онъ долженъ и стереть въ прахъ и пепелъ: то онъ будетъ болѣть отъ того самаго, что вынужденъ взять камень изъ церкви Христовой, говоря съ апостоломъ: *плакати съ плачущими*, скорбѣть съ скорбящими (Рим. 12, 15) и: *кто изнемогаетъ и не изнемогаемъ; кто соблазняется и азъ не разжизаюся* (2 Кор. 11, 29). И тотъ, *кто колетъ дрова, подвергнется опасности отъ нихъ*. Безплодныя дрова и безполезный лѣсъ—это еретики. Поэтому и въ храмѣ Божіемъ запрещается разводить лѣсъ и презирается пустая тѣнь листьевъ, то есть только словъ трескучихъ. Итакъ, хотя бы былъ уменъ и ученъ тотъ мужъ, который колетъ эти дрова мечемъ своего слова, онъ подвергнется отъ нихъ опасности, если не будетъ достаточно внимателенъ, собенно, если съ нимъ случится то, что далѣе слѣдуетъ:

если притупится топоръ и лице его смутитъ, то есть, если его опроверженіе будетъ найдено не сильнымъ, если оно не будетъ имѣть острія, чтобы посѣкать имъ все противное; но, если внутреннее сердца его притупится, то онъ перейдетъ на противную сторону, и укрѣпитъ его сила превратная. Это именно выразили Семьдесятъ толковниковъ, поставивъ *и силою укрѣпится*: укрѣпившись, то есть, излишнею мудростью, будетъ имѣть силу и мудрость такую, которая излишня и которая не въ помощь имѣющему ее.

Ст. 10. *Если притупится топоръ и будетъ не таковъ какъ прежде, а будетъ смущенъ, то усиліями укрѣпится; восполненіе силы — мудрость.* Если, говоритъ кто нибудь увидитъ, что по нерадѣнію онъ потерялъ знаніе Писаній, если остріе ума его будетъ притуплено, то въ смущеніи духа онъ не будетъ уже такимъ, какимъ началъ быть. Случается иногда, что кто либо, получивъ немного мудрости и возгордившись перестаетъ учиться и читать, и оттого, что къ этой мудрости ничего не прибавляется, она оскудѣваетъ, душа пустѣетъ познаніями и желѣзо, бывшее острымъ, притупляется; ибо праздность и бездѣятельность есть какъ бы нѣкая ржавчина для мудрости. Итакъ, если кто будетъ терпѣть это, то пусть онъ не отчаевается въ средствѣ къ исцѣленію, но пусть идетъ къ учителю и снова учится у него: послѣ труда, занятій и чрезвычайныхъ усилій, онъ будетъ въ состояніи снова получить потерянную мудрость. Это именно выразительнѣе сказано въ еврейскомъ: *усиліями укрѣпится,* то есть: трудомъ и пóтомъ, занятіями и ежедневнымъ чтеніемъ онъ достигнетъ мудрости, и усиліе его будетъ имѣть тотъ конецъ, что онъ получитъ мудрость.

Ст. 11. *Если змѣй ужалитъ молча, то не лучше его и злоязычный.* Простой смыслъ таковъ: змѣй и злоязычный одинаковы: какъ первый, тайно жаля, впускаетъ ядъ: такъ послѣдній, тайно злословя, изливаетъ на брата

ядъ своего сердца и ничѣмъ не лучше змѣя. Тогда какъ языкъ у человѣка сотворенъ для благословенія и назиданія ближняго, злоязычный дѣлаетъ его равнымъ змѣю, когда въ превратную сторону злоупотребляетъ его силами. Иначе: если кого либо тайно уязвитъ змѣй—діаволъ и невѣдомо ни для кого заразитъ его ядомъ грѣха: то, если пораженный будетъ молчать, не принесетъ покаянія и не захочетъ сознаться въ язвѣ своей брату и учителю, въ такомъ случаѣ братъ и учитель, имѣющіе языкъ для врачеванія, не будутъ въ состояніи скоро помочь ему. Ибо, если больной стыдится открыть свою рану предъ врачемъ, то врачебное искусство не излѣчиваетъ того, о чемъ не знаетъ.

Ст. 12. *Слова изъ устъ мудраго — благодать, а уста глупаго погубятъ его.* Глупость причиняла бы нѣсколько меньше вреда, если бы довольствовалась своимъ невѣжествомъ. Но она ведетъ еще войну противъ мудрости и изъ зависти не терпитъ ничего, что̀ бы ни замѣтила умнаго въ человѣкѣ ученомъ. Мужъ мудрый высказываетъ слова знанія и слова благодати, способныя доставлять пользу слушателямъ, а уши глупаго принимаютъ высказываемое не такъ какъ оно говорится, а напротивъ глупый старается подставить ногу умному и сдѣлать его подобнымъ себѣ. И поистинѣ, человѣкъ мудрый, говоря глупому, губитъ себя, и слова его, такъ сказать, гибнутъ въ пропасти или безднѣ. Поэтому блаженъ тотъ, кто говоритъ уху слушающаго.

Ст. 13—14. *Начало словъ его—глупость, а конецъ устъ его—заблужденіе наихудшее? И глупый умножаетъ слова. Не знаетъ человѣкъ что было, и что будетъ послѣ него, кто возвѣститъ ему?* Еще разсуждаетъ о глупомъ, уста коего губятъ мудраго, или, по другому переводу, служатъ къ паденію для самого глупаго. Начало и конецъ рѣчи его—глупость и заблужденіе самое худшее; или, какъ перевелъ Симмахъ, *безпорядокъ и нѣко-*

торое непостоянство въ словахъ, когда онъ не держится мысли, а думаетъ, что въ многословіи онъ можетъ избѣжать грѣха. Ибо ни прошедшаго не помня, ни будущаго не зная, вращаясь въ невѣжествѣ и тмѣ, усвояя себѣ мнимое знаніе, онъ воображаетъ себя ученымъ и мудрымъ изъ за того, если онъ многорѣчивъ. Это можетъ быть относимо къ еретикамъ, которые не принимаютъ словъ людей умныхъ, но настроившись на противорѣчія, и начало и конецъ своихъ рѣчей составляютъ изъ вздора, безтолковщины, заблужденій, и ничего не зная, говорятъ больше, чѣмъ сколько знаютъ.

Ст. 15. *Трудъ глупыхъ утомитъ тѣхъ, которые не знаютъ дороги въ городъ.* Соединяй и эти стихи съ предъидущими. Говоритъ или вообще о всѣхъ глупыхъ, которые не знаютъ Бога, или въ частности о еретикахъ. Читай Платона, ознакомься съ тонкостями Аристотеля, просмотри внимательно Зенона и Карнеада,—и ты увидишь, что истинно сказанное: *трудъ глупыхъ утомитъ ихъ.* Хотя они со всею ревностью искали истину, но, такъ какъ не имѣли руководителя и указателя пути и думали, что они могутъ постигать мудрость человѣческими чувствами: то вовсе не достигли того города, о которомъ говорится въ Псалмѣ: *Господи, во градѣ Твоемъ образъ ихъ уничижиши* (Псал. 72, 20). И Господь во градѣ своемъ разсѣетъ всѣ тѣни, различные образы и маски, въ которыя облеклись они въ различныхъ ученіяхъ,—во градѣ своемъ, о которомъ и въ другомъ мѣстѣ пишется: *рѣчная устремленія веселятъ градъ Божій* (Псал. 45, 5), и въ Евангеліи: *не можетъ градъ укрытися верху горы стоя* (Матѳ. 5, 14) и у Исаіи: *азъ градъ крѣпкій, градъ воюемый* (27, 3). Этотъ-то городъ истинной мудрости, городъ крѣпкій и сильный, стараются преодолѣть всѣ и мудрецы вѣка и философы. И что мы сказали о философахъ, тоже самое должно думать и о еретикахъ,—что напрасно они трудятся

и утомляются въ изученіи Писаній, когда блуждаютъ въ пустынѣ и города найти не могутъ. О блужданіи ихъ упоминаетъ и Псалмопѣвецъ, говоря: *заблудиша въ пустыни безводнѣй, пути града* и обитанія его *не обрѣтоша* (Псал. 106, 4).

Ст. 16—17. *Горе тебѣ, земля, у которой царь юнъ, и князья твои рано ѣдятъ. Блаженна земля, у которой царь твой сынъ благородныхъ, и князья твои ѣдятъ вовремя, въ силѣ, а не въ смущеніи.* Повидимому, не одобряетъ правленіе юношей и осуждаетъ властолюбивыхъ судей,—что у юнаго князя по его лѣтамъ не твердъ умъ, а у судей и зрѣлый возрастъ разслабляется отъ наслажденій; и наоборотъ, одобряетъ князя съ добрыми нравами и хорошо направленнаго, а также восхваляетъ тѣхъ судей, которые удовольствій не предпочитаютъ дѣламъ общественнымъ, а только послѣ многаго труда и занятій общественными дѣлами принимаютъ пищу какъ бы по необходимости. Но мнѣ подъ смысломъ буквальнымъ представляется нѣчто болѣе таинственное,—что въ Писаніи юношами называются тѣ, которые уклоняются отъ авторитета старины и пренебрегаютъ сѣдыми заповѣдями предковъ,—тѣ, которые, пренебрегая заповѣдью Божіею, хотятъ установлять преданія человѣческія. О нихъ и у Исаіи (гл. 8) Господь высказываетъ угрозы Израилю за то, что онъ не захотѣлъ пить тихо текущей воды Силоамской и уклонился отъ стараго водоема, избравши себѣ потоки Самарійскіе и пучины Дамасковы. *И поставлю, говоритъ, юноши князи ихъ, и ругатели господствовати будутъ ими* (Исаіи 3, 4). Читай Даніила, и ты найдешь Бога ветхаго денми (Дан. 7); читай Апокалипсисъ Іоанна, и ты встрѣтишь главу Спасителя чистую какъ снѣгъ, и бѣлую какъ волну (Апок 1). И Іереміи, такъ какъ онъ былъ мудръ и сѣдинами его почиталась мудрость, запрещается говорить, что онъ юнъ

(Іер гл. 1). Итакъ, горе землѣ, у которой царь—діаволъ, который, всегда замышляя новое, и Авессалома вооружаетъ противъ отца; горе землѣ, которая имѣетъ судей и князей такихъ, которые любятъ наслажденія міра сего, которые, пока не наступитъ день смерти, говорятъ: *да ямы и піемы, утрѣ бо умремъ* (Исаіи 22, 13). Напротивъ блаженна земля церкви, царь коей есть Христосъ, сынъ благородныхъ, происшедшій изъ рода Авраама, Исаака, пророковъ и всѣхъ святыхъ, коими не обладалъ грѣхъ и кои, поэтому, были истинно свободны. Отъ нихъ родилась Дѣва свободнѣйшая, Святая Марія, не имѣющая никакого сучка, никакого боковаго отпрыска, но вся плодоносная сила Которой произрастила цвѣтъ, говорящій въ Пѣсни-Пѣсней: *азъ цвѣтъ польный и кринъ удольный* (П.-П. 2, 1). Князья земли этой—апостолы и всѣ святые, имѣющіе царемъ Сына благородныхъ, Сына свободной, рожденнаго не отъ рабыни Агари, а отъ свободы Сарры. Не ѣдятъ они ни рано, ни скоро. Ибо не въ настоящемъ вѣкѣ ищутъ наслажденій, а будутъ вкушать въ свое время, когда наступитъ время воздаянія, и будутъ вкушать въ силѣ, а не въ смущеніи. Всякое благо вѣка настоящаго есть смущеніе, а будущаго—непрестающее укрѣпленіе. Нѣчто подобное говорится и у Исаіи: *се работающіи ми ясти будутъ, вы же взалчете*; и еще: *се работающіи ми возрадуются, вы же посрамитеся* (Ис. 65, 13—14).

Ст. 18. *Отъ лѣности обвиснетъ потолокъ, и отъ ослабленія рукъ протечетъ домъ.* Отъ сотворенія предназначенный намъ домъ и жилище, которое имѣемъ на небесахъ, ухудшится, если мы лѣнивы и медленны на добрыя дѣла. Всякій потолокъ, который долженъ быть высокъ, упавши на землю, придавитъ живущаго подъ нимъ; когда ослабѣетъ дѣятельная сила рукъ и добродѣтели, то сверху обрушиваются на насъ всякія невзгоды и дождевыя бури.

Затѣмъ изъясненное нами въ отношеніи къ одному человѣку лучше можетъ быть отнесено къ церкви,—что по нерадѣнію представителей падаетъ вся высота ея, когда соблазны ко грѣху бываютъ тамъ, гдѣ думали видѣть вершину добродѣтели.

Ст. 19. *Со смѣхомъ ѣдятъ хлѣбъ и вино живущіе, чтобы пировать. И серебру повинуется все.* Думаю, что послѣдующее зависитъ отъ предъидущаго. Выше мы изъяснили, что отъ лѣности и нерадѣнія учителей ухудшается церковь, падаетъ ея вершина и протекаютъ ея кровли. Теперь говоритъ о тѣхъ же учителяхъ. И поелику, повидимому, онъ обвинялъ ихъ, зачѣмъ они молчали и не исполняли обязанности учителей, зачѣмъ, бывъ поставлены въ церкви епископами и пресвитерами, не трудились въ словѣ и ученіи, чтò заповѣдуется дѣлать и Титу и предписывается Тимоѳею, чтобы онъ не пренебрегалъ благодатію, полученною чрезъ возложеніе рукъ, такъ какъ въ томъ они и должны поставлять свои епископскія и пресвитерскія обязанности, чтобы принимать мѣры врачеванія и въ качествѣ учителей искать сугубой почести, подобающей трудящимся въ словѣ и ученіи (1 Тим. 4, 14):—то теперь, наоборотъ, обвиняетъ тѣхъ, которые, хотя и говорятъ въ церкви и учатъ народъ, но учатъ тому, что услаждаетъ слухъ народа, что ободряетъ грѣшниковъ въ ихъ порокѣ и возбуждаетъ шумные восторги слушателей. Когда въ церкви слышишь ласкающее слово, обѣщающее всѣмъ блаженство и царство небесное: то не представляется ли тебѣ, что живущіе ѣдятъ хлѣбъ со смѣхомъ и къ радости примѣшиваютъ вино?—что или сами учащіе черезъ пріятныя обѣщанія ищутъ себѣ богатства, хлѣба и имѣній, или, что хлѣбъ церкви, который есть хлѣбъ плачущихъ, а не смѣющихся (ибо блажени плачущіи, ибо они возсмѣются) они устрояютъ въ веселіи и радости? А слѣдующее затѣмъ: *деньгамъ* или

серебру повинуется все, должно понимать двояко. или что сами учители, обогатившись чрезъ свое ласкательство царствуютъ надъ народомъ; или, такъ какъ серебро всегда принимается въ смыслѣ слова, какъ: *словеса Господня, словеса чиста, сребро разжено, искушено земли, очищено седмерицею* (Псал. 11, 7):—утверждаетъ то, что краснорѣчію и рѣчи, составленной изъ пустыхъ фразъ, легко поддается невѣжественная толпа. Иначе: тѣ которые имѣютъ у себя жениха и которымъ поэтому запрещается сѣтовать и поститься, ѣдятъ хлѣбъ со смѣхомъ. отъ каковаго смѣха Йсаакъ получилъ свое имя, и въ веселіи приготовляютъ вино для пьющихъ. Итакъ всякій святой мужъ, который состоитъ учителемъ церкви по духу заповѣди Христовой, ѣстъ хлѣбъ со смѣхомъ и веселіемъ и въ радости уготовляетъ сосуды для вина. А серебро, которому повинуется все,—это оные пять, два и одинъ таланты домовладыки Евангелія и десять минъ, которыя ввѣряются рабамъ для употребленія ихъ въ дѣло (Мате. гл. 25).

Ст. 20. *Въ умѣ твоемъ не злословъ царя, и въ тайнѣ спальни твоей не злословъ богатаго: потому что птица небесная перенесетъ рѣчь, и пернатая возвѣститъ слово*. Й простое наставленіе назидаетъ слушателей. Не будемъ подъ вліяніемъ гнѣва и раздраженія позволятъ себѣ брань и злословіе на царя и начальниковъ; потому что иногда сверхъ нашего ожиданія случается, что это доносится тѣмъ, которыхъ мы злословимъ, и мы, за невоздержность языка, подвергаемся опасности. А сказанное: *птица небесная перенесетъ рѣчь, и пернатая возвѣститъ слово* нужно понимать въ смыслѣ гиперболы, подобно тому, какъ и мы обыкновенно говоримъ, что и стѣны при которыхъ мы говоримъ, не скроютъ сказаннаго. Но лучше это наставленіе принимать въ смыслѣ заповѣди, что не только ничего не должно говорить неразумнаго противъ Христа, но и въ тайнѣ сердца не должно

помышлять ничего нечестиваго, ничего богохульнаго, хотя бы мы и удручались различными испытаніями И такъ какъ мы обязаны и ближняго любить такъ же, какъ Христа, ибо *возлюбиши Господа Бога твоего и ближняго твоего, яко самъ себе*: то намъ повелѣвается, чтобы, кромѣ Царя, мы легкомысленно не поносили и святыхъ и язвительнымъ языкомъ не грызли тѣхъ, кого увидимъ обогатившимися мудростью, знаніемъ и добродѣтелями: потому что ангелы, которые обходятъ землю, которые суть служебные духи и которые говорятъ у Захаріи: *обыдохомъ всю землю, и се вся земля населена есть, и молчитъ* (Захар. 1, 11),—ангелы, на подобіе птицъ, доносятъ на небо слова и помышленія наши, и отъ вѣдѣнія Божія не сокрыто что̀ мы помышляемъ въ тайнѣ.

Глава XI. Ст. 1. *Бросай хлѣбъ твой на лице воды, потому что по прошествіи многихъ дней найдешь его.* Увѣщеваетъ къ милостынѣ, что всякому просящему нужно давать и благотворить безъ разбора. Ибо какъ сѣющій во влажную почву ожидаетъ плода отъ своего посѣва: такъ сѣетъ и дающій бѣднымъ; и сѣетъ онъ не зерна сѣмянъ, а самый хлѣбъ, и потому ожидаетъ умноженія своего посѣва съ большимъ приростомъ; и когда наступитъ день суда, онъ получитъ гораздо больше, чѣмъ сколько давалъ. Иначе: въ какомъ бы человѣкѣ ты не увидѣлъ ту воду, о которой говорится: *рѣки отъ чрева его истекутъ воды живы* (Іоан. 7, 38),—не тяготись дать ему хлѣбъ мудрости, хлѣбъ разумный, хлѣбъ слова. Ибо если ты будешь часто дѣлать это, то найдешь, что ты не напрасно бросалъ сѣмена ученія. Нѣчто подобное, я полагаю, сказано и у Исаіи: *блажени сѣющіи при всякой водѣ, идѣже волъ и оселъ попираетъ* (Ис. 22, 20),—что долженъ быть признаваемъ достойнымъ блаженства тотъ учитель, который

сѣетъ на орошенное сердце слушателей, собранныхъ изъ Іудеевъ ли, или изъ язычниковъ.

Ст. 2. *Давай часть семи и даже осьми, потому что не знаешь, какая бѣда будетъ на землѣ.* И у Іезекіиля при входѣ въ храмъ упоминается семь и восемь ступеней (Іез. 40, 26—31). И послѣ онаго ѳѳическаго псалма, то есть сто восьмнадцатаго, приводится пятнадцать степеней, по которымъ сначала мы поучаемся въ законѣ, а потомъ, по исполненіи седмиричнаго числа, чрезъ осьмерицу восходимъ къ Евангелію. Итакъ, заповѣдуется, чтобы мы съ равнымъ благоговѣніемъ вѣровали въ оба завѣта, то есть, какъ ветхій, такъ и новый. Іудеи дали часть семи, вѣруя субботѣ; но не дали осьми, отвергая воскресеніе дня Господня. Напротивъ еретики Маркіонъ, Манихей и всѣ неистово терзающіе ветхій завѣтъ даютъ часть осьми, принимая Евангеліе, но не даютъ этой части въ седмеричномъ числѣ, отвергая ветхій завѣтъ. Мы же будемъ вѣровать и тому и другому завѣту. Ибо мы и мыслію не можемъ теперь представить достойныхъ мукъ и достойнаго наказанія, какія предназначены живущимъ на землѣ, Іудеямъ и еретикамъ, отвергающимъ одинъ изъ двухъ завѣтовъ. Еврей, это мѣсто понимаетъ такъ: соблюдай и субботу и обрѣзаніе, чтобы не постигло тебя неожиданное бѣдствіе, если почему нибудь не будешь дѣлать этого.

Ст. 3. *Если облака будутъ наполнены, то они прольютъ дождь на землю. И если упадетъ дерево на югъ или на сѣверъ, то на мѣстѣ, гдѣ оно упало, тамъ и будетъ.* Храни выше предписанныя тебѣ заповѣди, чтобы облака проливали на тебя дождь свой. Ибо, гдѣ бы ты ни приготовилъ себѣ мѣсто и будущее жилище, на югѣ ли, или на сѣверѣ, тамъ, когда умрешь, ты и останешься. Иначе: потому выше мы сказали: *бросай хлѣбъ твой на лицо воды и давай всякому просящему у тебя*, что и

облака, когда наполнятся, раздаютъ свое богатство смертнымъ, и ты, какъ дерево, хотя бы былъ и долговѣченъ, не будешь существовать вѣчно, но вдругъ поверженный бурею, какъ бы вѣтровъ,—смерти, куда упадешь, тамъ навсегда и останешься, застигнетъ ли тебя послѣдній день жестокимъ и безчувственнымъ, или милостивымъ и милосердымъ. Иначе: въ Псалмѣ говорится къ Богу: *истина Твоя до облакъ* (Псал. 35, 6) и у Исаіи согрѣшившему винограднику Богъ угрожаетъ: *облакомъ заповѣмъ, еже не одождити на него дождя* (Ис. 5, 6). Итакъ, облака—это пророки и всякій мужъ святой, который собравши въ сердцѣ своемъ много познаній, будетъ въ состояніи дождить учительныя наставленія и говорить: *да чается, яко дождь, вѣщанія мое* „и слова мои да изольютъ дождь на землю“ (Второз. 32, 2), о которой сказано: „да внемлетъ земля словамъ устъ моихъ“. Относительно дальнѣйшаго: и если упадетъ дерево на югъ, или на сѣверъ, то на мѣстѣ, гдѣ оно упало, тамъ и будетъ, представимъ то мѣсто изъ Аввакума, о которомъ написано: *Богъ изъ Ѳемана пріидетъ,* чтó другіе переводчики передали словами: *Богъ отъ юга пріидетъ.* И насколько я знаю, югъ всегда принимается въ добрую сторону, почему и въ Пѣсни Пѣсней говорится: *возстани*, то есть отступи, отойди *сѣвере*, *и гряди юже.* Итакъ, дерево, которое упадетъ въ этой жизни и по закону смерти будетъ срублено, дерево это или грѣшило, пока стояло, и потому впослѣдствіи будетъ положено на сѣверной сторонѣ, или, если оно принесло плоды достойные юга, то будетъ лежать на сторонѣ южной. И нѣтъ никакого дерева, которое не лежало бы или на сѣверъ, или на югъ. Тоже самое означаетъ и написанное у Исаіи: *реку сѣверу: приведи*, *и Ливу: не возбраняй* (Ис. 43, 6). Западному и восточному вѣтру никогда не повелѣвается приводить, потому что тѣ кои могли бы быть приведены на востокъ и западъ, должны

находиться въ другихъ странахъ (т. е. на сѣверѣ и югѣ). Итакъ, сѣверный вѣтеръ приводитъ своихъ обитателей къ западу, а африканскій (южный)—къ востоку. Ибо они не могутъ оказывать пользу, если остаются въ прежнихъ мѣстахъ.

Ст. 4. *Кто наблюдаетъ вѣтеръ, тотъ не будетъ сѣять, и кто смотритъ на облака, тотъ не будетъ жать.* Кто смотритъ на то, кому благодѣтельствуетъ и не даетъ всякому просящему у него, тотъ часто обходитъ достойнаго подаянія (Лук. 6, 30). Иначе: кто проповѣдуетъ слово Божіе лишь въ то время, когда народъ охотно слушаетъ и когда проповѣдникъ пользуется благопріятнымъ мнѣніемъ, тотъ есть сѣятель нерадивый и земледѣлецъ лѣнивый. Ибо, и среди семыхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, безъ нашего вѣдома, возникаютъ неблагопріятныя. Но слово Божіе должно быть проповѣдуемо своимъ порядкомъ благовременно и безвременно (2 Тим. 4, 2), и во время вѣры не должно смотрѣть на бурю противныхъ тучъ, о которой говорится въ Притчахъ: *якоже дождь сильный не полезенъ: тако оставившіи законъ хвалятъ нечестіе* (Притч. 28, 3—4). Итакъ, должно сѣять и во время бурь не смотря на тучи и не страшась вѣтровъ, и не должно говорить: то время удобно, а это не удобно, когда мы не знаемъ, каковъ путь и какова воля всеустрояющаго Духа.

Ст. 5. *Какъ ты не знаешь пути духа, и какъ кости во чревѣ беременной: такъ не знаешь дѣлъ Божіихъ, который дѣлаетъ все.* Какъ не знаешь пути духа и души входящей въ младенца, и не знаешь различныхъ состояній костей и венъ во чревѣ беременной, не знаешь, ка̀къ изъ ничтожной частицы тѣло человѣческое образуется въ различныя формы и члены, ка̀къ изъ одного и того же сѣмени одно дѣлается мягкими мускулами, другое

отвердѣваетъ въ кости, иное превращается въ бьющіяся вены, а иное связывается въ нервы: такъ не можешь знать дѣлъ Божіихъ, Который есть творецъ всего. Научаетъ этимъ, что не должно бояться неблагопріятныхъ обстоятельствъ и что неразумно разсуждать о вѣтрахъ и тучахъ, о которыхъ мы сказали выше;—неразумно, потому что сѣятель долженъ идти своимъ размѣромъ и поступью, а результатъ предоставлять волѣ Господа. Ибо *ни хотящаго, ни текущаго, но милующаго Бога* (Рим. 9, 16).

Ст. 6—8. *Утромъ сѣй сѣмя твое, и вечеромъ не опускай руки твоей; потому что ты не знаешь, что будетъ угодно это или то, хотябы и то и другое было одинаково хорошо. И сладокъ свѣтъ, и хорошо для глазъ видѣть солнце: ибо если и много лѣтъ проживетъ человѣкъ, то пусть онъ веселится впродолженіи всѣхъ ихъ, пусть помнитъ о дняхъ тмы, потому что ихъ будетъ очень много. Все, что будетъ, суета.* Не разбирай, кому благодѣтельствовать; но и когда будешь благотворить, никогда не останавливайся въ добромъ дѣлѣ. Правду утреннюю пусть застаетъ и вечеръ, и вечернее милосердіе пусть восполняется и при восходѣ солнца. Ибо неизвѣстно, какое дѣло болѣе угодно Богу и изъ какого уготовляется тебѣ плодъ праведности, хотя можетъ случиться, что не одно, но и то и другое угодно Богу. Иначе: и въ юности и въ старости у тебя долженъ быть одинаковый подвигъ. Не говори: я трудился, пока могъ; долженъ отдохнуть въ старости. Ибо не знаешь ты, въ юности ли или въ долголѣтнемъ зрѣломъ возрастѣ ты угодишь Богу. И не приноситъ пользы воздержаніе въ юности, если старость проводится въ излишествахъ. Ибо въ какой бы день ни согрѣшилъ праведный, прежнія добродѣтели его не смогутъ избавить его отъ смерти. Если, согласно съ тѣмъ и другимъ толкованіемъ, ты будешь благотворить постоянно и во

всякомъ возрастѣ будешь имѣть одинаковый подвигъ, то узришь Бога Отца—сладчайшій свѣтъ, узришь Христа,—солнце правды. Далѣе, если проживешь много лѣтъ, будешь имѣть всѣ блага, или исполнишь добрыя дѣла, если будешь помнить постоянно о смерти и предъ глазами твоими постоянно будетъ предноситься наступленіе тьмы: то ты достигнешь презрѣнія къ настоящему какъ скоропреходящему, непрочному и тлѣнному. Симмахъ конецъ этой мысли перевелъ такъ: *если человѣкъ поживетъ много лѣтъ и въ продолженіе всѣхъ ихъ будетъ веселиться, то онъ долженъ помнить и о дняхъ тьмы; ибо они будутъ многіе и въ продолженіе всѣхъ ихъ наступитъ то, что онъ существовать не будетъ.* Иначе: въ другомъ мѣстѣ Писанія Богъ даетъ обѣтованіе говоря: *дамъ вамъ дождь ранній и поздній* (Второз. 11, 14), то есть Ветхій Завѣтъ и Новый. Поэтому теперь мы получаемъ наставленіе такъ читать Ветхій Завѣтъ, чтобы не унижать Евангелія, въ Ветхомъ Завѣтѣ искать духовнаго смысла такъ, чтобы не думать, что у евангелистовъ и апостоловъ говорится только то, что даетъ буква. Ибо мы не знаемъ, въ которомъ завѣтѣ болѣе дается намъ отъ Бога знанія и благодати, и блаженъ тотъ, кто оба завѣта соединитъ въ одно и сдѣлаетъ какъ бы однимъ тѣломъ. Кто достигнетъ этого, тотъ узритъ свѣтъ, узритъ Христа—солнце правды, и если онъ проживетъ очень много лѣтъ, то имѣя знаніе Писаній, будетъ проводить жизнь въ высочайшей радости и наслажденіи и къ этому труду своему особенно будетъ побуждаться памятованіемъ будущаго суда, потому что наступитъ нескончаемое время тьмы, и вѣчныя муки уготовляются тѣмъ, которые не сѣяли утромъ и вечеромъ, не соединяли того и другаго (завѣта) и не видѣли ни свѣта, ни Солнца, отъ котораго исходитъ самый свѣтъ.

Глава XII. Ст. 1—3[1]. *Веселись, юноша, въ юности твоей, и да будетъ во благѣ сердце твое во дни юности твоей, и ходи по путямъ сердца твоего и по видѣнію очей твоихъ. И знай, что за все это приведетъ тебя Богъ на судъ, и удаляй гнѣвъ отъ сердца твоего, и отнимай злое отъ плоти твоей, потому что юность и глупость суета. И помни Создателя твоего во дни юности твоей, доколѣ не придутъ дни злобы и не приближутся годы, въ которые будешь говорить: „нѣтъ мнѣ въ нихъ удовольствія"*. Въ объясненіи этого отдѣла всѣ толкователи разногласятъ между собою, и существуетъ почти столько воззрѣній, сколько лицъ. Поэтому, такъ какъ разбирать мнѣнія всѣхъ ихъ было бы долго и приводить доказательства, какими они хотѣли подтвердить свои мнѣнія, было бы дѣломъ почти цѣлой книги: то для благоразумныхъ пусть будетъ достаточно только намѣтить эти воззрѣнія, представить ихъ въ сжатомъ сокращеніи и какъ бы на небольшой картѣ нарисовать мѣстоположеніе странъ, широту всей вселенной и предѣлы океана.

Евреи думаютъ, что наставленіе относится къ Израилю, которому повелѣвается пользоваться своимъ богатствомъ, доколѣ не наступитъ для него время плѣна и юность его не смѣнится старостью; повелѣвается, чтобы все, что ни увидитъ онъ усладительнымъ и пріятнымъ для сердца ли или для глазъ, этимъ, пока оно въ его распоряженіи, онъ пользовался бы, — такъ однако же, чтобы помнилъ, что за все это онъ будетъ судимъ, и избѣгалъ бы какъ злыхъ помы-

---

[1] Въ славянской библіи, какъ у Семидесяти, XII глава начинается двумя стихами ниже со словъ: *И помни Создателя твоего.* Мы удерживаемъ раздѣленіе бл. Іеронима.

словъ, такъ и похотей, зная, что съ юностью соединяется неразуміе и помнилъ бы всегда о Творцѣ своемъ, пока не наступятъ дни Вавилонскаго и Римскаго плѣна, въ которыхъ онъ не будетъ имѣть удовольствія. И все это мѣсто отъ словъ: *доколѣ не померкли солнце, и луна, и звѣзды*, до того мѣста, гдѣ Писаніе говоритъ: *и возвратится прахъ въ землю свою, какъ онъ былъ, и духъ возвратися къ Господу, Который далъ его*,—объясняютъ въ отношеніи къ судьбамъ своей исторической жизни. Такъ какъ толкованія эти, какъ мы выше сказали, сложны и пространны, то мы коснемся ихъ сжато и кратко. Итакъ, веселись, Израиль, въ юности твоей и дѣлай то или то, о чемъ уже сказано, пока не наступилъ плѣнъ, пока не отступила отъ тебя честь и слава твоя и не отняты святые твои (которыхъ хотятъ они разумѣть подъ солнцемъ луною и звѣздами); пока не пришелъ Навуходоносоръ или Титъ, сынъ Веспасіана, призванный пророками, и пока не исполнись ихъ пророчества,—не исполнились въ тотъ день, когда удалятся ангелы, стражи храма, и смутятся всѣ самые крѣпкіе въ войскѣ твоемъ, когда умолкнутъ слова учителей и померкнутъ пророки, обычно получавшіе съ неба свѣтъ видѣній своихъ, когда заключатся двери храма и униженъ будетъ Іерусалимъ, и придетъ Халдей, накликанный голосомъ Іереміи, какъ бы пѣніемъ птицы, и умолкнутъ дщери пѣсни — хоры поющихъ въ храмѣ; въ то время, когда приходящіе въ Іерусалимъ, даже самые враги, убоятся величія Божія и устрашатся погибели Сеннахериба на пути сомнительномъ (Ис. гл. 37); ибо это разумѣютъ они въ сказанномъ: *и отъ высоты убоятся и устрашатся на пути* (Еккл. 12, 5). Въ тѣ дни *зацвѣтетъ миндаль*,— тотъ посохъ или жезлъ, который Іеремія видѣлъ въ началѣ своего пророчества, и *отяжелѣетъ кузнечикъ и разсыплется каперсъ*,—содружество Бога съ Израилемъ Что

значитъ *каперсъ*, объяснимъ подробнѣе, когда будемъ говорить о всемъ порознь. Все это произойдетъ съ Израилемъ, потому что отойдетъ человѣкъ въ домъ вѣчности своей и помощію Божіею возвратится на небо, и при отходѣ его въ домъ свой окружатъ его на улицѣ плачущіе и рыдающіе, окруженные вражескою осадою. Итакъ, веселись, Израиль, въ юности твоей, *доколѣ не порвалась серебряная цѣпочка*, то есть пока слава ваша съ вами, *доколѣ не разорвалась золотая повязка*,—доколѣ, то есть, не отнятъ ковчегъ завѣта; пока *не разбился кувшинъ у источника и не обрушилось колесо надъ водоемомъ*,—пока, то есть во Святомъ Святыхъ есть заповѣди закона и благодать Святаго Духа, пока ты не возвратишься въ Вавилонъ, откуда ты вышелъ въ чреслахъ Авраама, пока не будешь ты подъ игомъ въ Месопотаміи, откуда нѣкогда вышелъ, и пока всякая благодать пророчества, какою нѣкогда ты былъ вдохновленъ, не возвратится къ своему Подателю Вотъ какъ и до сихъ поръ объясняютъ это Іудеи, примѣняя къ себѣ смыслъ этого отдѣла.

А мы, возвращаясь къ прежнему порядку толкованія, постараемся объяснить все въ отдѣльности. *Веселись, юноша, въ юности твоей, и да будетъ во благѣ сердце твое во дни юности твоей, и ходи въ путяхъ сердца твоего и по видѣнію очей твоихъ. И знай, что за все это приведетъ тебя Богъ на судъ.* Говорилъ, что свѣтъ міра сего весьма сладокъ, что человѣкъ долженъ радоваться во дни жизни своей и со всякою заботою срывать удовольствія, потому что наступитъ ночь вѣчной смерти, когда нельзя пользоваться собраннымъ, и потому что все, что мы имѣемъ, преходитъ какъ тѣнь. Съ тѣмъ же увѣщаніемъ и теперь обращается къ человѣку и говоритъ: о юноша, прежде чѣмъ настанетъ для тебя старость и смерть, веселись въ юности твоей и бери, пользуйся какъ

угодно предметами міра, всѣмъ, что кажется тебѣ добрымъ для сердца и пріятнымъ по виду. Но, чтобы не подумали что говоря это, онъ призываетъ человѣка къ наслажденіямъ и склоняется къ ученію Епикура, отклоняетъ это предположеніе, присовокупляя: *и знай, что за все это приведетъ тебя Богъ на судъ.* Пользуйся, говоритъ, предметами міра такъ, чтобы помнить, что въ концѣ концовъ ты будешь судимъ. *И удаляй гнѣвъ отъ сердца твоего, и устраняй злое отъ плоти твоей, потому что юность и глупость—суета.* Въ понятіи гнѣва обнимаетъ всѣ волненія духа, а злымъ плоти обозначаетъ всѣ тѣлесныя наслажденія. Итакъ, пользуйся, говоритъ, благами міра сего такъ, чтобы не грѣшить пожеланіемъ ли или плотію. Оставь прежніе пороки, которыми въ юности служилъ ты суетѣ и глупости, потому что юность соединена съ неразуміемъ. *И помни Создателя твоего во дни юности твоей, доколѣ не пришли дни злые и не приблизились годы, въ которые ты будешь говорить: „нѣтъ мнѣ въ нихъ удовольствія“.* Всегда памятуй о Создателѣ твоемъ и такъ проходи путь юности твоей, чтобы помнить о конечной смерти, пока не наступитъ для тебя то время, когда постигнутъ тебя различныя горести.

Ст. 4. *Доколѣ не померкли солнце и свѣтъ, и луна и звѣзды, и не возвратились тучи послѣ дождя.* Если мы принимаемъ это въ отношеніи къ общей кончинѣ міра, то этотъ отдѣлъ соотвѣтствуетъ словамъ Господа, въ которыхъ онъ говоритъ: *будетъ тогда скорбь велія,якова же не была отъ начала міра доселѣ, ниже имать быти. Солнце померкнетъ, и луна не дастъ свѣта своего, и звѣзды спадутъ съ небесе, и силы небесныя подвигнутся.* (Матѳ. 24, 21—29). Сіи-то силы небесныя и суть стражи дома, подъ коимъ разумѣется міръ сей; а мужи силы—это падшія и имѣющія быть разсѣянными про-

тивныя силы. Если же здѣсь говорится о частной кончинѣ каждаго при концѣ этой жизни: то и солнце, и луна и звѣзды, и облака, и дожди перестанутъ существовать для того, кто умретъ. Иначе: веселись, юноша, т. е. народъ христіанскій, и наслаждайся благами, какія даны тебѣ Богомъ: но знай, что во всемъэтомъ ты будешь призванъ Господомъ на судъ. И не думай, что прежнія вѣтви сломаны и что ты привитъ къ корню доброй маслины, а потому безопасенъ; но удаляй гнѣвъ отъ сердца твоего, а отъ тѣла—удовольствія, и оставивъ прочіе пороки, помни о Творцѣ своемъ, доколѣ не насталъ для тебя день злой и непоправимый, на который грѣшникамъ уготовлены муки, помни, чтобы для тебя, согрѣшившаго, не зашло въ полдень солнце правды, не погибъ свѣтъ вѣдѣнія,—не прекратился блескъ луны, то есть церкви, и не зашли звѣзды, о которыхъ написано: *въ нихъ же являетеся яко свѣтила въ мірѣ слово животно придержаще* (Фил. 2, 15). и въ другомъ мѣстѣ: *звѣзда отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ* (Кор. 15, 41). *Доколѣ не возвратятся тучи послѣ дождя*,—чтобы пророки, орошающіе сердца вѣрующихъ своимъ словомъ и своими дождями, признавъ тебя недостойнымъ дождя своего, не возвратились къ мѣсту своему, то есть къ Тому, отъ Кого они были посланы.

Ст. 5. *Въ тотъ день, когда поколеблются стражи дома, и погибнутъ мужи силы.* Подъ стражами дома разумѣются или солнце и луна и прочій хоръ звѣздъ, или ангелы, служащіе всему міру. А подъ мужами силы, или *сильными*, какъ перевелъ Симмахъ, которые погибнутъ, или, какъ перевелъ Акила, *будутъ заблуждаться*, разумѣются демоны, отъ сильнаго діавола и сами получившіе имя сильныхъ. Господь, побѣдивъ и связавъ діавола, по притчѣ евангельской, опустошаетъ домъ его (Лук. 11. 22). Иначе:

тѣ, кои все написанное здѣсь относятъ къ тѣлу человѣческому, думаютъ, что подъ стражами дома разумѣются кости, такъ какъ ими окружены всѣ внутренности и охраняются всѣ мягкія части желудка; мужами же сильными признаютъ голени, а подъ солнцемъ, луною и звѣздами разумѣютъ глаза, уши, ноздри и всѣ чувства головы. Это потому, что ниже они вынуждаются необходимостью относить дальнѣйшее не къ ангеламъ и демонамъ, не къ солнцу, лунѣ и звѣздамъ, а къ членамъ человѣческимъ.

И перестанутъ молоть мелющіе, потому что они уменьшились, и помрачатся смотрящіе въ отверстіяхъ. При кончинѣ міра, когда охладѣетъ любовь многихъ и сократятся въ числѣ души учителей, способныя подавать вѣрующимъ небесную пищу, и когда онѣ будутъ перенесены на небеса, тогда тѣ, кои въ мірѣ семъ отчасти видѣли свѣтъ вѣдѣнія, начнутъ окружаться тьмою. Ибо если Моисею говорится: *положу тя въ разсѣлинѣ камене и тогда узриши задняя моя* (Исх. 33, 22): то не тѣмъ ли болѣе всякая душа видитъ истину чрезъ отверстіе и чрезъ нѣкія темныя скважины? Иначе: это тѣ двѣ мелющія, о которыхъ Евангеліе говоритъ, что одна поемлется, а другая оставляется, которыя, когда уменьшатся въ числѣ и перестанутъ работать, то по необходимости отнимается отъ очей всякій свѣтъ вѣдѣнія. Иначе: думаютъ, что *перестанутъ молоть мелющіе, потому что они уменьшились* сказано о зубахъ,—что когда наступитъ глубокая старость, то и зубы, перемалываемая которыми пища переходитъ въ желудокъ, или стираются, или выпадаютъ; а слова: *помрачатся смотрящіе въ отверстіяхъ* понимаютъ въ отношеніи къ глазамъ,—что у людей престарѣлыхъ слѣпнутъ глаза и помрачается взоръ.

Ст. 6. *И запрутъ двери на улицѣ въ униженіи голоса мелющаго; и будетъ вставать на голосъ птицы;*

и онѣмѣютъ всѣ дщери пѣнія. Когда голосъ мелющаго ослабѣетъ, прекратится ученіе учителей и мало по малу прекратится все: то, между прочимъ, запрутся и двери на улицѣ, такъ что, по евангельскимъ дѣвамъ юродивымъ (Матѳ. 25), каждый будетъ имѣть запертыми двери свои на улицу, и онѣ не въ состояніи будутъ купить елея. Или: для дѣвъ юродивыхъ, обходящихъ улицы, запрутъ двери чертога вошедшія съ женихомъ; ибо если узокъ и тѣсенъ путь ведущій къ жизни, а широкъ и пространенъ ведущій къ смерти (Матѳ. гл. 7), то поистинѣ, по охлажденіи любви многихъ, запирается на улицахъ дверь ученія. А слѣдующимъ стихомъ, въ которомъ сказано: *и будетъ вставать на голосъ птицы*, или *воробья*, будемъ пользоваться въ то время, когда увидимъ, что грѣшникъ, по голосу епископа или пресвитера, возстаетъ чрезъ покаяніе. Внѣ связи съ контекстомъ этого отдѣла, это можетъ быть принимаемо и въ отношеніи къ послѣднему воскресенію, когда, по голосу архангела, воскреснутъ мертвые. И не должно дивиться, если трубу ангела мы приравниваемъ къ воробью, когда всякій голосъ, по сравненію съ Христомъ, слабъ. И насколько я могу припомнить, я не знаю, чтобы я когда либо читалъ, что воробей принимается въ дурную сторону. Праведный говоритъ въ десятомъ псалмѣ: „на Господа уповаю я: какъ вы говорите душѣ моей: переселись въ гору какъ воробей“ (Псал. 10, 1) и въ другомъ мѣстѣ: „я бодрствовалъ и былъ какъ воробей одинокій на кровлѣ“ (Псал. 101, 8) и еще въ иномъ мѣстѣ: „ибо воробей нашелъ себѣ домъ (Псал. 83, 4). Иначе: подъ запертыми на улицахъ дверями хотятъ разумѣть разслабленіе ногъ у старика,—что онъ постоянно сидитъ и не можетъ ходить. А униженіе голоса мелющаго толкуютъ въ отношеніи къ челюстямъ, что старикъ не можетъ пережевывать пищу и что при стѣсненномъ дыханіи едва слышенъ его слабый

голосъ. Далѣе тѣмъ, что онъ встаетъ на голосъ птицы, показываетъ, что старикъ, когда у него уже охладѣетъ кровь и высохнутъ влаги, каковыми веществами поддерживается сонъ, пробуждается при легкомъ звукѣ, и среди ночи, какъ только запоетъ пѣтухъ, поспѣшно встаетъ, не будучи въ состояніи на постелѣ поворачивать своихъ членовъ. Словами же: *онѣмѣютъ*, или, какъ лучше стоитъ въ еврейскомъ, *оглохнутъ дщери пѣнія*, обозначаетъ уши,—что слухъ стариковъ дѣлается тяжелъ, что они не могутъ понимать различія звуковъ и наслаждаться пѣніемъ, какъ говоритъ это и Верцеллай Давиду, не желая переходить Іорданъ.

Ст. 7. *Но и высотъ убоятся, и устрашатся на пути.* То есть не будутъ въ состояніи проходить неудобныя мѣста, и разслабленными ногами и неровною поступью не твердо держась даже и на гладкомъ пути, будутъ бояться преткновенія.

И зацвѣтетъ миндаль и отяжелѣетъ кузнечикъ и разсыплется каперсъ; потому что пойдетъ человѣкъ въ домъ вѣчности своей, и окружатъ его на улицѣ плачущіе. И теперь рѣчь Екклезіаста метафорически говоритъ о членахъ человѣческихъ, что когда наступитъ старость, посѣдѣютъ волосы, опухнутъ ноги, охладѣетъ похоть и человѣкъ будетъ разрушенъ смертью, тогда возвратится въ землю свою и въ домъ вѣчности своей—во гробъ, и при совершеніи погребенія, предъ гробомъ будетъ идти толпа плачущихъ. А слова: *зацвѣтетъ миндаль*, что̀ мы объяснили въ смыслѣ сѣдинъ, нѣкоторые толкуютъ въ отношеніи къ сгорбленному положенію стариковъ,—что, то есть, по уменьшеніи мягкихъ частей сидѣнья, у нихъ развивается и усиливается разслабленіе позвоночнаго хребта (sacra spina). Далѣе, относительно сказаннаго: *отяжелѣетъ кузнечикъ* слѣдуетъ знать, что тамъ гдѣ въ нашихъ спискахъ читается *кузнечикъ*, у Евреевъ стоитъ aagab,

слово имѣющее у нихъ двоякое значеніе, потому что можетъ быть переводимо и *пята* и *кузнечикъ*. Итакъ подобно тому, какъ въ началѣ книги Іеремiи слово soced, при различномъ произношеніи, значитъ и *орѣхъ* и *стража*, и говорится ему: „что ты видишь, Іеремія? и онъ отвѣчалъ: жезлъ орѣховый“, и сказалъ ему Господь: „хорошо ты видѣлъ, ибо я буду бодрствовать надъ словомъ моимъ, чтобы сдѣлать то или то (Іер. 1, 11),—какъ въ этихъ словахъ то, что Богъ будетъ бодрствовать и воздастъ народу по заслугамъ, стоитъ въ связи съ этимологіей слова означающаго *орѣхъ*, и это послѣднее даетъ основаніе для мысли: такъ и теперь двоякое значеніе слова по этимологіи указываетъ на опухшія и отяжелѣвшія отъ влагъ подагры ноги стариковъ, не потому что у всѣхъ стариковъ это бываетъ, но потому, что это часто случается, — отъ части синекдохически обозначается цѣлое. А тамъ, гдѣ у насъ стоитъ *каперсъ*, въ Еврейскомъ стоитъ *abiona*, что также двусмысленно и переводится: *любовь, желаніе*, *похоть* и—*каперсъ*: и этимъ обозначается, какъ мы сказали выше, что у стариковъ охладѣваетъ похоть и разслабляются органы соединенія. Это оттого, что слова эти двусмысленны и буквально означая *миндаль, кузнечикъ и каперсъ*, въ непрямомъ значеніи указываютъ на другое, фигурально примѣняются къ понятіямъ, соотвѣтствующимъ старческому возрасту. Нужно знать также, что тамъ, гдѣ Семдесятъ Толковниковъ поставили: *миндаль*, стоитъ тоже самое слово *soced*, которое находится въ началѣ книги Іеремiи, только тамъ переведено: *орѣхъ*, а здѣсь *миндаль*. Симмахъ, не знаю что разумѣя въ этомъ мѣстѣ, перевелъ его значительно иначе, поставивъ: *кромѣ этого, и съ высоты увидятъ, и страхъ будетъ на пути, и заснетъ бодрствующій, и разрушится сила духа. Ибо пойдетъ человѣкъ въ домъ вѣчности своей, и окружатъ на улицѣ плачущіе.*

Лаодикіецъ, послѣдовавшій его переводу, не можетъ нравиться ни Іудеямъ, ни христіанамъ, когда онъ далекъ отъ Евреевъ и не хочетъ слѣдовать и Семидесяти Толковникамъ.

Ст. 8—10. *Доколѣ не порвется серебряная цѣпочка, и не возвратится золотая повязка, и не разобьется кувшинъ у источника, и не обрушится колесо надъ водоемомъ. И возвратится прахъ въ землю свою, какъ былъ, и духъ возвратится къ Богу, Который далъ его. Суета суетъ, сказалъ Екклезіастъ, все суета.* Возвращается къ прежнему, и послѣ большаго отступленія, (вставленнаго съ того мѣста, гдѣ говоритъ: *и помни Создателя твоего во дни юности твоей: доколѣ не придутъ дни злобы и доколѣ не померкнетъ солнце и луна* и прочее *въ день, въ который поколеблются стражи дома)*, начатую мысль заключаетъ теперь подобнымъ же окончаніемъ, говоря: *доколѣ не порвется серебряная цѣпочка* и не произойдетъ то-то и то-то. Серебряная цѣпочка означаетъ эту свѣтлую жизнь и дыханіе, которое дается намъ съ неба; а возвращеніе золотой повязки обозначаетъ душу, которая возвращается туда, откуда сошла. Далѣе, два дальнѣйшія выраженія — сокрушеніе кувшина надъ источникомъ и разбитіе колеса надъ водоемомъ — суть метафорическіе символы смерти. Ибо какъ кувшинъ разбитый перестаетъ черпать, и колесо, которымъ изъ пруда, водоема и колодцевъ поднимается вода, если будетъ разбито или, какъ поставили Семьдесятъ толковниковъ, *запутается въ своей веревкѣ*, то прерывается пользованіе водою: такъ и тогда, когда будетъ порвана серебряная цѣпочка и потокъ души возвратится къ источнику, человѣкъ погибнетъ, или, какъ яснѣе говорится далѣе: *возвратится прахъ въ землю свою, откуда взятъ, а духъ возвратится къ Господу, Который далъ его*. Изъ этихъ словъ оказываются весьма достойными

смѣха тѣ, кои думаютъ, что души сѣются съ тѣлами и раждаются не отъ Бога, а отъ душъ родителей. Ибо, если плоть возвращается въ землю, а духъ возвращается къ Богу, Который далъ его, то очевидно, что Богъ есть производитель душъ, а не люди. Изобразивъ смерть человѣческую, прекрасно повторяетъ начальныя слова своей книги и говоритъ: *суета суетъ, сказалъ Екклезіастъ, все суета.* Ибо, если весь трудъ смертныхъ, о которомъ разсуждалось во всей этой книгѣ, сводится къ тому, что прахъ возвращается въ землю свою, а душа возвращается туда, откуда взята: то трудиться въ вѣкѣ семъ и добиваться того, что не принесетъ никакой пользы—дѣло великой суеты.

Ст. 11—12. *И болѣе того, что Екклезіастъ сдѣлался мудрымъ: онъ еще научилъ народъ знанію, заставилъ людей слушать, и изслѣдуя, составилъ притчи. Много изыскивалъ Екклезіастъ, чтобы найти слова удовольствія и писать право слова истины.* И теперь, въ концѣ своего произведенія, Соломонъ заявляетъ о своей мудрости, которою онъ превзошелъ весь родъ человѣческій,—говоритъ, что онъ не удовлетворялся правилами древняго закона, но погружался далѣе въ глубокіе вопросы и для наставленія народа составилъ притчи и иносказанія, иное содержащія въ сердцевинѣ, и иное представляющія на поверхности. И изъ евангелій мы узнаёмъ, что притчи означаютъ не то, что говоритъ ихъ буквальный смыслъ,—что Господь говорилъ народу въ притчахъ и иносказаніяхъ, а наединѣ апостоламъ разрѣшалъ ихъ. Изъ этого видно, что и книга Притчей содержитъ не ясныя наставленія, какъ думаютъ простецы, но какъ въ землѣ отъискивается золото, въ орѣхѣ ядро, въ шероховатой скорлупѣ каштановъ скрытый плодъ: такъ и въ нихъ слѣдуетъ искать глубже божественный смыслъ. Кромѣ этого присовокупилъ, что онъ хотѣлъ постигнуть причины и сущность вещей, намѣреніе

и разумъ Божій, хотѣлъ дознать, почему или какимъ образомъ сотворено все, такъ что то, что Давидъ чаетъ узрѣть по разрѣшеніи отъ тѣла и возвращеніи души на небо, говоря: *узрю небеса дѣла перстъ Твоихъ* (Псал. 8, 4), это Соломонъ силился постигнуть теперь въ настоящей жизни, чтобы истину вѣдомую одному Богу, обнялъ умъ человѣческій, заключенный въ оболочкѣ тѣла.

Ст. 13 *Слова мудрыхъ какъ рожны и какъ гвозди, вбитые вверху; составителямъ они даны отъ единаго Пастыря.* Чтобы не показалось, что послѣ закона Божія, онъ вдругъ выступаетъ дерзновеннымъ учителемъ и принимаетъ на себя учительство, которое и Моѵсей принялъ не столько добровольно, сколько сначала вслѣдствіи гнѣвнаго повелѣнія, а потомъ вдохновенія Божія,—говоритъ, что слова его—слова мудрыхъ, которыя согрѣшающихъ наказываютъ на подобіе рожновъ и лѣностные шаги смертныхъ возбуждаютъ какъ колючіе шпоры, что они крѣпки какъ гвозди вбитые въ высокое и твердое мѣсто, и провозглашаются не во имя авторитета одного, а отъ собора и съ согласія всѣхъ учителей. И чтобы не пренебрегали человѣческою мудростію, говоритъ, что она дана отъ единаго Пастыря, то есть, что хотя учителей очень много, но виновникъ ученія одинъ—Господь. Мѣсто это говоритъ противъ тѣхъ, которые признаютъ иного Бога Ветхаго Завѣта и иного Бога Евангелія, свидѣтельствуя что единый Пастырь вразумилъ весь соборъ мудрыхъ. А мудрые—это какъ пророки, такъ и апостолы. Вмѣстѣ должно замѣтить и то, что говорится, что слова мудрыхъ колютъ, а не ласкаютъ, не нѣжно касаются пороковъ, но, какъ мы выше сказали, согрѣшающимъ и медлительнымъ на покаяніе причиняютъ боль и раны. Итакъ, если чье слово не колетъ, а служитъ къ удовольствію слушателей, то это не есть слово мудраго. Ибо слова мудрыхъ какъ рожны: они призываютъ согрѣшившаго къ обращенію, они тверды, даны отъ собора

святыхъ и сообщены отъ единаго пастыря и основаны на крѣпкомъ корнѣ. Думаю, что этимъ-то рожномъ прободенный на пути заблужденія не Павелъ, а еще Савлъ, услышалъ: *жестоко ти есть противу рожну прати* (Дѣян. 9, 5).

Ст. 14 *И сверхъ сего, отъ этого, сынъ мой, берегись: составленію многихъ книгъ нѣтъ конца, и многое размышленіе—трудъ для тѣла.* За исключеніемъ тѣхъ словъ, которыя даны отъ единаго Пастыря и одобрены соборомъ и согласіемъ мудрыхъ, не дѣлай ничего, не принимай на себя ничего, иди по слѣдамъ предковъ и не отступай отъ ихъ авторитета. Въ противномъ случаѣ, если ты будешь искать многаго, то явится безконечное множество книгъ, которое тебя самого увлечетъ въ заблужденіе и заставитъ напрасно трудиться читателя. Или учитъ, что нужно заботиться о краткости и обращать вниманіе болѣе на мысли, чѣмъ на слова, учитъ противъ философовъ и учителей вѣка сего, которые ложь своихъ ученій стараются доказывать пустыми фразами и многословіемъ. Напротивъ Божественное Писаніе ограничено въ тѣсномъ кругѣ и насколько широко мыслями, настолько сжато въ словесномъ выраженіи. Ибо завершенное и сокращенное слово изрекъ Богъ на землю, и слово Его близь есть, въ устахъ нашихъ и въ сердцѣ нашемъ (Рим. 10, 8, Втор. 30, 14). Иначе: частое чтеніе и постоянное размышленіе обыкновенно есть болѣе трудъ для души, чѣмъ для тѣла. Ибо какъ все что дѣлается руками и тѣломъ, выполняется трудомъ руки и тѣла: такъ то, что относится къ чтенію, есть трудъ болѣе ума. Отсюда, мнѣ кажется, сказанное выше о множествѣ книгъ слѣдуетъ понимать иначе, чѣмъ какъ думаютъ многіе. И совокупность многихъ книгъ, если онѣ согласны между собою и написаны объ одномъ и томъже предметѣ, Писаніе обыкновенно называетъ одною книгою, какъ напримѣръ Евангеліе и законъ Господень непорочный обращающій

души (Псал. 18, 8) называются въ единственномъ числѣ хотя евангелій много и много заповѣдей закона. Подобнымъ образомъ и та книга, о которой сказано въ рѣчи Исаіи, есть все Божественное Писаніе (Ис. 29, 18). И Іезекіиль и Іоаннъ съѣдаютъ одну книгу (Іез. 8 гл. Апок. 10 гл.); и Спаситель, предвозвѣщенный голосами всѣхъ святыхъ, сказалъ: *въ главизнѣ книжнѣ писано есть о мнѣ* (Псал. 39, 9). Примѣнительно къ такому, полагаю, смыслу и теперь заповѣдано, чтобы не было много книгъ. Ибо все, чтобы ты ни сказалъ, если оно относится къ Тому, Кто въ началѣ былъ у Бога и Богъ было Слово (Іоанн. 1, 2); то все это—одна книга, и безчисленныя книги называются однимъ закономъ и однимъ Евангеліемъ; а если будешь разсуждать о разномъ противоположномъ и съ излишнимъ любопытствомъ будешь направлять умъ туда и сюда, то и въ одной книгѣ окажется много книгъ. Поэтому и сказано: *отъ многословія не избѣжиши грѣха* (Притч. 10, 19). Такимъ книгамъ нѣтъ конца; ибо все доброе и истина заключаются опредѣленнымъ концомъ, а злое и ложь безъ конца, и чѣмъ больше они развиваются, тѣмъ большій нарождается рядъ злого и ложнаго. Занятіе и упражненіе въ этомъ дѣлѣ есть трудъ плоти; плоти, говорю, а не духа, ибо и духъ имѣетъ трудъ свой, соотвѣтствующій сказанному апостоломъ: *паче всѣхъ ихъ потрудихся: не азъ же, но благодать Божія, яже со мною* (1 Кор. 15, 10), и Спасителемъ: *утрудихся зовый* (Псал. 68, 4).

Ст. 15—16. *Конецъ рѣчи всего слова весьма удобенъ для слуха: Бога бойся и заповѣди его соблюдай. Ибо это есть всякій человѣкъ, потому что всякое дѣло Богъ приведетъ на судъ изъ всего сокровеннаго, хорошо ли оно, или худо.* Евреи говорятъ, что если бы между другими писаніями Соломона, которыя затеряны и не сохранились въ потомствѣ, и эта книга казалось бы достойною уничтоженія за то, что учитъ о суетѣ всѣхъ тварей,

все вмѣняетъ ни во что и предпочитаетъ всему пищу, питіе и преходящія наслажденія: то за эту одну главу она достойна того авторитета, чтобы быть поставленною въ числѣ Божественныхъ книгъ,—за то, что всѣ свои разсужденія, весь рядъ мыслей она объединила въ этомъ, такъ сказать, оглавленіи,—сказала, что конецъ ея рѣчей удобенъ для слуха и не содержитъ въ себѣ ничего труднаго, то есть чтобы мы боялись Бога и соблюдали Его заповѣди. На то и рожденъ человѣкъ, чтобы, разумѣя Творца своего, почиталъ Его страхомъ, благоговѣніемъ и исполненіемъ заповѣдей. Ибо, когда настанетъ время суда, тогда все, что ни сдѣлано нами, предстанетъ предъ Судію и ожидаетъ долго бывшаго сомнительнымъ приговора, и каждый получитъ за дѣло свое, сдѣлалъ ли онъ что либо худого, или добраго. А вмѣсто поставленнаго нами: *изъ всего сокровеннаго, хорошо оно или худо*, Симмахъ и Семдесятъ перевели: *изъ всего пренебреженнаго*, или лучше *изъ всего невѣдомаго*, въ томъ смыслѣ, что и за праздное слово и за сдѣланное не волею, а по невѣдѣнію мы отдадимъ отчетъ въ день суда. Иначе: такъ какъ страхъ свойственъ рабамъ, а совершенная любовь вонъ изгоняетъ страхъ (1 Іоан. 4, 18), и въ Божественномъ Писаніи указывается страхъ двоякаго рода—начинающихъ и совершенныхъ: то теперь, я полагаю, говорится о страхѣ совершенномъ въ добродѣтеляхъ, примѣнительно къ сказанному: *нѣсть лишенія боящимся Его* (Псал. 33, 10). Или: поелику онъ еще человѣкъ и не получилъ еще имени Бога: то законъ природы его тотъ, чтобы, находясь въ тѣлѣ, онъ боялся Бога. Ибо всякое дѣло, то есть всѣхъ людей, приведетъ Богъ на судъ во всемъ, что они въ ту или другую сторону представляли иначе, чѣмъ какъ опредѣлено и сказано Имъ: ибо *горе глаголющимъ лукавое доброе, и доброе лукавое* (Ис 5, 20).